

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ

ЦК ВЛКСМ

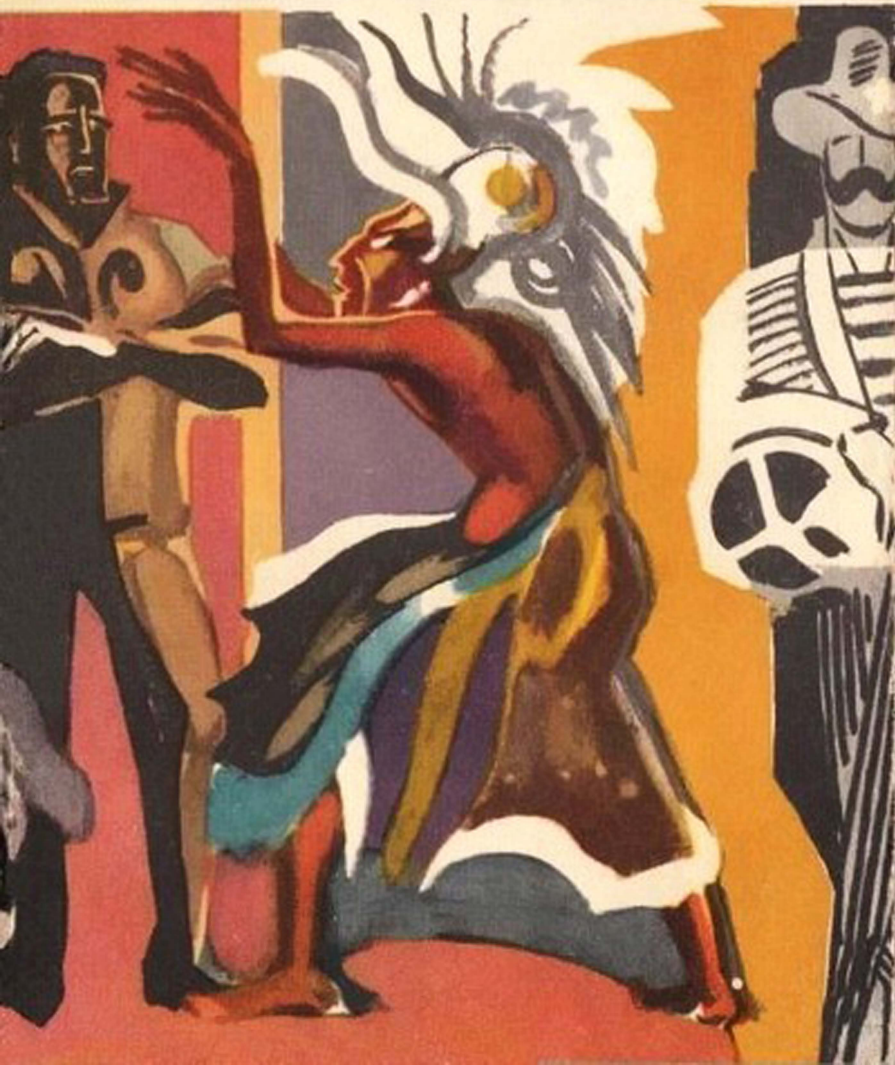
ВОКРУГ СВЕТА

Искатель

4

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ

1972

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ
ВОКРУГ СВЕТА

Искатель

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ 1972

СОДЕРЖАНИЕ

Александр КАЗАНЦЕВ — Фазы	2
Николас МОНСАРАТ — Жестокое море .	71
Л. СКРЯГИН, С. МИЛИН — Пираты XX века	118
Станислав ЛЕМ — Слоеный пирог	142

№ 70

Д В Е Н А Д Ц А Т Ы Й Г О Д И З Д А Н И Я

Александр КАЗАНЦЕВ

ФАЭТЫ

Научно-фантастический роман в трех частях

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

СЫНЫ СОЛНЦА

Глава первая. МИССИЯ РАЗУМА

1. СЕРДЦЕ НЕБА

Звезды были так яркие, что казались совсем близкими. Особенно самая блистательная из них, Вечерняя Звезда (Тлау-ицколь-пентакаухтли). Она единственная из всех ночных светил даже ночью отбрасывает тени. Если долго глядеть на нее, можно рассмотреть не просто сверкающую искру драгоценного камня в головном уборе бога Ночи, но и крохотный горящий диск, его глаз. Порой он суживается, становясь изогнутым как лезвие ножа для резки сладких стеблей. Однако видеть это дано лишь зорким жрецам-звездочетам.

Главный из них Толтекоатль (Змея Людей) в известные только ему ночи поднимался на вершину ступенчатой пирамиды, возвышавшейся над городом Толлой. И оставался наедине со звездами, в расположении которых умел читать будущее, исходы войн, славу или позор вождей.

Великий Жрец носил искусно сделанную прическу, внушавшую ужас: его волосы, склеенные кровью жертв, были уложены в виде змеи, имя которой он носил. Его огромный крючковатый нос нависал над выпяченной верхней губой и непропорционально маленькой челюстью. Глаза с недобрый блеском были приподняты к вискам, а брови повторяли линию скошенного назад лба — след заботы о будущей красоте новорожденного, череп которого зажимался специальными дощечками.

Самый младший сын Гремучего Змея — Верховного Вождя Толлы — не удостоился подобных забот. Будучи седьмым (да еще от побочной жены, бывшей рабыни) ребенком, он не мог претендовать на наследование власти, и его череп оставили без изменений. К тому же его волосы не были черными, как подобает вождю, а светлыми. И потому, уже став юношей, Топельцин, сын Верховного Вождя, многим казался безобразным своим длинным лицом, высоким лбом, прямым носом и волосами цвета выгоревшей ткани.

Однако девушка Шочикетсаль (Мотылек) была иного мнения. Гремучий Змей (Мишкоатль) совсем не казался ей привлекательнее своего сына, хотя нос его и был горбат, волосы, роскошно украшенные яркими перьями, благородно черны, лоб великолепно скошен чуть ли не под прямым углом к линии носа, а нижняя челюсть безукоризненно мала.

Шочикетсаль, тайная дочь Верховного Жреца, с удлинненными темными огненными глазами, иссиня-черными блестящими волосами и в меру скошенным лбом, была красой своего племени.

В ту звездную ночь, когда ее отец «открывал будущее», глядя на звезды, Мотылек и Топельцин искали в тех же звездах свое счастье.

Для Топельцина не было в Толле девушки желаннее, чем Шочикетсаль. Молодые люди поклялись друг другу в нежной любви и не знали препятствий, мешающих их браку и вечному счастью.

Топельцин видел в Мотылке воплощение женственности, восхищался ее царственной красотой, но в то же время угадывал под этой мягкостью свирепость ягуара, в любой момент способ-

ного на смертельный для жертвы прыжок. Но Мотыльку не нужны были жертвы. Они были нужны ее отцу. Особенно в эту ночь...

Змея Людей считался знатоком звезд и особенно одной — Провозвестницы людских бед, которую жрецы называли Сердцем Неба.

Эта звезда раз в семь лет из тусклой звездочки превращалась в ослепительное светило, не уступающее самой Вечерней Звезде — Тлау-ицколь-пентакаухтли. Ее светящийся диск, зловещий блеск которого знаменовал удар Сердца Неба, содрогал Землю, и не было тогда времени более горестного для людей.

Верховный Жрец, глядя на Сердце Неба, уже не раз предсказывал землетрясения, наводнения и голод. И всякий раз, когда его прорицания сбывались, еще больше укреплялась его власть над людьми.

И вот Сердце Неба снова грозно разгоралось. Приближались дни Великих жертв для смягчения гнева бога Небес.

Змея Людей, не ожидая рассвета, стал спускаться по высоким, достававшим ему до бедра ступеням, направляясь во дворец Верховного Вождя.

Гремучий Змей не обрадовался ночному визиту жреца, но был вынужден во всем парадном блеске выйти в освещенный факелами зал, устланный коврами из птичьих перьев. Он сел в желтое кресло, металл которого в отличие от камня никогда не тускнел, как и слава Гремучего Змея.

Об этом чудесном свойстве металла и сказал Змея Людей, льстиво приветствуя владыку.

— Однако не для того, чтобы сказать об этом, ты пришел сюда, жрец, забыв об отдыхе, необходимом твоему хилому телу.

— О владыка смертных, перед которым трепещут все варварские племена, грозящие Толле с севера и юга. Настал день Большого Пророчества. Ничтожный жрец прочитал по звездам будущее. Оно ужасно!

— Великие охотники не боятся шипения змей, — усмехнулся Верховный Вождь.

— Угроза исходит не от Змеи Людей, а от Сердца Неба. Близится его страшный удар, от которого содрогнется весь мир. Надо умиловить богов.

— Чего же хочет ненасытный жрец, волосы которого окаменели от пропитанной крови? — вспылil владыка. — Опять войны?

— Только дальновидный вождь мог сразу угадать истину! Нужна война, и пусть загрохочут боевые барабаны. Гремучий Змей вернется с вереницей рабов, связанных одной веревкой.

— Старость и страх лишили жреца рассудка. Гремучий Змей не желает верить пустым гаданиям. Живя в мире, владыка смертных построил здесь город дворцов и храмов с улицами прямыми, как лучи солнца. И он не поведет на смерть своих воинов, чтобы разгневать умиротворенные племена и вызвать их ответный удар, от которого когда-нибудь падет великолепная Толла.

— Пусть не гневит богов мудрый, но безумный вождь! Скоро он сам будет молить жалкого жреца о заступничестве, когда несчастья, страшнее всех набегов, обрушатся на Толлу и под-

Рисунки Ю. МАКАРОВА

властные ему земли. Не так ли было семь лет назад? Смиренный жрец оказался прав. Но тогда Гремучий Змей еще не был так заносчив и послушно приводил к священной пирамиде пленных, захваченных в боях.

— Вождь проливал кровь вооруженных людей в бою, а жрец взрезает грудь беззащитных рабов, которые могли бы трудиться для его же богов, воздвигать пирамиды или строить дороги для народа Толлы, очищать леса для новых посевов кукурузы.

— Пусть опомнится вождь!

— Гремучий Змей не пойдет войной на соседей. И не позволит никому, даже Великому Жрецу, подрывать основы государства, созданного трудом всей жизни владыки смертных.

— Гремучий Змей пожалеет об этом, хотя он и равен богам на Земле, — процедил сквозь редко посаженные зубы Великий Жрец и, пятясь, вышел из зала.

Следующий день был ясным и солнечным, хотя утром внезапно разразилась гроза.

Люди собирались на главной площади города Толлы у подножия пирамиды храма бога Неба. Глашатаи возвестили, что Великий Жрец провозгласит Скорбные Пророчества.

Топельцина, жившего в одной из задних комнат дворца, разбудили крики на площади. Он быстро оделся и даже без обычного убора из черных перьев, прикрывавших его светлую голову, вышел на площадь.

Толпа бурно приветствовала своего любимца. Он был кумиром всех, кто увлекался священной игрой в мяч. Топельцин не стал прославленным воином, поскольку его отец давно не вел войн, но в ритуальных игрищах своей необыкновенной выносливостью, силой и меткостью заслужил славу первого игрока. Он давно бы стал вождем игрового отряда, если бы не был сыном Гремучего Змея. Столь знатному юноше не подобало рисковать своей головой, которой, как известно, платились вожди проигравших.

Топельцин рассеянно смотрел поверх голов, отыскивая единственное лицо, которое ему больше всего хотелось бы увидеть.

Мотылек тоже проспала в это утро, и ее разбудил шум на площади. Она подбежала к дворцу одновременно с Топельцином и стала протискиваться к нему.

Вскоре она добралась до любимого. Незаметно держась за руки, они стали пробираться к пирамиде, чтобы яснее услышать слова прорицания. Оно могло быть только самым счастливым. Так сказали им звезды.

На вершине пирамиды показался Великий Жрец. Снизу казалось, что голос Змеи Людей вещает прямо с неба:

— Горе людям Толлы, горе! Великие несчастья надвигаются на них. Пусть бегут былые любимцы богов от огненных рек, которые вырвутся из жерл дымящих гор, спасаются от бурлящих рек, что выйдут из берегов, пусть плачут обездоленные над возделанными полями, которые нечем будет напоить. Пусть готовятся все изнывать от зноя и жажды, умирать от голода. Нет больше благодатных войн, которые обогащали людей Толлы и приводили к жертвенным камням пленных, чьи горячие сердца были угодны богам. Ныне все не так! И боги не прощают их забвения. Горе людям Толлы, горе!

Стон прошел по толпе. Множество горестно вздетых рук колебались в воздухе, как тростник на ветру.

Великий Жрец продолжал:

— Ничтожный заступник тех, кто чтит богов, умолял бога Неба смилостивиться над людьми Толлы, он обещал ему богатую жертву в десять тунов горячих сердец. Но как слабому жрецу, бескорыстно любящему людей Толлы, выполнить это обещание? Доблестные воины Толлы ныне сладко отдыхают на коврах из птичьих перьев и пьют дурманящую пульку, погружаясь в «калан». Недостойный жрец решил призвать десять раз по двадцать юношей, чтобы они добровольно отдали свои сердца богу Неба, спасая тем свой народ от великих несчастий. Пусть прекрасные юноши сейчас же взберутся на первую ступень пирамиды, и завтра в полдень, когда солнце заглянет сквозь священное отверстие в крыше храма, чтобы полюбоваться подвигом героев, они один за другим взойдут на жертвенный камень, переходя с него на небесную твердь.

Снова стон прошел по толпе.

Топельцин и Мотылек взглянули друг на друга. Потом они перевели взгляд на первую ступень пирамиды, куда должны были взобраться двести самых сильных и прекрасных юношей. Мотылек, словно боясь чего-то, крепко сжала мизинцем палец Топельцина, а тот прошептал:

— До каких пор будет существовать этот позор людей, не достойный даже ягуаров?

Девушка испуганно посмотрела на его каменное лицо.

Великий Жрец терпеливо ждал, с презрением смотря вниз, потом воскликнул:

— Слабый заступник смертных знал это! Люди отдают свои сердца не сами, а по выбору богов. Змея Людей запросил богов и получил ответ. Возрадуйтесь! Десять тунов молодых сердец может заменить на не тускнеющем от крови блюде одно только сердце, если оно принадлежит самому красивому, самому сильному, самому знатному юноше города Толлы.

Топельцин чувствовал, как дрожит рука Мотылька. Он с улыбкой повернулся к ней:

— Он сказал «самому красивому», значит, с черными волосами и скошенным лбом.

Шочикетсаль кивнула.

— Преданный людям Толлы их заступник запросил богов, кто угоден им, — продолжал Великий Жрец. — И они ответили: тот, кто любим в городе больше всех, кто сумел показать свою силу и ловкость, даже когда нет войн, кто по родству ближе всех к самому могущественному человеку Толлы.

И третий раз застонала толпа.

— Топельцин признан счастливейшим из смертных! — гремел голос жреца. — Его избрали боги. Только его сердце может заменить целых десять тунов сердец его сверстников.

Топельцин и Мотылек почувствовали, как отхлынула от них толпа. Теперь они стояли вдвоем перед грозной каменной громадой. Одетые во все черное жрецы уже спешили к Топельцину.

До завтрашнего полдня он будет первым человеком Толлы. Великий Жрец и Верховный Вождь станут униженно прислуживать ему на вечернем пиршестве, которое устроят в его честь. Его оденут в лучшие одежды, перед ним будут танцевать искус-

нейшие танцоры, прекраснейшие девушки Толлы станут его наложницами.

Мотылек в ужасе смотрела на Топельцина. Он стоял как гипсовое изваяние, недвижимый и белый.

Жрецы в черных хламидах оттеснили Мотылька от Топельцина и водрузили ему на голову великолепный убор из драгоценных перьев. Заботливо и цепко взяли жрецы избранника богов под локти и повели через живой коридор из павших ниц людей Толлы.

Только Мотылек осталась стоять. Она крикнула:

— Шочикетсаль разожжет сейчас гнев владыки Толлы, если ему дорог сын. И она будет умолять своего отца пощадить ее любимого.

Топельцин обернулся и в последний раз улыбнулся ей.

Мотылек кинулась во дворец к Гремучему Змею. Он уже знал все, но на его мрачном лице ничего нельзя было прочесть. Жизнь одного человека (даже его собственного сына) слишком мало значила в борьбе с жрецами. Старый вождь сказал:

— Пусть не горюет девушка. Владыка смертных обещает, что она станет женой его сына.

Мотылек просияла как Вечерняя Звезда.

— Шестого, — добавил Гремучий Змей. — Горе Великому Жрецу, если не исполнятся его предсказания.

Не помня себя девушка бросилась к пирамиде, чтобы добраться до своего отца. Но женщинам не разрешалось подниматься по священным ступеням, и жрецы не пустили ее. Тогда она стала требовать, чтобы и ее принесли завтра в жертву богам! Ведь Великий Жрец призывал же-

лающих отдать свои сердца. Жрецы молчали.

Всю ночь простояла Мотылек у нижней ступени пирамиды. Она слышала шум пира, доносившийся из дворца. Она с ужасом думала, что во главе пирующих сидит ее Топельцин и что его ласкают красивейшие девушки Толлы. Горе и ревность одновременно терзали несчастную Шочикетсаль. Гордость не позволяла ей стать наложницей избранника богов. Но никто не помешает ей взойти с ним на жертвенный камень. Таков закон богов.

Жрецы молчали, но она добила того, что оказалась у самого основания пирамиды. Люди многозначительно переглядывались, указывая на нее. Она не знала, что ее прекрасные волосы, прямые и иссиня-черные, стали совсем белыми. Но лицо Мотылька было по-прежнему молодо и прекрасно. Седые волосы лишь оттеняли ее красоту. Сам Великий Жрец, увидев, что произошло с его дочерью, возвестил, что бог Неба одарил ее серебром своих звезд и этим отверг ее желание принести себя в жертву вместе с Топельцином. «Закон богов» был нарушен — Змея Людей, несмотря на свою жестокость, все-таки любил свою дочь.

Солнце неуклонно приближалось к роковой для Топельцина точке на небосводе. Жрецы в черных одеждах торопили юношу, ведя его к пирамиде. На нем уже не было роскошных одежд, а его обнаженное тело покрывала лазоревая краска.

Он шел с высоко поднятой головой среди толпы, лишь вчера преклонявшейся перед своим кумиром, а теперь безропотно отдавшей его жрецам.

При виде Мотылька с волосами еще более светлыми, чем у него, он удивленно раскрыл глаза и замедлил шаг. Но жрецы стали грубо толкать его к священным ступеням.

К счастью, бедная Мотылек не видела, как подвели Топельщина к жертвенному камню, как повалили его. Четыре жреца вцепились в его руки и ноги, оттягивая их вниз. Светловолосая голова юноши откинулась назад, его широкая грудь выпятилась.

Для Великого Жреца Змеи Людей не было большего наслаждения, чем распластать острым ножом натянутую кожу, запустить руку в рану, вырвать бьющееся сердце и поднять высоко над головой.

Змея Людей с хриплым счастливым криком бросил на золотое блюдо окровавленное, но все еще пульсирующее сердце.

Жрецы торопливо столкнули лазерное тело с крутого склона пирамиды, и оно полетело вниз, ударившись о мошеную площадку. Толпа шарахнулась в стороны, а неизвестно откуда выскочившие жрецы в черных балахонах схватили тело и утащили его в глубину пирамиды.

2. НЕБЕСНАЯ СТРАНИЦА

Я, Инко Тихий, носивший впоследствии имени Кетсалькоатля и Кон-Тики, предпослал рассказ о Топельщине своему повествованию о Миссии Разума потому, что судьба и даже имя несчастного юноши странно переплелись с моей жизнью с того самого времени, когда к Мару стало приближаться космическое тело, которое жрецы Толлы называли Сердцем Неба, а марианские звездоведы — Луа.

Вместе с нашим учителем, великим звездоведом Вокаром Несущим, мудрым, но сварливым марианином, не терпящим чужих мнений, и моим другом Нотаром Криком, красивейшим и умнейшим юношей Мара, которого все попросту звали Нотом Кри, мы готовились к проверке тревожных предположений Вокара Несущего о возможном столкновении планеты Луа с Маром. Все население глубинных городов с волнением ожидало нашего заключения.

Одна из звездных труб была вынесена из обсерватории прямо под открытое небо, где видимость в разреженной атмосфере Мара была много лучше, чем через прозрачный колпак. Но, конечно, дышать таким воздухом никто не мог. Недаром на Маре, если не считать остродышащих ящериц, не встречалось других представителей животного мира, кроме неведомо как попавших сюда мариан.

Редкая атмосфера Мара была слабой защитой от падающих метеоритов. Мы, звездоведы, вычислили, что за сутки на всю планету выпадает столько больших и малых космических тел, что, собранные вместе, они составили бы куб со стороной в пятьдесят шагов. К счастью, большинство метеоритов сгорало в атмосфере и опасными были лишь наиболее крупные из них. Конечно, звездовед, работающий в скафандре, рисковал, но не больше, чем любой марианин, трудившийся в оазисах, орошаемых искусственными глубинными реками, прорытыми многими поколениями мариан.

Я усердно наблюдал в трубу все ярче разгоравшуюся звездочку Луа, отмечая ее причудливое движение среди других звезд. Она летела по удлинненной неустойчивой орбите, испытывая на себе влияние встречных планет, с одной из которых когда-нибудь могло произойти столкновение.

Такая опасность повторялась каждые три с половиной цикла (через семь земных лет!).

Купол обсерватории примыкал к обрывистым скалам потухшего вулкана, изобиловавших пещерами, где расположился наш глубинный город. От кольцевых гор тянулась каменная пустыня, изъеденная кратерами когда-то упавших метеоритов. Вдали синели заросли оазиса.

Вдруг темная ночь озарилась. Ощущение слепоты, острая боль в груди и удущье закрыли от меня мир.

Довольно крупный метеорит, как установили впоследствии, врезался в каменистую почву недалеко от той звездной трубы, в которую я смотрел. Он взорвался, подобно сказочной бомбе фаэтов. Выброшенный из нового кратера камень сорвал с меня заплечные баллоны, а острый осколок метеорита, порвав скафандр, резанул мне грудь под ребрами (глубокий шрам так и остался на долгие годы).

Поверженный, ослепленный, я упал, раскинув руки, заставив себя затанцевать дыхание, как при «нырянии».

Мой друг Нот Кри, как и я увлекавшийся своеобразным спортом, «нырянием без скафандров на поверхность планеты», выскочил из обсерватории без шлема и под градом сыпавшихся осколков побежал ко мне.

Нужно было обладать его тренировкой, чтобы поднять меня и без единого глотка воздуха донести до обсерватории.

Мы оба упали без сознания к ногам Вокара Несущего, который убедился, что рана моя не смертельна. Вместе с пришедшим в себя Нотом Кри он зашил ее с искусством «жрецов здорovia» древности.

Подземным переходом меня перенесли в глубинный город, где я потом и очнулся.

Мы были друзьями с Нотом Кри, хотя отличались друг от друга во всем, если не считать того, что оба были честолюбивы.

Правда, было еще одно, в чем мы сходились с Нотом Кри: мы оба были влюблены в Кару Яркую (Кару Яр, как ее все звали).

Нот Кри и я постоянно соревновались. Надо сказать, что наш учитель в большинстве случаев предпочтение отдавал не мне. Я был слишком неуравновешенным, слишком вольно для излучающего обращался со знаниями, допуская домыслы и фантазию.

Признаюсь, фантазия, пожалуй, была моей и самой сильной, и самой слабой стороной. Она привела меня к звездам, она же заставила увлечься предысторией мариан, загадка появления которых на нашей малопригодной для жизни планете давала богатую пищу воображению. Серьезные звездоведы не прощали мне того, что все метеориты, падающие на Мар, а также малые космические тела, расположенные по круговой орбите между Маром и Юпи, я представил себе осколками когда-то существовавшей планеты Фаэны. По их же мнению, Фаэне еще пред-

стояло образоваться, поскольку все планеты якобы когда-то возникали из сталкивающихся метеоритов. Жизневеды, в свою очередь, отлучили меня от Знания за то, что я допускал, будто мариане могли попасть на Мар с другой планеты, где богатство жизненных форм позволило появиться и высшему разумному существу. Знание Мара утверждало: мариане — продукт развития глубинных существ, на высшей своей ступени вышедших (в скафандрах) на поверхность планеты.

Я страдал, но продолжал увлекаться древними сказками о фаэтах, будто бы живших на планете Фаэне, погубленной ими во время чудовищной войны с применением неведомой энергии.

Нот Кри, всегда согласный с Вокаром Несущим в спорах, безжалостно высмеивал меня даже в присутствии Кары Яр. А спорили мы с ним по любому поводу. Например, о происхождении планеты Луа. Ее признавали «гостьей», залетевшей в нашу планетную систему, я же считал ее бывшим спутником Фаэны. Когда Фаэна взорвалась, а потом развалилась на части (породив от их столкновения в дальнейшем потоки метеоритов), она уже не могла удержать бывшего спутника, и Луа оторвалась от нее, обретя собственную удлиненную и неустойчивую орбиту.

Хотя, с точки зрения звездоведения, в моей гипотезе все было достаточно обоснованно, она отвергалась учеными, так как, по мнению авторитетов, планеты взрываться сами по себе не могли. Этот довод и привел Нот Кри.

Кара Яр всегда слушала нас с нескрываемым интересом, переводя взгляд своих синих глаз с одного на другого.

Кара Яр была очаровательнейшим существом. Небольшой выпуклый лоб, четко очерченный профиль, выразительные, всегда готовые улыбнуться губы и вопрошающие глаза под приподнятыми дугами бровей.

— Неужели, Инко Тихий, ты веришь в фаэтов? — как-то спросила она. — И что разумные существа отнимали у кого-то жизнь? — Кара Яр передернула плечами.

Нот Кри торжествующе посмотрел на меня.

— Кошмары извращенной фантазии, — едко заметил он. — Нашим предкам пришлось бы переделывать своих потомков хирургическим путем, дабы лишить их наследственной дикости.

— Не думаю, чтобы мариан переделывали таким образом.

— Так отчего же мы с тобой склонны победить друг друга, но не уничтожить?

— У меня есть гипотеза, но я боюсь, что ты ее высмеешь.

— Прошу, расскажи о ней, — вмешалась Кара Яр.

Я стал отстаивать довольно странную для мариан теорию:

— Характер фаэтов, наших пращуров, зависел от условий их жизни. Возможно, не умея, как мы, изготавливать пищевые продукты, они пользовались накоплением питательных веществ самой природой в живых организмах и для получения их употребляли в пищу трупы животных, умерщвляя их ради этого. Видимо, убийство было для них обыденностью и даже незаменимым средством к существованию.

— Как? — ужаснулась Кара Яр. — Они пожирали друг друга?

Нот Кри расхохотался:

— Поистине дикая гипотеза о диких нравах. Надобно тебе

сказать, Инко Тихий, что Знание установило существование двух миров: растительного и животного. И, помимо искусственного получения питательных веществ, только растительность может служить пищей животным. Это общеизвестно. На Маре неведомы иные примеры.

— Но на Фаэне могло быть, — парировал я.

— Так что же произошло с потомками фаэтов на Маре? Почему они перестали питаться друг другом? — ехидно спросил Нот Кри.

— Потому что, переселившись на Мар, они могли выжить в новых условиях, только вместе борясь с суровой природой, существуя в искусственно созданных условиях, заменяя щедрость природы Фаэны воспроизведением ее процессов в части получения питательных веществ.

— Ах, вот как! — продолжал насмехаться Нот Кри.

— Ты любишь факты. Пожалуйста: состав необходимого для дыхания воздуха в наших глубинных поселениях поддерживается искусственно. Так же пришлось воспроизводить процессы выращивания питательных веществ уже не в живых организмах, как было прежде на Фаэне, а в котлах и трубах. Общественное устройство мариан прежде всего служило именно этим целям. Иначе мариане не выжили бы. И теперь каждый марианин воспитывается для служения всем, получая взамен необходимое для жизни в пределах разумного самоограничения. Никто не вдохнет воздуха больше, чем вместят его легкие, никто не съест больше, чем нужно организму, не потребует больше костюмов или скафандров, чем сможет надеть, или келий больше, чем может заселить вместе с семьей. И конечно, ни о каком убийстве здесь никогда не могло и не может быть и речи. Вот почему новые условия и воспитание сделали мариан во всем равными друг другу и совсем иными, чем их предки, фаэты. Ныне нам известно, что именно из-за разных условий жизни животные стали непохожими на растения.

— Какая нелепость! — снова расхохотался Нот Кри. — Поистине прав наш учитель, предостерегая изучающих от фантазии, ведущей в тупик безответственности.

Так обычно кончались наши споры с Нотом Кри. На меня надевался «позорный скафандр скудности знания», и Каре Яр предоставлялось признать меня побежденным.

Но она все-таки была загадкой для нас с Нотом Кри. Я замечал, как загорались внутренним светом ее глаза, едва разговор заходил о «сказочных фаэтах». Она не присуждала никому из нас победы и не предпочитала никого из нас.

Когда я стал поправляться после ранения осколком метеорита, Нот Кри привел Кару Яр навестить меня.

Желая подбодрить меня, он сказал, что наши с ним наблюдения Луа принесли Мару успокоение. На их основе математические устройства вычислили, что Луа не столкнется с Маром. Более того, угрожавшей нам Небесной Страницы отныне больше не будет.

— Как так не будет? — удивился я.

— Обретя неустойчивую орбиту между Земой и Веной, она столкнется с планетой Зема на одном из расширяющихся витков, — ответил Нот Кри.

Я не знаю, чем объяснить все, что потом произошло. Вероятно, моим болезненным состоянием. После слов Нота Кри я впал в беспамятство и стал бредить, твердил что-то о кровных братьях по разуму, о нашем долге спасти их.

Когда я пришел в себя, Кара Яр держала мою руку, и мне было от этого так радостно и хорошо, что не хотелось открывать глаза.

Эти мгновения повернули всю мою судьбу, совместили ее с оборванной на Земе жизнью юноши Топельцина, о котором я говорил ранее.

Однако прежде, чем поведать о себе, я должен рассказать о марианах, вырастивших меня и сделавших таким, какой я есть, со всеми стремлениями и недостатками.

Глубинные города мариан издревле управлялись Советами Матерей. Матери всегда почитались в семье, городе, на всей планете. Матери производили нас на свет, матери воспитывали в духе общества мариан. Спустя много лет мне привелось узнать на Земе, что некоторые из маленьких землян (людей) по воле случая воспитывались животными, которые усыновляли их. Дети развивались, выросли, но оставались зверями, даже если и попадали потом к людям. То, что делает человека человеком, закладывается матерью (или воспитателями, заменявшими ее) до шестилетнего возраста. Если в ту пору ребенок не подвержен человеческому влиянию, если его не стараются с помощью воспитания сделать человеком, то он уже никогда не станет им, несмотря ни на какую наследственность.

Этим я объясняю, почему мы, мариане, воспитанные матерями, а потом учителями в духе выполнения ДОЛГА перед всеми, ставим этот ДОЛГ выше всего. Древнейшие стихи Тони Фаз, одного из наших сказочных героев, воспринимались нами с раннего возраста как основной закон жизни:

Есть нечто более важное,
Чем счастье,
Более прекрасное,
Чем любовь,
Более ценное,
Чем жизнь.
Это нечто — ДОЛГ.
Без долга не было бы
Ни жизни, ни любви, ни счастья.

Для меня с моей чрезмерной фантазией чувство ДОЛГА, пожалуй, переросло все пределы. Помню, наша семья во главе с нашей мамой, которая входила в Совет Матерей Города Долга (даже город наш носил такое название!), жила в нескольких давным-давно выбитых в стене сталактитовой пещеры кельях, обставленных изящной плетеной мебелью из синеватых кустарников, выведенных в оазисах наверху. Перед входом к нам росло подземное дерево, выращенное здесь нашим дедом. Живое дерево среди каменных сталактитовых колонн. Я всегда мечтал о чудо-дереве...

Мать наша любила скульптуру и сама была ваятельницей. По прекрасному каменному изваянию ее работы я знал своего отца, погибшего на поверхности Мара от взрыва метеорита.

Отец был инженером и ведал водоснабжением оазисов, он погиб в районе талых вод, окружавших полярные льды.

Для нас с младшей сестренкой Ивой он был воплощением Долга.

Наша мама с ее характером суровым и непреклонным никогда не забывала горечи утраты, но не старалась уберечь наше впечатлительное детство от правды жизни. Потому одна из стен нашей общей комнаты была искусно выполненной цветной картиной, изображавшей взрыв метеорита и гибель нашего отца, скафандр которого был разорван выброшенными из кратера камнями, а дыхательные баллоны сорваны. К несчастью, подле отца не оказалось такого друга, как Нот Кри, чтобы спасти его. Мы, дети, привыкли рассматривать правдоподобную картину, выполненную светящимися в энергопотоке красками. Когда мама выключала этот поток, краски исчезали, и вместо знакомой картины виделся старинный барельеф, украшавший когда-то жилище наших далеких предков. Он был посвящен сказочной теме фаэтов. И всякий раз я бывал возбужден, взбудоражен изображением старинного цилиндрического снаряда-башни, якобы служившего фаэтам для движения без отталкивания, для полета в пустоте, отвергавшегося на Маре как невозможного.

С детства я мечтал быть похожим на отца.

Но своим безудержным воображением я раздвинул границы Долга. Потрясенный известием о предстоящем столкновении Луа с Земой, я представил себе ужасные картины полной гибели всего живого на Земе. (Возможность жизни на ней не решались отрицать даже такие твердомыслящие авторитеты, как Вокар Несущий, а с ним и Нот Кри.)

Когда Нот Кри вместе с Карой Яр сидели у моего ложа, я сказал им, что теперь просто необходимо вернуться к древним легендам. Ведь сказочные фаэты, погубив свою планету, погибли не все! По преданию уцелели две группы, улетевшие в космос на своих чудо-кораблях, двигавшихся без отталкивания. Первая группа спустилась на Мар, дав начало расе мариан, а вторая... вторая осталась на Земе. Там теперь должны жить их потомки, наши братья по крови и разуму.

— Но как можно помочь им? Как? — спросила тогда Кара Яр.

— Если верны сказки о наших общих с землянами предках, фаэтах, то верны они и в том, что фаэты владели чудовищной силой, связанной с распадом вещества.

— Распадом вещества? — отшатнулась Кара Яр.

— Мы обязаны вновь овладеть этой силой, чтобы вмешаться в небесную механику, сбить с опасной орбиты Луа, спасти Зему.

— У тебя жар, — сказал Нот Кри. — Ты забыл, что нет никаких указаний на то, что Зема населена разумными. Ведь за тысячу циклов никто у них не отозвался на наши призывы электромагнитной связи.

— Распад вещества? — с ужасом повторила Кара Яр.

— Бесполезно мечтать о нем, — авторитетно заверил Нот Кри. — Ежели фаэты и владели неведомой энергией, то у нас нет никаких шансов снова овладеть ею прежде, чем столкнутся Луа и Зема. Недаром в течение несчетных поколений Знание

на Маре умалчивало об этих проблемах. Тебе, Инко Тихий, лучше всего сейчас отдохнуть.

— Отдыхай, Инко. Я приду к тебе, — сказала Кара Яр.

3. ОТСТУПНИЦА

Но Кара Яр больше не пришла. Вскоре я окончательно поправился, и не было уже повода навещать меня.

Однако я все время мыслями был с нею, потому что моя младшая сестренка Ива Тихая лишь о ней и говорила, и только этим я отвлекался от преследовавших меня мыслей о неотвратимой гибели Земли.

Ива была в том возрасте, когда влюбляются во всех. И она была влюблена: в мать, в меня, в Нота Кри, но особенно в Кару Яр. Та казалась ей совершенством. Иве хотелось во всем подражать Каре Яр: в изящной одежде, в умелой прическе, в стремлении все узнать, в обаятельной простоте общения.

Но на беду свою некрасивая и бледная Ива Тихая была совсем иной, чем Кара Яр. Мона Тихая, наша мать, статная, все еще привлекательная, всегда знала, чего хочет, Ива же ничего не знала ни о себе, ни о своих желаниях. Она страдала оттого, что у нее нет заметных способностей, которые сделали бы ее достойной прочих мариан, и ей казалось, что она им в тягость. Иве было рано так строго судить себя, но она хотела походить на Кару даже в ее неудовлетворенности собой, а та страдала оттого, что не может отдать Городу Долга особо ценных способностей, к сожалению, и не проявившихся у нее. Кара Яр была лишь рядовым инженером энергетической установки Дня в Ночи, использующей разность тепловых уровней поверхности Мара в дневное и ночное время. А ей хотелось сделать что-нибудь значительное. Хотелось этого и Иве.

Вместе с другими марианами мы (Нот Кри, Ива Тихая, Кара Яр и, конечно, я) увлекались «бегом без дыхания». Сначала мы долго тренировались в заброшенных галереях, пробитых в горах давними поколениями. Мы пробегали по покинутым улицам немалые расстояния, приучая себя почти не дышать. Особая выработанная нами система дыхания позволяла использовать запас воздуха в легких, делая лишь один вдох на старте и следующий уже после финиша. Сначала пробегались десятки шагов, потом расстояния все увеличивались.

Мы с Нотом Кри соперничали и здесь, попеременно добиваясь успеха.

Потом тренировки перенесли на поверхность Мара, где дышать было невозможно. Такие игры были опасны, но они развивали в марианах многие качества: отвагу, выдержку, выносливость, наконец, способность какое-то время действовать в атмосфере Мара без скафандров, а это имело немалое практическое значение.

Собственно, этому увлечению молодежи я и обязан был своей жизнью.

Однако марианки (первая из них Кара Яр, а вместе с нею и Ива) задумали овладеть большим, чем способность находиться

в чуждой среде. Имея перед собой пример живущих на поверхности «остродышащих ящериц», они хотели постепенно приучить и свой организм к такому же «острому дыханию», чтобы наши потомки смогли бы выйти из глубинных убежищ на поверхность, победив неуклонное вырождение расы. Марианки не просто бегали в непригодной для дыхания атмосфере Мара, они пытались в ней «дышать». Конечно, это не давало ощутимых результатов. Мариане не смогли бы уподобиться «остродышащим ящерицам», как не смогли бы уподобиться рыбам ловцы жемчуга, впоследствии увиденные мною на Земе...

Несчастливая Зема своей грядущей трагической судьбой занимала тогда все мои помыслы. Я не знал покоя.

В своем воображении я видел яркую цветущую Зему с зарослями диких растений, с широкими реками, с колоссальными водоемами, уходящими за горизонт, с прекрасными горами...

Всюду кипит бурная и шумная жизнь. Земяне дышат воздухом поверхности планеты, не потому что они обладают «острым дыханием», как наши ящерицы, а потому что этот воздух подобен былому воздуху погибшей Фаэны.

Но вдруг наступает грозный миг, когда одна из слабо освещенных звездочек превращается сначала в небольшой, а потом во все более и более заметный диск, который наконец сравнится с дневным светилом. И вот тогда скажется тяготение приближающегося небесного тела. Жидкость из водоемов обрушится на прибрежные города, сметая здания, людей, животных. Одновременно содрогнется сама планета Зема, рухнут возведенные на ее поверхности прекрасные здания, а остатки их провалятся в глубокие дымящиеся трещины. Оживут огнедышащие горы, известные нам и на Маре, но куда более страшные на Земе. Из жерл извергающих пламя гор польется расплавленная магма, подобная первичному состоянию породы на только что образовавшейся планете. Огненные реки потекут по склонам, сжигая все на своем пути. Зловещий диск в небе, светясь не только ночью, но и днем, станет пугающе расти. Еще раз содрогнется планета, огромные пространства суши уйдут под воду.

А из океанов поднимутся другие участки суши и выпучатся горными хребтами. Огромные массы испарившейся воды поднимутся в виде паров и капелек в воздух и пронесутся над поверхностью планеты неистовыми струями, подобно марианским пылевым бурям.

Небесная Странница, следуя путем, вычисленным нашими математическими устройствами, летела прямо на Зему, попав в зону ее притяжения.

Когда столкновение, как я представил себе, наконец, произошло, еще один мир погиб в катастрофе. Вся энергия движения Луа по закону неизменности суммарной энергии перешла в тепло, оно разогрело столкнувшиеся планеты и превратило их в общую расплавленную массу.

Этот кошмар, отражая мои дневные мысли, как бы иллюстрировал их ночью.

Мне казалось, что я сойду с ума. Я не понимал, как остальные мариане могут жить спокойно.

Ива видела, что со мною происходит, хотя я и не рассказывал ей о своих видениях, и стала настойчиво уговаривать снова заняться бегом без дыхания.

Я отмахнулся было от сестры, но она близко к сердцу приняла мой отказ:

— Если для тебя, Инко Тихий, существует Великий Долг, то ты должен сделать это... не только для меня.

Я почувствовал в ее словах какой-то скрытый смысл и согласился.

Стараясь пересилить гнетущее меня отчаяние, я стал по ночам бегать по заброшенным галереям вымершей части нашего города, чтобы восстановить былую спортивную форму.

Сначала я пробегал по триста шагов. По поверхности Мара, куда Ива неотступно тянула меня, надо было пробежать тысячу шагов до спортивного убежища среди марианской пустыни. Там спортсмен мог передохнуть и набрать в легкие воздух для обратного пути к шлюзу города.

После первых трехсот шагов в голове у меня помутилось, перед глазами поплыли темные круги, я готов был упасть и вынужден был вздохнуть. Я понял, что еще не готов для тренировки, которую требовала от меня Ива.

Но я был настойчив и упорен. Скоро я пробегал четыреста шагов без второго вдоха, потом пятьсот и, наконец, тысячу и даже тысячу двести. Это удалось, конечно, не в первую, даже не во вторую или третью ночь, но удалось.

Дежурные в городском шлюзе пожилые мариане отнеслись к нашему с Ивой желанию бежать в пустыне без дыхания неодобрительно. Однако не в правилах мариан было чем-нибудь

ограничивать молодежь. Нас беспрепятственно выпустили, но я заметил, что один из шлюзовых мариан стал поспешно надевать скафандр, возможно, для того, чтобы вовремя прийти на помощь.

Я бежал навстречу яркому диску в нашем фиолетовом небе, думая, что моя Ива бежит следом за мной. Она могла дольше моего пробыть без дыхания, но я бежал быстрее. На полпути я обернулся и, к своему изумлению, увидел, что Ива возвращается к городскому шлюзу. Обернувшись, она сделала знак рукой, чтобы я продолжал бег.

Я добежал до цилиндрического спортивного убежища, пролетел через вращающийся тамбур, жадно вдохнул в себя наполнявший убежище годный для дыхания воздух и услышал знакомый голос:

— Это я хотела, чтобы ты прибежал сюда ко мне, Инко Тихий, Кара Яр!

Одетая в серебристый, облегающий спортивный костюм, она была, как мне показалось, особенно прекрасна.

Кара Яр взяла меня за руку:

— Бедный Инко Тихий, я заставила тебя не дышать целых тысячу шагов.

Я хотел ответить ей, что готов совсем не дышать, лишь бы смотреть на нее, но, к счастью, удержался от этой глупости, продолжая жадно глотать воздух.

— Ты еще не можешь прийти в себя?

— Не могу, — признался я.

— Ива ничего не сказала тебе о Великом Долге?

— Сказала.

— И ты не понял, что это имеет отношение ко мне?

— Нет.

— Ты поймешь, когда узнаешь, что для этого разговора я не могла довериться даже заброшенным галереям города.

Я никогда не понимал Кару Яр до конца. Не понимал ее и сейчас. На миг я вдруг почувствовал себя счастливым. Но она улыбнулась мне... Улыбки бывают разные. Эта улыбка сразу привела меня в себя.

— Скажи, Инко, ты все еще бредишь гибелью Земя, как тогда на ложе после ранения?

Я кивнул.

— Расскажи, — потребовала Кара Яр.

Я пересказал Каре Яр некоторые из своих ночных видений. Она слушала содрогаясь.

— Это ужасно, — наконец сказала она, поведя плечами. — Я тоже думала об этом, но не так зримо.

— И ты тоже? — удивился я.

— Потому я и попросила Иву прислать тебя сюда.

— Я здесь.

— Тогда слушай. Есть Великая Тайна, которую хранят марианки в течение полумиллиона циклов Мара.

Кара Яр вдруг прислушалась, подошла к вращающемуся тамбуру, словно в нем кто-то мог спрятаться.

— Что это за тайна марианок? — спросил я.

— Да, что это за Великая Тайна марианок? — раздался голос Нота Кри, увидевшего из тамбура.

Кара Яр с вызовом посмотрела на него. А он перешел на глубое дыхание и спокойно сказал:

— Я встревожился за Инко Тихого, ибо он побегал без дыхания впервые после ранения. И не сразу вернулся. Потому я пошел за свой долг последовать за ним.

— Спасибо тебе, Нот Кри. Ты снова готов был спасти меня.

— Но, оказывается, тебя приобщают здесь к Великой Тайне, каковую не знал еще ни один марианин.

— Если не считать Великого Старца, завещавшего марианкам хранить его Запреты, и если не считать тебя, — высокомерно сказала Кара Яр.

— Как? — удивился Нот Кри. — Ты намереваешься и меня приобщить к этой Тайне?

— Да, теперь и тебя... и всех мариан! — с вызовом бросила Кара Яр. — Великий Старец был фазтом, впервые ступившим на Мар. Он хотел оградить мариан от несчастий, выпавших на долю обитателей Фазны.

— Эти сказки мы слышали, — усмехнулся Нот Кри.

— Тайна заключается в том, что это не сказки, а подлинная история наших предков. Эти сказки потому и воплотились в действительность, что марианки оберегали своих детей.

Нот Кри пожал плечами.

— Подлинная история? — вмешался я. — Значит, энергия распада действительно существовала? И можно двигаться в пустоте без отталкивания, лететь на другие космические тела?

Кара Яр опустила голову и кивнула.

— Престранно, — заметил Нот Кри, — отчего же именно ма-

рианкам дано было Знание этих Тайн? И в чем смысл их сохранения?

— Марианки давали жизнь новым поколениям, и для них было естественным оберегать будущие жизни даже ценой собственной. На Маре никого не убивают, но марианка сама не сможет жить, если нарушит завет о том, что мариане никогда не должны возвращаться мыслью к проблеме распада вещества, чтобы не использовать ее друг против друга, как сделали это их предки — фаэты. И никогда мариане не должны знать принципа движения без отталкивания, рождающего снаряды смерти, пусть для них это навсегда останется только сказкой и не вспыхнет мечтой.

Кара Яр кончила. Я бросился к Ноту Кри и обнял его:

— Ты мой друг! То, что открыла нам Кара Яр, показывает марианам путь к спасению землян, наших братьев по крови и разуму!

Нот Кри осторожно освободился от моих объятий:

— Ежели бы я верил старым сказкам, я согласился бы с тобой. Но все равно усомнился бы в возможности повторить долгий путь предков.

— Да, марианки полмиллиона циклов скрывали даже само существование Великих Тайн, — снова заговорила Кара Яр. — Они охраняли опасные знания не только ценой собственной жизни, но даже ценой счастья. Слушайте, я расскажу вам историю, которую передавали из поколения в поколение матери дочерям.

— Поистине сегодня день необычных сюрпризов, — заметил Нот Кри. — Попробуем почувствовать себя марианками.

— История любви Томе и Эны трогательно проста. Их свел Великий Случай, словно выполнявший закономерную необходимость. Они встретились во время празднования конца учения. Молодежь танцевала и пела в одной из дальних пещер, где стояла в ту пору еще доступная всем статуя Великого Старца, одного из первых мариан, ступивших на планету. Это был могучий старец! Огромный рост, высокий, испещренный морщинами лоб, ниспадающая на грудь борода... Молодые мариане веселились от всей души, для забавы надевая на себя герметические шлемы скафандров, чтобы их нельзя было узнать. Томе увлекся своей партнершей по танцу, даже не увидев ее лица, настолько звучен и нежен был ее даже приглушенный маской голос. Но когда она сняла свой шлем, то оказалась именно такой, как он ждал. Сам же Томе превзошел все, что могла ожидать влюбленная в него Эна. Любовь в ту пору владела марианками в большей степени, чем следовало бы. Почувствовав в своем несравненном Томе желание оставить неизгладимый след в Знании Мара, Эна подсказала возлюбленному, что Великий Старец наложил запрет на те области знания, которые привели к гибели прекрасную планету Фаэна. Это касалось прежде всего представления о «неделимых» частичках, из которых состоит все. Если заставить неделимые распасться на еще меньшие кирпичики, то освободится энергия, с которой не справиться даже под земному теплу нынешнего Мара. Честолюбивый Томе ухватился за подсказанную ему мысль, назвав запреты Великого Старца невежественным суеверием. Уединившись в далекую пещеру, он осуществил опыты, которые знакомы были лишь далеким предкам мариан, обитавшим на погибшей Фаэне. Узнавая об успехах

любимого, Эна все больше терзалась сознанием того, что нарушила обет охранения Великих Запретов, который дает каждая марианка своей матери. И скоро жизнь стала неспособна нарушительнице. Она покалась Совету Матерей, который предоставил ей самой судить себя. И однажды дверь шлюза, пробитая в отвесной скале, открылась и девушка, стройная, как тонкий сталагмит, ринулась в пустыню. Волосы ее развевались, не прикрытые шлемом, голова запрокинулась, рот открылся в иступленном дыхании. Через прозрачные створки за нею в ужасе наблюдали шлюзовые. Они не хотели выпускать ее, когда она без скафандра рвалась наружу. Но появились две одетые во все черное марианки из Совета Матерей и остановили шлюзовых. Из шлюза так же без скафандра выбежал молодой марианин. Глотая бесполезный для дыхания воздух, он едва добежал до тела подруги и замертво рухнул рядом. Печально смотрели на погибших влюбленных шлюзовые и марианки из Совета Матерей. Потом они облачились в скафандры и вышли в пустыню за уже окоченевшими телами. Обитателям глубинных городов было объявлено, что Томе и Эне умерли от любви, не подозревая о взаимности. Такое предание, как вы знаете, и передавалось из поколения в поколение на протяжении почти полумиллиона циклов. Но на самом деле причина гибели влюбленных была совсем иной.

Кара Яр умолкла.

— Это самая прекрасная сказка, какую я когда-либо слышал, — усмехнулся Нот Кри.

4. ТАЙНИК ДОБРА И ЗЛА

С детства я любил наивную сказку о заброшенном глубинном городе, статуе Великого Старца и Тайнике Добра и Зла. Мне казалось, что там в каменном мешке растет чудо-дерево с черно-золотистыми плодами. Повернешь плод одной стороной — и познаешь добро, другой — зло. Надо только очень сильно пожелать добра ближним — и камни пропустят к волшебному дереву. Но, к сожалению, это была только поэтическая сказка!

Наш шагающий вездеход напоминал двух исполинских мариан в уродливых скафандрах, несущих носилки с пассажирской кабиной. Он бежал по пустыне, оставляя цепочку следов. Уходили назад скалы, камни и бесчисленные кратеры. Прилети к нам сейчас кто-нибудь из космоса, подобно древним фазтам, нелегко было бы нас отыскать в редких глубинных городах.

Вдали виднелся лежащий на песке черный камень — память давней трагедии, о которой рассказала Кара Яр. Я невольно вспомнил Суд Матерей.

Мона Тихая, величественная в своей седине, строго оглядела Матерей Совета и подсудимую Кару Яр.

— Всем ведома эта повесть, полмиллиона циклов плакала молодежь над судьбой влюбленных, погибших от любви. Но все было не так! Нарушили оба Великий Долг, основу жизни мариан. Марианка открыла своему любимому Великую Запретную

Тайну древних фазтов и дала ему возможность пойти верным путем, опасным и запретным, для повторения былого открытия предков. И снова энергия распада могла погубить планету, на этот раз Мар. Совет Матерей горевал тогда, осуждая преступление марианки. Но сама она решила, что не имеет права жить. Ее друг тоже произнес себе смертный приговор, и они погибли. Так была спасена цивилизация мариан.

Матери Совета молчали.

— И вот ныне, — продолжала Мона Тихая, — пещеры Города Долга вопиют о нарушении Великой Тайны марианкой Карой Яр, о чем сообщил марианин Нот Кри, против воли своей узнавший запретное. Обвиняемые: Кара Яр, Нот Кри и Инко Тихий! Вас судит Совет Матерей. Встаньте!

В большой пещере собрались члены Совета Матерей, непохожие друг на друга марианки, одни уже увядшие, другие в зрелой красоте, спокойные или встревоженные, хмурые или с ободряющей улыбкой, спрятавшей в уголках сжатых губ.

Кара Яр, Нот Кри и я, Инко Тихий, перешли к каменной стене с волнистыми натеками.

Мона Тихая, первая из Матерей Совета, грозно смотрела на нас:

— Кара Яр! Горюет ли совесть твоя, что ты нарушила Великий Запрет, поставив под угрозу цивилизацию мариан?

— Нет, не горюет, — звонко ответила Кара Яр.

Мона Тихая нахмурилась:

— Тогда пусть ответствует Нот Кри. Слышал ли он о Великих Запретах, о которых, кроме марианок, знают лишь высшие знатоки Знания, избегающие запретных путей?

— Совместно с Инко Тихим я услышал о Запретах от Кары Яркой в спортивном убежище, каковое расположено в тысяче шагов от шлюза, — торопливо подтвердил Нот Кри.

— Я не поставила этим под удар марианскую цивилизацию! — перебила его Кара Яр.

— Вот ты как рассуждаешь, — прямые черные брови Моны Тихой сошлись под седыми волосами. — Значит, тебе безразлично, случится здесь война распада или нет?

Песчаные столбы — предвестники близкой бури за окном вездехода — отвлекли меня от воспоминаний.

Песок взметнулся узкими языками, потом они слились в песчаную реку, по которой шагающая машина словно переправлялась вброд. Серое вспененное море сливалось с побуревшим небом. Потом к низким пыльным тучам стали подниматься закрученные темные колонны, мчась нам наперерез. Нот Кри заставлял вездеход то бежать, то кидаться в сторону, обходя колонны. Немало крутящихся столбов едва не задели нас. Однако один из них вдруг рванулся вбок и рухнул на вездеход. Роботы были сбиты с ног, кабина опрокинулась. Мы беспомощно сидели на окнах, а противоположные над нами были темны.

Кара Яр улыбнулась:

— Как замечательно, Инко Тихий!

Моя мать, Мона Тихая, сильно ушиблась, но не подала виду. Другая Мать Совета, Лада Луа, носившая имя сказочной ге-

ронни, переходила от одного к другому, стараясь всем помочь. Электромагнитная связь оборвалась. Внешние детали вездехода были поломаны.

— Надо идти в Город Жизни пешком, — решила Кара Яр.

— Не дело говоришь, — отозвалась Мона Тихая. — Сама природа против нами задуманного. Не смеем мы идти. Здесь нас отыщут. Сюда помощь придет.

Нот Кри почтительно присоединился к Моне Тихой. Я, конечно, поддержал Кару Яр. Решающее слово было за Ладой Луа.

— Попросту сказать — лучше идти, чем лежать, — с виноватой улыбкой предложила она.

Выбираться из кабины было нелегко, приходилось рыть все время осыпавшийся ход, заполняя песком кабину.

Глядя на Кару Яр, решительно выгребавшую песок из крутого хода, я вспоминал ее гордый ответ Суду Матерей.

— Война распада у мариан? Нет! Полмиллиона циклов назад фазты были правы, запретив потомкам изучать опасные проблемы. Но похожи ли сейчас мариане на предков, погубивших Фазну? Пожирают ли у нас куски трупов? Могут ли убить, чтобы насытиться?

Гул возмущения пронесся по пещере.

— Но дело не в том, поедают ли у нас части трупов или нет, — продолжала Кара Яр. — Диктатор Яр Юпи не ел ничего живого. Однако это не мешало ему уничтожить миллиарды жизней. У фазтов основой существования была борьба между собой. У нас — взаимопомощь. И преступление говорить здесь о войне!

Мона Тихая прервала Кару Яр:

— Преступление? Кого ж винишь ты?

— Вас, Матери Совета! Вас, кто бездумно принуждает марианок тормозить развитие цивилизации!

— Умолкни, Кара Яркая!

Моя мать повернулась ко мне:

— Ты ведал, Инко Тихий, что склонил неопытное сердце к преступлению?

— Кара Яр неспособна к преступлению! — горячо ответил я. — Я лишь рассказал ей о том, что грозит Земле при столкновении с Луа, и повторю это Совету Матерей. — Я видел, как ошеломлены были Матери Совета, слушая о наводнениях и землетрясениях, гибели городов и наконец всей планеты. — Спасти Землю и ее обитателей может только взрыв распада на Луа, который отклонит ее с опасного пути.

Поднялась Лада Луа.

— Слова Кары Яр и Инко Тихого ранят любое сердце. Нам и во сне не привидится убийство. Как женам примириться с гибелью миллионов сердец?

Мона Тихая осталась суровой:

— Пусть звездочед Нотар Крик поведает, отвечают ли нам на призывы разумные с Земы?

— Попытки установления электромагнитной связи с Земой делались в течение более чем тысячи циклов. Весьма прискорбно, но, по-видимому, на Земе некому ответить нам.

— Там могут не знать электромагнитной связи, — возразил я.

— Безответственно допустить, что фазты на Земе одичали, забыв достижения предков, — настаивал Нот Кри.

Лада Луа почти просительно посмотрела на меня.

— На щедрой планете, где в изобилии воздух и пища, — начал я, — собирать плоды и убивать животных для еды куда проще, чем поддерживать цивилизацию с помощью технических средств. Да их и не осталось на Земле после отлета на Марс корабля «Поиск». А вот наши предки на Маре могли выжить только с помощью технических устройств, необходимых для того, чтобы дышать и есть. Вот почему бывшая цивилизация фаэтов вместе с электромагнитной связью сохранилась на Маре, а не на Земле.

— Так можем ли мы осудить Кару Яр и двух мариан? — обратилась Лада Луа к Моне Тихой.

— Что предлагаешь ты, добрейшая? Или ты признала обвиняемой себя, а отступницу Кару Яркую — судьей и обвинителем?

— Настаивай я не решаюсь, — развела руками Лада Луа.

— А я настаиваю! — воскликнула Кара Яр. — Знания предков надо открыть и для спасения землян, и для счастья мариан.

— Ради своего счастья мариане не будут знать проклятой тайны распада вещества, — произнесла Мона Тихая.

— А по-моему, лучше решить так, — сказала Лада Луа. — Разделим две тайны. Откроем одну — Тайник Добра и Зла. Пусть смельчаки летят на Землю, проверять, есть ли там братья по крови и разуму. А тот страшный распад останется запретным, пока не понадобится для спасения живых.

— Готов лететь, — предложил я.

— И я, — подхватила Кара Яр.

— Я полагаю, что риск полета на Землю все же лучше, чем гибель без скафандра в пустыне Мара, — заметил Нот Кри.

Так Совет Любви и Заботы вместо вынесения приговора обвиняемым решил открыть нам Тайник фаэтов.

И вот на пути к Тайнику пылевая буря засыпала наш вездеход почти у цели.

Прорыв за ночь ход в песке от выходного люка, мы все-таки к утру выбрались на поверхность бархана.

В лучах светила Сол пустыня походила на мгновенно застывший бурный океан. Нам приходилось перебираться через валы барханы, таща за собой запасные баллоны с кислородом.

Наконец, вдали над скалами показалась круглая башня с заостренным торцом. Мне вспомнился звездный корабль, высеченный древними сказочниками в нашей детской келье.

Это был входной шлюз Города Жизни!

В древние пещеры мы вошли в скафандрах. Тягостное чувство оставлял покинутый город с мостами через высохшее русло бывшей реки.

Огромное впечатление произвели на нас мастерские с исполинскими машинами, которые нужно было только запустить, чтобы они начали работать, как десятки тысяч циклов назад. Именно здесь я ощутил высоту нашей технической цивилизации, которая в состоянии была поддерживать искусственную (именно искусственную) жизнь глубинной расы мариан.

Я переглянулся с Карой Яр. Мы не сказали ни слова, но поняли друг друга: на этих и подобных им машинах, если понадобится, можно будет изготовить даже то, что хотим мы найти в Тайнике Добра и Зла.

Далее мы видели древние лаборатории, не уступавшие своим оборудованием современным. Да, Мар был готов к великому заданию, смысл которого мы мечтали найти в тайнике.

Мона Тихая уверенно вела нас по галерее. Мы освещали путь холодными факелами из светящихся камней, заряженных Карой Яр в энергетическом поле установки Дня и Ночи.

Мона Тихая свернула в сторону, и мы вошли в большую пещеру, где прежде танцевала молодежь, вступая в жизнь.

За сотни тысяч циклов пещера преобразилась. Сталактиты, свисавшие со свода, срослись с каменными натеками сталагмитов, образовав столбы. Напрасно протискивались мы среди колонн, отыскивая Статую Старца.

— Увы, — вздохнула Мона Тихая. — Сердцем скорблю. Сделали, что могли. Нет ни статуи, ни тайника...

— Не служит ли это доказательством того, что сказки фазтов только сказки? — заметил Нот Кри.

Кара Яр рассматривала одну из колонн:

— Из чего была сделана статуя Великого Старца?

— Из сталагмита, — мрачно ответила Мона Тихая.

— Значит, над статуей свисал сталактит. И капли, стекая с него, оставляли на статуе высохший след. Когда мариане ушли и перестали очищать статую, камень постепенно поглотил ее всю.

Мона Тихая пожала плечами. Кара Яр не сдавалась:

— Свет холодных факелов просветит колонны. Надо уловить тень исчезнувшей скульптуры.

Только в третий раз, просвечивая весь лес колонн, мы уловили (скорее воображением, чем зрением) фигуру старца.

Под нею в нижней пещере когда-то лежала плита с письменами. Сейчас она тоже была поглощена каменным столбом. Нам нужен был не этот столб, а стена перед ним.

Фазты умели создавать механизмы, реагирующие на определенное чувство. Вот почему камни могли открыться перед тем, кто способен был на подвиг во имя добра.

Кара Яр радостно вскрикнула. Она нашла на стене спиральный барельеф. По преданию, именно на подобную спираль нужно было смотреть, чтобы воздействовать на эти механизмы. В наше время на Маре существовали подобные устройства, в особенности когда машина должна была прийти на помощь марианину. Достаточно ему было встревожиться, автоматы тотчас принимали меры.

Мона Тихая встала перед спиралью и устремила на нее взгляд. Лоб ее прорезала поперечная морщина.

Камни не дрогнули. Никто не мог сомневаться в том, что Мона Тихая желала добра близким. И все же...

К ней на помощь подошла добрейшая Лада Луа. Они обе напряженно смотрели на спираль — все безрезультатно.

— Увы! — вздохнул Нот Кри. — Сказка остается сказкой.

— Нет! — возмутилась Кара Яр. — Надо соскоблить поверхностный слой камня, чтобы облегчить механизм работу.

Кара Яр бросилась к стене, схватив острый инструмент. Я стал помогать ей.

Снова Мона Тихая и Лада Луа пробовали дать мысленный приказ стене открыться. Камни оставались недвижимыми.

Я не смел думать, что у меня стремление к добру больше, нежели у других, но решил попробовать. «Шлем может не пропускать или ослаблять излучение мозга», — подумал я и сбросил его. Я был тренирован в беге без дыхания и теперь вложил в свой взгляд всю силу желания спасти обитателей Земы. Моя мать поспешила снять шлем, чтобы помочь мне.

Спираль помутнела в моих напряженных глазах, чуть-чуть двинулась и снова замерла.

Я покосился на Мону Тихую. Можно ли подозревать в чем-нибудь плохом такого поборника добра, как она? И все же должен признаться, что у меня зародилось смутное подозрение. Конечно, из лучших побуждений, но Мона Тихая могла препятствовать открытию тайника, давая механизмам мысленный приказ НЕ ОТКРЫВАТЬСЯ! Когда мы оба сняли шлемы, наши воли стали противоборствовать. Менее тренированная, чем я, к способности не дышать, моя мать не выдержала и опустилась на пол пещеры. Лада Луа бросилась ей на помощь. А я, почти теряя сознание, вперил взгляд в спираль, мысленно заклиная древние механизмы открыться.

— Трещина! Я вижу трещину! — закричала Кара Яр.

Нот Кри недоверчиво подошел к стене и без особой радости подтвердил произошедшее.

Устройство тайника было простым. Стена открывалась тяжестью противовеса, который сдерживался от падения автоматическим устройством.

Другое дело дверь. Каменные натеки мешали ей открыться, несмотря на тяжелый противовес.

И все же скала словно треснула от моего неистового взгляда! Вместе с Нотом Кри мы вставили в трещину рычаги. И часть стены наконец опрокинулась внутрь, прикрыв собой еще один тайник, о котором мы тогда не знали.

Холодные факелы осветили внутренность скрытого в скале помещения. Пещера была выложена серебристыми металлическими листами, прочно соединенными между собой.

Посередине тайника росло чудо-дерево моих детских грез. Конечно, это было не дерево, а подставка для хранения пластин с письменами и чертежами. Чтобы сохранить во времени, когда-то их повесили как сказочные плоды легендарного дерева.

Нот Кри и Кара Яр бросились к ним.

Я оглянулся и увидел, с каким разным чувством смотрят на нас Матери Совета. Если взгляд Лады Луа был радостным, то у Моны Тихой потухшим, тревожным.

— Прискорбно, — вздохнул Нот Кри, — но открытие тайника ничего не даст.

— Как так ничего не даст? — возмутилась Кара Яр.

— Я посмотрел чертежи, — продолжал Нот Кри. — И не представляю, как в нужный срок построить в глубинных мастерских хотя бы один корабль типа «Поиск».

Мона Тихая оживилась и с надеждой взглянула на меня.

— Так и не надо его строить! — воскликнул я.

— Как же так не надо? — изумилась Кара Яр.

Мона Тихая просияла, только в уголках глаз у нее осталась настороженность. Она словно не верила своему счастью.

— Корабль «Поиск» существует! — продолжал я. — Мы толь-

ко что прошли через него. Древние фазты использовали корабль как шлюз. А мы полетим на нем!

— Как ты догадался, Инко Тихий? — обрадовалась Кара Яр.

— С гребня бархана шлюз выглядел космическим кораблем со старой детской картинки. Из вездехода я бы этого не заметил.

Кара Яр бросилась мне на шею, а Мона Тихая заплакала. Это так не вязалось с ее суровым обликом, что все мы растерялись, в особенности Кара Яр.

Я подошел к матери, а она, грустно глядя на меня, сказала:

— Я боюсь. Боюсь я, мой Инко, что навсегда улетишь ты от меня.

5. МИССИЯ РАЗУМА

Еще в детстве мне доставляло радость выйти в скафандре ночью из шлюза и любоваться небосводом. Потому я и стал звездоведом.

Но ничто не шло в сравнение с видом через иллюминатор: ни марианское ночное небо, ни волшеббно близкие в зеркале звездной трубы космические тела!

До чего же, оказывается, непрозрачна марианская атмосфера! Пылевой слой, остающийся после песчаных бурь, не позволял видеть звезды такими, как они есть!

И только в космосе я ощутил их во всей первозданной красе. И они были разноцветны!

Ни на Маре, ни потом на Земе не видел я подобной красоты.

Мы летели среди звезд на древнем, восстановленном нами космическом корабле «Поиск», используя отрицавшееся прежде на Маре «движение без отталкивания». Высокая техника мариан позволила в короткий срок изготовить нужное топливо по записям на пластинах.

Мы заняли место шестерых фазтов, полмиллиона циклов назад искавших на этом же корабле новую планету взамен родной, погибшей...

Нас тоже было шестеро: три марианина и три марианки, одна из которых носила древнейшую фамилию первой фазтессы Мара (по прямой линии происходя от нее!), словно знаменуя своим именем причину, побудившую нас на этот рейс. Это была Эра Луа, дочь добрейшей Лады Луа. До сих пор я не могу понять, как случилось, что она полетела с нами. Эра была тихой и робкой девушкой. На ее лице с правильными мягкими чертами всегда ощущался налет легкой грусти.

В юности нам, ее сверстникам, не удалось увлечь ее любимым спортом — «бегом без дыхания». Она откровенно боялась опасностей и уступала место более сильным и смелым. И вдруг она сумела настоять на своем участии в полете, проявив неожиданное упорство. Эра была врачом.

Конечно, она не могла спорить с Карой Яр в яркости, не говоря уже об энергии и отваге, но взгляд ее огромных матово-черных глаз словно отражал поговорку, которую я услышал уже на Земе: «Чем темнее ночь, тем ярче день».

Она была необычайно впечатлительной, и первое же испыта-

ние, которое выпало ей на долю, наряду со всеми нами, далось ей труднее всех.

Огромный, наполовину освещенный шар Мара занимал большую часть окна. Хорошо просматривались горные цепи, пустыни, нагромождение кратерных образований вулканического и метеоритного происхождения. В известной степени Мар действительно напоминал блуждающую планету Луа.

Светило Сол, обретшее здесь в космосе огненную корону, было в противоположной стороне, и мы без помех могли наблюдать, как быстро вместе с высотой над горизонтом набирает яркость «двойная звезда». То, что она двойная, стало заметно не сразу. Это был так хорошо известный нам, марианским звездаводам, спутник Мара Фобо, но, оказывается, вместе с ним по орбите, всегда скрытой от наблюдателей Мара, двигался еще один спутник. В отличие от глыбы-осколка, неведомо почему не упавшего на Мар, подобно остальным метеоритам, испещренных кратерами от столкновения с другими метеоритами, спутник спутника оказался искусственной звездой! Он скоро превратился в ослепительное кольцо, наклоненное к радужной оболочке громады Мара. Невольно припоминалась планета Сат с ее характерными природными кольцами.

В свое время я под руководством учителя Вокара Несущего прилежно изучал спутники Мара Фобо и Деймо, но мог ли я предположить, что вблизи них есть еще космические тела, да еще и искусственного происхождения! Высказать это при Вокаре Несущем — это нанести ему незаслуженное оскорбление.

Мы назвали искусственный спутник близ Фобо — Базой Фобо.

Он представлял собой исполинское колесо с толстым закругленным ободом и массивными спицами, внутри которых, очевидно, двигались подъемные клетки, доставлявшие обитателей в служебные помещения. В ободе благодаря вращению космического колеса должно было создаваться ощущение привычной тяжести.

Определив размеры обода и скорость его вращения, я тотчас вычислил, какова была эта «тяжесть», а через нее — размер погибшей планеты Фаэна. Фаэна была почти вдвое больше Мара, приближаясь по объему к Земе.

Колесо станции как бы сидело на длинной оси, уходившей серебристой нитью к звездам. Это была древняя оранжерея, где фазты выращивали съедобные плоды. По другую от нее сторону к колесу станции примыкал громоздкий барабан из соединенных в обойму цистерн для горючего.

Со смешанным чувством восхищения и грусти смотрели мы на древнейшее сооружение, откуда фазты покинули космос, чтобы переселиться на Мар и дать жизнь потомкам.

Скоро мы должны были увидеть внутренность сооружения, где полмиллиона циклов назад жили наши предки фазты. Мог ли кто-нибудь из нас подумать, что мы увидим их самих!

Эра Луа первая заметила ничтожную песчинку, которая почти сливалась с серебристым массивом станции.

Пилот нашего корабля инженер Гиго Гант, в короткий срок овладевший управлением «Поиска», отыскивал место стыковки с Базой Фобо. Письмена фазтов указывали, что корабли причаливали в центре барабана с баками, напротив оранжерей.

По мере того как Гиго Гант «подкрадывался» к космическому сооружению, на наших глазах серебристая песчинка превратилась в свободно летящую рядом со станцией, одетую в серебристую одежду (но не в скафандр!), сохраненную холодом и пустотой межзвездного пространства фазтессу. Она по своей воле, как мы потом узнали, стала вечным спутником станции. Нас поразило ее надменное, застывшее во властном высокомерии лицо, сросшиеся в гневную прямую брови, серебристые, неприбранные волосы. Прочтя потом воспоминания ее мужа, дополненные ею самой, мы узнали, что видели перед собой Власту Сирус, осужденную пожизненно остаться на станции вместе с другими виновниками войны распада между космическими базами. После смерти (не без ее участия) остальных осужденных Власта Сирус не выдержала полного одиночества и выбросилась в космос без скафандра.

Эра Луа, еще ничего не зная о преступлениях фазтессы, ставшей «космической мумией», рыдала. Она даже отказывалась пойти с нами в космическую станцию после того, как Гиго Ганту удалось причалить к ней.

— Я не могу, Инко Тихий. Я боюсь увидеть еще кого-нибудь из них. Почему не все спустились на Мар? Как это жестоко!

— Из каких же соображений ты, Эра Луа, настояла на своем участии в Миссии Разума, если не находишь в себе сил встретиться с первой же находкой? — язвительно осведомился Нот Кри.

Моя сестра Ива Тихая стала утешать Эру Луа.

— Я готова на все во имя Миссии Разума, — сказала Эра сквозь слезы. — Я готова пожертвовать собой ради живых братьев, если мы найдем их. Но не заставляйте меня встречаться с мертвыми, пусть им даже миллион циклов. Я не вынесу этого.

Оставлять Эру Луа на корабле одну мы не решились. С ней вызвалась побыть Ива.

Нот Кри, Гиго Гант, Кара Яр и я перешли через носовой шлюз корабля в центральный отсек станции. Магнитные подошвы наших башмаков звонко щелкали по металлу, удерживая нас от парения в невесомости.

Воспользоваться спицей, в которой двигалась клеть подъемного устройства, доставлявшего фазтов в обод колеса, мы не могли. Энергетические источники здесь давно иссякли. Пришлось подниматься, вернее спускаться, по другой спице, где были обыкновенные лестницы.

Первым, как руководитель Миссии Разума, двигался я, за мной Кара Яр, потом Нот Кри. Шествие замыкал великан Гиго Гант.

Инженер Гиго Гант был из того глубинного города, где мы в последний раз пополняли запасы кислорода на пути к заброшенному Городу Жизни.

Я помню, как он подошел ко мне и моей матери, смущенно глядя сквозь очки с высоты своего огромного роста, и, теребя рыжую бороду, сказал:

— Если вам нужен будет инженер, который может быть и грузчиком, и сиделкой, возьмите меня с собой!

Мы вспомнили о нем, когда был открыт Тайник Добра и Зла и надо было решать вопрос, как восстанавливать «Поиск».

Гиго Гант примчался в заброшенный город на вездеходе, не посчитавшись с песчаной бурей.

Это он нашел все оборудование с корабля «Поиск».

Внимательно осмотрев и изучив остов «Поиска», служивший с незапамятных времен городским шлюзом, сравнив его с найденными в тайнике чертежами, Гиго Гант уверенно заявил:

— Фазты не могли уничтожить оборудование корабля. Если они сохранили даже его корпус со всеми креплениями неизвестных приборов и аппаратов, несмотря на голод в металле, который должны были ощущать, то логично с их стороны было бы надежно спрятать и само оборудование корабля.

С той же логичной последовательностью обследуя помещение тайника, дверь в который опускалась на пол, как я уже говорил, он догадался, что, открываясь внутрь, она одновременно закрывает вторую часть тайника.

Совместными усилиями мы приподняли опрокинувшуюся на пол стену и действительно обнаружили под ней скрытую пещеру.

Пещера была наполнена приборами и аппаратами, в назначении которых стали с увлечением разбираться Гиго Гант и Нот Кри.

Но чем светлее становилась улыбка на широком и добродушном лице Гиго Ганта, тем сдержаннее, холоднее был Нот Кри.

— Почему ты помрачнел? — допытывался у него Гиго Гант. — Ведь нет сокровища большего чем то, что в наших руках! Мы без промедления установим все это на сохранившемся корпусе корабля и полетим.

Нот Кри озабоченно покосился на Мону Тихую.

— Истинный разум, друг мой, призван заглядывать дальше, глубже, и я озабочен тем, что здесь десятки тысяч деталей. Их нужно будет изготовить в наших мастерских для второго корабля типа «Поиск», которому надо будет вылететь на Луа, ежели разведка «Поиска» подтвердит существование наших разумных братьев на Земе.

— Что ты хочешь этим сказать? — простодушно спросил Гиго Гант.

— Полагаю что соорудить на Маре второй корабль неизмеримо труднее, нежели собрать из готовых деталей первый.

— Ты прав, — живо отозвался Гиго Гант. — Но, логически продолжая твою мысль, приходишь к выводу, что трудность сооружения корабля значительнее, чем полет на нем.

— Потому я и намерен выбрать для себя наитяжелейший путь.

— Вот как! — иронически воскликнул Гиго Гант. — Путь от пещеры к пещере!..

— Я готов принять на себя руководство строительством нового корабля. Более того. Путь мой поведет не только от пещеры к пещере, но и на Луа, куда я полечу на новом корабле, дабы опасными взрывами распада изменить ее орбиту.

Гиго Гант, извиняющимся жестом прижав руки к груди, церемонно раскланялся.

Кара Яр не выдержала:

— Тебя, Нот Кри, можно понять и так, что ты уклоняешься

от полета с нами потому, что второй полет может и не состояться.

— Как можешь ты так говорить! — возмутился Нот Кри. — Кто смеет так подумать обо мне, никогда не дававшего повода к подобным подозрениям.

— Это не подозрение.

— Я рад, что ты не подозреваешь... — облегченно вздохнул Нот Кри.

— Это уверенность, — отрезала Кара Яр.

Обе Матери Совета слышали этот разговор.

— Пусть не терзает Нота Кри беспокойство о сооружении второго корабля, призванного лететь на Луа, — сказала Мона Тихая. — Чтобы успокоить всех, я объявляю, что сама буду наблюдать за постройкой нового «Поиска» и сама полечу на нем.

— Ты? — изумилась Лада Луа. — Пристало ли это первой из Матерей? Имеет ли она на это право?

— Вот на что я не имею права, так это доверить тайну взрыва распада кому-либо, кроме себя, — решительно сказала Мона Тихая.

Так и случилось, что Нот Кри все-таки остался в составе нашей экспедиции.

Но как попала в нее Ива?

Помню, как я удивился, увидев ее среди немногих допущенных на Совет Матерей, в той самой сталактитовой пещере, где когда-то судили меня, Нота Кри и Кару Яр.

Ива робко попросила, чтобы ей позволили сказать. Она очень волновалась:

— Я только вступаю в жизнь, но я... я всегда мечтала принести окружающим пользу. У нас на Маре все очень хорошо устроено. Так хорошо, что заметную пользу очень трудно принести. Надо иметь выдающийся ум. А я — самая незначительная из маррианок. У меня нет никаких способностей. Позвольте мне, помогите мне оказаться в таких условиях, чтобы даже я могла бы сделать большое. Я хорошо бегаю без дыхания. Я обещаю быть старательной помощницей любому участнику полета. Позвольте мне... помогите отдать нашим братьям по крови и разуму свою ничего не значащую жизнь. Я буду очень счастлива...

Мона Тихая с суровым лицом поддержала дочь, хотя ей сделать это было труднее всех. Это произвело решающее воздействие на остальных Матерей, и Ива Тихая была включена в состав Миссии Разума.

Впоследствии, претерпев с участниками этой Миссии немало невзгод, я задумывался над тем, из каких принципов комплектовался ее состав. Очевидно, если это поручено было бы маррианам, подобным мне или Ноту Кри, они комплектовали бы экипаж «Поиска», сообразуясь с холодным расчетом — пользой, какую может оказать каждый участник экспедиции. Другое дело Матери. Для них чувства участников Миссии Разума были ГЛАВНЫМИ, а все остальное побочным. Если Ива, моя сестра, ЛЮБИЛА брата, не говоря уже о ее готовности отдать себя делу Миссии, то это было решающим аргументом в ее пользу. То же самое и в отношении Эры Луа. Матери угадывали то, что мне предстояло узнать много времени спустя в самых тяжелых условиях в пору бедствий на Земе. Вот почему две

такие марианки, как Эра и Ива, оказались среди нас. Я не говорю о Каре Яр, которая вошла в состав Миссии Разума как одна из ее организаторов.

Совет Матерей стал тщательно обсуждать задачи нашей экспедиции.

— Мне кажется, — сказал Нот Кри, — что основным нашим заданием надлежит считать выяснение вопроса, есть ли на Земле разумные обитатели, сколь они похожи на нас, и незамедлительное сообщение об этом на Мар. Задерживаться на планете ради тех похвальных, но едва ли выполнимых целей, о которых здесь говорила Ива Тихая, на мой взгляд, нецелесообразно. Я рассчитал и хочу познакомить со своими расчетами Совет Матерей, Совет Любви и Заботы: есть полная возможность обойтись без строительства нового корабля, поскольку срок вылета «Поиска» и достижение им Земы чрезвычайно сокращены находками нашего замечательного инженера и философа Гиго Ганта. Ежели мы, обнаружив на Земле разумных ее обитателей, без промедления вернемся на Мар, то сможем успеть на этом же корабле вылететь на Луа, дабы произвести там взрывы распада.

Мне пришлось возразить на его длинную речь:

— То, что предлагает Нот Кри, не будет Миссией Разума. Это будет лишь трусливой вылазкой и поспешным бегством с Земы от наших братьев, которым грозит смертельная опасность. Я думаю, что мы, мариане, не можем так поступить. Уж коль скоро мы достигнем обитаемой планеты, уровень цивилизации на которой может быть ниже нашего, то должны помочь им подняться на более высокую ступень культуры.

— Не хочешь ли ты, Инко Тихий, сказать, что нам долженствует непременно погибнуть вместе с обреченными землянами на их незадачливой планете? — не сдержавшись, выкрикнул Нот Кри.

— Нет, я не хочу этого сказать. Но когда Мона Тихая произведет взрывы распада на Луа, мы должны быть с нашими братьями по крови и разуму, чтобы поддержать их и убедить, что мариане помогут им, спасут их!

— Может быть, ты, Инко Тихий, намереваешься построить там глубинные города, похожие на наши марианские, и укрыться в них вместе с наиболее ценной частью населения Земы?

— Нет, Нот Кри. Миссия Разума совсем в ином, как я ее понимаю. Матери поправят меня, если я не прав. Наша Миссия — нести Знание, Счастье и Веру в будущее нашим братьям по крови и разуму, а не спасать «избранных».

Спор продолжался. Нот Кри становился все язвительней. Кара Яр, уверенная и холодная, стояла на моей стороне.

Совет Любви и Заботы, Совет Матерей принял решение: наша Миссия Разума должна не только разведать Зему, но и помочь ее разумным обитателям (если они там есть), помочь им поднять их цивилизацию (если она уступает нашей), способствовать устройству их общества на справедливых началах, давно восторжествовавших на Маре (если оно еще не существует на Земле).

Последней к нашей экспедиции примкнула Эра Луа, о которой я уже говорил. Только много позже, чем члены Совета Любви и Заботы, уже на Земле я понял, что руководило этой

изумительной девушкой, которой нужно было преодолеть не только все трудности, выпавшие на общую нашу долю, но и победить самое себя.

Она, оставшись на корабле, не ощутила, как мы, перебравшиеся на Фобо, двойной, пригибающей к полу тяжести, не видела внутренних помещений станции. Меня они ошеломили своей продуманностью, свободой исполнения, не связанной с выдалбливанием келий и использованием пещер. Я поражаюсь высоте культуры фазтов и пожалел, что Ива с Эрой не видят их творений. Я лишь не мог понять, как сочеталось все это с самоубийственной войной распада, которую фазты развязали.

6. ПЛАНЕТА ЖИЗНИ

Корабль «Поиск» проходил через плотные слои атмосферы. Гигант был прирожденным пилотом. Не только с помощью автоматов, но и благодаря безошибочному своему чутью он тормозил корабль трением об атмосферу ровно настолько, чтобы не перегреть его оболочку.

В иллюминаторах проносилось бушующее пламя, словно мы спускались чуть ли не на само светило Сол.

В кормовых иллюминаторах виднелось другое пламя. Оно с неиссякающей силой било из направленных сейчас вперед жерл двигателя. Мы словно отталкивались от выброшенных вперед раскаленных газов и тем тормозились. В этом и заключался «принцип движения без отталкивания» (от неподвижной среды). Мы как бы создавали ее струей газов впереди себя.

Поверхность планеты скрывал плотный слой облаков. Кое-где виднелись голубые, зеленые, коричневые и желтые пятна.

Сверху слой облаков казался белой пустыней, сверкавшей в лучах местного неистового светила Сол, которое на Земле зовут Солнцем. В дальнейшем я тоже буду так называть его.

Облака были парами воды! На Маре это даже трудно представить, и ничто тогда не могло так поразить наше воображение, как это открытие!

Не найти знакомого марианам образа, чтобы передать, как выглядели эти земные облака. Вначале я увидел их сверху, потом долгие годы не уставал любоваться ими снизу. Разглядывая в первый раз облачный покров, я подумал, что, может быть, море такое? Однако мне вспомнились наши пустыни и полярные шапки, впервые увиденные нами во время полета. Ведь на Маре до нас не летали!

Местами здешняя белая пустыня становилась гористой (как и на Маре). Ослепительные холмы поднимались причудливыми клубами, отбрасывая резкие тени. Вдаль тянулись ровные ряды белых барханов.

Потом корабль вошел в облачный слой и вырвался из него уже почти над самой поверхностью планеты. Долго в иллюминаторы ничего не было видно, кроме туманных полос.

Потом внезапно внизу открылось зеленое море с расплывчатой дымкой по всему исполинскому кругу горизонта.

Вода! Мы были готовы к этому, понимая, что придется оты-

скасть для посадки сушу. Ведь Зема должна была так отличаться от Мара, где ничего, кроме суши, нет!..

Однако вода ли внизу?

Эра Луа вскрикнула от радости. Она работала с прицельным анализатором и только теперь поняла, что это растения! Нот Кри сейчас же усомнился в этом. А Кара Яр, ухватившись за металлическую раму иллюминатора, восхищенно смотрела вниз, вся подавшись вперед.

Гиго Гант заметил в «зеленом море» желтый островок. Это оказалась поляна, покрытая цветами.

На нее-то, в облако серого дыма от двигателей, и сел мягко, как на подушку, наш корабль «Поиск».

Жадно прильнули мы к окнам, не веря глазам. Можно ли было представить себе такое щедрое, расточительное богатство жизни! Заросли растительности превосходили всякое воображение. Деревья и сросшиеся с ними кустарники переплетались внизу непреодолимой зеленой сетью, через которую можно было лишь прорубаться острым оружием.

Какими жалкими по сравнению со всем этим выглядели наши марианские заросли в оазисах!

И сразу же мы заметили красочные живые существа. Они были синие, красные, оранжевые и суетились на ветках, срывались с них, распуская в стороны конечности, покрытые любопытными образованиями, позволявшими использовать плотность воздуха для летания.

Они были разной величины и самых ярких раскрасок. Некоторые из них, совсем крохотные, быстро двигая летательными конечностями, которые на Земе зовут крыльями, почти стояли в воздухе, будто на них не распространялось местное столь тягостное для нас тяготение. Когда сквозь поредевшие облака пробилось солнце, они засверкали всеми переливами радуги.

Нам не терпелось выйти из корабля. Гиго Гант, посоветовавшись со мной, выбрал для посадки поляну цветов. Сверху мы с ним заметили вдалеке не то скалы, не то сооружения, быть может, даже город землян. Не следовало сразу появляться там. И мы опустились в зарослях.

Смолк рев двигателей, но непосильная тяжесть продолжала придавливать нас к полу кабины, словно перегрузка торможения еще не кончилась. Каждому казалось, что он взял на плечи одного из спутников. Особенно тяжело было нетренированной Эре Луа. Она держалась мужественно, а я утешал ее, что в скафандре с манипуляторами ей будет легче.

— А я уже боялась, что мне здесь и шага не сделать, — улыбнулась она в ответ.

Конечно, выходить можно было только в скафандрах. У нас в них был нелепо устрашающий вид. Достаточно было посмотреть на моих спутников, чтобы убедиться в этом. Это не были привычные нам марианские легкие скафандры, это были тяжелые скафандры фэзтов, в которых они побывали на Земе. Их было шесть. Один из них был рассчитан на гиганта Гора Зема и, к счастью, так же хорошо подошел Гиго Ганту, как мне впору был костюм Аве Мара. Состав воздуха Земы был вполне пригоден для дыхания. Большое содержание кислорода

должно было помочь нам в преодолении местной двойной тяжести.

Мы знали, что нам придется защищаться от неведомого мира болезнетворных существ. Правда, фаэты передали нам в письменах, как они приспособились к чуждым условиям, и дали рецепты пилюль, которые нам изготовили врачи на Маре.

Я смотрел на Эру Луа и не узнавал ее ловкой, изящной фигурки.

Жесткий костюм с ободом на уровне бедер, надутые штаны, вмещающие в себя манипуляторы для ног, пузыри рукавов, где помещались манипуляторы, умножающие силу рук. На плечах — заглушенные заслонками люки для осмотра плечевых механизмов. Герметический шлем со шлемовидными очками, защищавшими непривычных к свету фаэтов от неистового сияния земного солнца; широкий воротник, свободно пропускающий голову в шлем, внизу которого — дыхательный фильтр с множеством дырочек, цепные застёжки, скрепляющие воротник шлема со скафандром и соединяющие его части, наконец сам скафандр: жесткий, непроницаемый, украшенный излюбленными фигурами фаэтов — спиралями. Кстати, если вдуматься, то фигура эта совсем не случайна. Ведь любое разумное существо, где бы оно ни обитало в звездном мире, узнает в ней строение галактики.

На груди скафандра были две выпуклости, скрывавшие приборы электромагнитного поиска и усилители звуков.

Мир звуков, непостижимых для марианина, обрушился на нас, ошелолил, опьянил...

Заросли жили. Лес был наполнен живыми существами! Перед нами было самое пышное изобилие жизненных форм, не идущее в сравнение с бедной и скудной планетой Мар, миром безводных пустынь, выбитых в скалах пещер и единственного зверька — остродышащей ящерицы. В лесу было темно, хотя в верхних ветвях деревьев царил свет. Ниже, куда проникали лишь солнечные пятна, был вечный сумрак, а у земли — настоящая ночь. Там светились огоньками глаза неведомых зверей.

По совету древних фаэтов мы были вооружены. Но только парализующим, а не убивающим оружием, готовые применить его для защиты в случае крайней необходимости.

Первое животное, которое мы рассмотрели, заставило гулко забиться мое сердце. Я первым увидел его, а вслед за мной Эра Луа. Из чащи, с одной из нижних веток на нас смотрело лицо... марианина! Да, марианина или фаэта, но словно изуродованное насмешливой природой. Лицо, а вернее морда, заросшая короткой темной шерстью и обрамленная белой кромкой волос по всему овалу; круглые обводы глаз и сами глаза, тоже круглые, опущенные словно сединой. Это мохнатое существо висело на гигантской мускулистой руке с пятью могучими пальцами. Задние, болтавшиеся в воздухе конечности были короче, но тоже имели развитые, как на руках, кисти с пятью пальцами.

Неужели это и есть наши братья по крови и разуму? Ради них мы и прилетели сюда? Какими же чудищами должны были выглядеть мы в их глазах!

Я сделал шаг по направлению к местному жителю, дружелюбно протянул ему вместо руки манипулятор. Но существо, громко

зашелкав, с непостижимой ловкостью перепрыгнуло с ветки на ветку и скрылось в сплетениях листвы.

Мы с Эрой Луа, которая не отходила от меня, обменялись мыслями по поводу странного существа, отдаленно напоминавшего фазтов или мариан. Неужели на Земле неуклонное развитие и приспособление организма к местным условиям могло настолько изменить облик фазтов? Ведь мы, мариане, внешне не отличаемся от фазтов, что стало ясно после встречи с «космической мумией», сохранившей в неприкосновенности все древние черты...

— Мы создавали в пещерах Мара условия Фазны, — заметила Эра.

Я понял все, что она хотела этим сказать, и содрогнулся от мысли, что наши братья по крови и разуму именно таковы, как висящее на руке мохнатое существо. Местные условия сделали их такими!

— Как же нам убедить взобравшихся ныне на ветки потомков фазтов, что мы их братья и пришли помочь им? — скорее само себя, чем Эру, спросил я.

— Никакой одежды, — чисто по-женски, но не без логичности заметила Эра. — Если это действительно потомки разумных, то бедняги совсем одичали.

Эра подметила верно. Конечно, одежда характеризует уровень цивилизации. Впрочем, это зависит от условий существования, от климата. В теплом поясе, куда мы опустились, разумным могли и не требоваться одежды или скафандры, предохраняющие от холода или атмосферы. О дожде мы тогда и понятия не имели.

— Инко, Инко! — услышал я в шлемофоне переданный электромагнитной связью голос Кары Яр. — Здесь лежит настоящий фазтообразный, почти голый. Он, кажется, парализован. Нужна Эра, ее врачебная помощь.

Мы с Эрой быстро, насколько нам позволяли неуклюжие скафандры с манипуляторами, переваливаясь с боку на бок,ковыляя к другой стороне поляны, обогнув посадочные лапы космического корабля. Наперерез нам спешили Гиго Гант с Ивой. Я убедил всех ходить только парами во избежание неожиданностей.

Я готов был увидеть уже знакомое заросшее шерстью существо с длинными передними конечностями и кистями рук на задних, однако увидел почти голого, лишь в набедренной повязке самого настоящего марианина (или фазта!), распростершегося перед Карой Яр.

Неужели Нот Кри, несмотря на мое дружеское предостережение, применил парализующее оружие против местных жителей?

Но я оказался не прав, подумав так о Ноте Кри.

Они с Карой Яр натолкнулись на землянина, и Нот Кри сдержался от первоначального намерения заполучить «экземпляр разумного» с помощью парализующего оружия. Да это и не понадобилось! Землянин страшно испугался чудовищ, какими мы должны были ему представиться. Оказывается, он видел из зарослей, как мы спустились на огненном хвосте в своей чаше с неба и вышли потом из огня и дыма. Вид наш превосходил

даже изощренное воображение жрецов, рисовавших для устрашения народа своих богов.

Я представляю, как испуган был примитивный и суеверный землянин, скрывавшийся в чаще от себе подобных (как мы потом узнали), чтобы не быть убитым на жертвенном камне. Появление «богов» с неба он воспринял как возмездие. Он вообразил, что мы прилетели специально за ним.

И он упал без чувств к ногам «богов». Кара Яр подумала, что он парализован, но Эра Луа установила, что у бедняги просто нервный шок.

Мы с интересом рассматривали его мускулистое, тренированное тело, покрытое безобразными рисунками, и рассуждали:

— Это, несомненно, потомок фазтов! Он такой же, как мы, только более красивый! — решила Кара Яр.

— Не спеши так думать, Кара Яр, — возразил Нот Кри. — Внешнее сходство еще ни о чем не говорит. Разумные существа могли развиться здесь, на Земе, из более примитивных, достигнув наиболее благоприятной для зарождения разума формы. Естественно, что эта форма может совпадать с той, которую достигли, скажем, фазты на Фаэне.

— Чтобы решить этот спор, надо познакомиться с внутренним миром землянина, — предложил я.

Мы взялись перенести его на корабль и там привести в чувство. Ведь через нашего нового знакомого можно было установить связь с теми, ради кого мы прилетели сюда.

Гиго Гант взвалил себе на плечи нашего гостя (не хочу сказать пленника) и понес его к кораблю, даже не включив, как он потом признался, ножные манипуляторы. Ему хотелось скорее приспособиться к земным условиям, и, надо отдать ему должное, он преуспел в этом.

Бесчувственного землянина внесли в общую каюту и положили на ложе. Эра и Ива освободились от скафандров и, накинув халаты, оказали помощь землянину.

Потом стал снимать скафандр и я.

Останавливаясь на этом, потому что мое разоблачение произвело на землянина необычайное впечатление. Чудовище превратилось в богоподобного человека.

Бедняга обвел каюту глазами, увидел склонившихся над ним Эру и Иву, видел исполинское чудище со снятой головой, каким выглядел Гиго Гант, освободившийся лишь от шлема, и задрожал. Из скафандра выглядывало рыжебородое лицо в очках. Рядом с ним вылезал из скафандра (снял с себя кожу!), Нот Кри, недоверчиво смотревший на нашего гостя. А я, сбросив скафандр, полюбознаженный, подошел к нему. Кара Яр наблюдала за всем происходящим, стоя у люка с парализующим оружием в руках, недоверчивая и решительная. Кто знал, что могло произойти.

Но того, что произошло, никто не мог предположить.

Сначала землянин в ужасе смотрел на превращение богов, похитивших его, потом перевел взгляд на меня. Его лицо, искаженное ужасом, преобразилось. Страх, надежда, радость попеременно отразились на нем.

Он вскочил с ложа, упал на колени и протянул ко мне руки:

— Топельцин! О Топельцин! — возглашал он.

Мы не понимали, что хотел он сказать этим словом. Но как хорошо, что он умел говорить!

Он ударял себя в грудь и, словно пытаясь что-то пробудить в моей памяти, кричал:

— Чичкалан! Чичкалан!

Оказывается, как мы потом узнали, это было его имя, что означало «Пьяная Блоха». Блоха — это местное насекомое, обладающее необыкновенной способностью очень высоко прыгать (и кусаться). Понятие же «пьяная» добавлялось в знак приверженности умеющего высоко прыгать землянина к одурманивающе-

му средству, приближающему его на время к уровню примитивных существ.

Чичкалан подполз ко мне на коленях и протянул руку.

Я удержался, чтобы не отступить, не понимая, чего он хочет. А он дотянулся до моего шрама на груди, следа ранения осколком метеорита. Ощупав его и убедившись, что шрам приходится как раз под моим сердцем, он закрыл ладонями лицо и зарыдал, приговаривая:

— Топельцин! Пусть Топельцин узнает Чичкалана, своего друга. Без Топельцина игровой отряд проиграл. И Чичкалан бежал от жрецов.

Мы недоуменно переглядывались. Земянин, несомненно, что-то хотел передать нам своими словами. Но что?

7. ТАЙНАЯ ВСТРЕЧА

Чичкалан оказал нам неоценимую услугу в изучении языка земян. Впоследствии мы узнали, что жители Земя, или Земли, как они называют свою планету, говорят на множестве языков, живя разобщенно и враждебно. Мы не подозревали, что наша Миссия Разума встретится с такой серьезной трудностью. Накануне столкновения планет мы могли влиять своим присутствием лишь на небольшую группу людей, не имея никакой надежды на связь с другими материками.

— Следует признать полную несостоятельность нашей задачи, — настаивал Нот Кри. — Что даст наша деятельность на ничтожной точке огромной планеты? Мы установили ее обитаемость разумными существами (вероятно, местного происхождения) и должны незамедлительно вернуться на Марс с этим сообщением. Наш долг будет выполнен.

Однако все остальные участники Миссии Разума, и прежде всего мы с Карой Яр, не согласились с Нотом Кри.

Было решено доложить о наших открытиях Совету Матерей с помощью электромагнитной связи, а самим войти в непосредственный контакт с жителями города Толлы, откуда бежал наш гость Чичкалан.

Нам на Маре не приходилось изучать чужие формы общения. Все там говорили на одном языке, по-видимому, образовавшемся от слияния двух древних языков Фаэны. И все же методика овладения чужепланетной речью была разработана изучающими еще на Маре. Это облегчило наше положение на Земя.

К тому же нам повезло с помощником. Чичкалан считал, что выполняет волю «богов», беспрекословно покорялся им.

Мы усыпляли Чичкалана внушением, и с ним устанавливался непосредственный мысленный контакт.

Мы узнавали его детски наивную психологию, но, главное, — каждому его слову соответствовал определенный образ, характеристика или действие. И мы начинали применять чужие слова, понятия, наконец, даже обороты речи.

Скоро язык Мара почти перестал для нас существовать, мы заставили себя на какое-то время отказаться от него, общаясь между собой только на языке земян.

Наш простодушный «учитель» даже не понимал, что это он

научил нас говорить по-земному. Он воображал, что «боги» владеют людской речью, прежде живя на Земле. Меня же он продолжал считать сыном Верховного Вождя Гремучего Змея, своим другом Топельцином, принесенным в жертву Сердцу Неба для смягчения его гнева. Тем не менее блуждающая звезда Луа, как мы зовем ее на Маре, сотрясла тогда Зему, вызвав тяжелые бедствия.

Когда я уже смог свободно общаться с ним, Чичкалан сказал мне:

— Если любимец народа Толлы воскрес и вернулся на Землю (так звучало название планеты на языке землян, которым я отныне и буду пользоваться), прилетел вместе с другими богами, повелевая Летающим Змеем, то он и есть бог Кетсалькоатль!

Кетсалькоатль на его языке означало Пернатый или Летающий Змей.

Тщетно я пытался объяснить ему, что мы — жители другой планеты. Мои слова лишь еще больше убедили его в том, что я бог Кетсалькоатль, воплотившийся в тело принесенного в жертву богам юноши.

И он убеждал меня:

— Чтобы осчастливить людей Толлы, Топельцину надо мило-стиво признаться, что он вернулся к ним в образе бога Кетсалькоатля. Ему будут радостно поклоняться, его будут благоговейно слушать. Слушать во всем!

«Слушать во всем!» Было над чем задуматься. Ведь это совпадало с задачей нашей Миссии Разума! Однако смею ли я обманывать наивных невежественных людей?

Я попытался объяснить это Чичкалану, но он не понял меня:

— Какой же это обман? Если юного Топельцина убили на глазах у Чичкалана, а Топельцин теперь снова жив, да еще и со шрамом под сердцем, то это может быть лишь по воле богов. Они вернули Топельцину сердце и взяли его в свою семью. Чичкалан сразу узнал Топельцина. Когда понадобится возвестить народу Толлы о возвращении Топельцина в образе бога, то его узнает не только Пьяная Блоха.

— Кто же еще? — поинтересовался я.

— Как кто? — с хитрецей сказал Чичкалан. — Или Топельцин забыл там на небе свою любовь, девушку Шочикетсаль?

На местном языке это имя означало Летающий Цветок или Мотылек.

— Уж она-то сможет доказать, что бог со шрамом под сердцем — это ее любимый, — продолжал Чичкалан. — Женщины в таком деле не ошибаются.

Я поежился: эта встреча отнюдь не радовала меня.

Неожиданную позицию занял Нот Кри:

— Ты не имеешь права отказаться от подобного предложения, — внушительно заговорил он на нашем родном языке. — Уж ежели мы решились вопреки здравому смыслу выполнять безрассудную задачу Миссии Разума, то не можем считаться с такими несообразностями, как шепетильность. Чтобы учить землян разуму, надлежит пользоваться любой возможностью, дабы заставить их повиноваться.

— В самом деле, Инко Тихий, — вмешалась Кара Яр. — Ты лишь временно позволишь называть себя богом Кетсалькоатлем.

Когда люди поверят тебе, изменят свой образ жизни, откажутся от ужасных человеческих жертвоприношений, ты откроешь им, что все мы лишь пришельцы с другой звезды.

— Инко, — тихо сказала Эра Луа. — Я дрожу от одной мысли, что похожий на тебя юноша был зарезан на жертвенном камне. Если ты станешь, пусть временно, «богом», то сможешь запретить убийства. Из-за одного этого ты должен назваться Кетсалькоатлем. В этом твой Долг.

— Милый Инко, — добавила Ива, — с ними, наверное, надо обращаться как с маленькими детьми. Если им понятнее, что ты какой-то там «бог», которого надо слушаться, то пусть будет так.

— Доказывать людям на их теперешнем низком уровне развития, что их планета была заселена когда-то фаэтами с погибшей Фаэны и что современные люди — их потомки, а мы — прилетевшие к ним братья по крови, едва ли логично, поскольку не сможет никого убедить, — заключил наш философ Гиго Гант.

Так было решено, что я в сопровождении остальных «богов» явлюсь в Толлу под видом воскресшего Топельцина, ставшего богом Кетсалькоатлем.

Мне было стыдно обманывать землян, но я не мог не согласиться со своими товарищами, что это был самый простой и надежный путь к невежественным умам жителей Толлы.

Чичкалан, узнав о нашем решении войти в Толлу, без всяких колебаний заявил:

— Воскресшего Топельцина будут ждать, как бога. Чичкалан сам объявит о нем жрецам.

— Но Чичкалана зарежут на камне, — на языке землян испуганно сказала Ива.

Чичкалан замотал головой:

— Боги добры, потому что они не люди. Люди все жестоки. Но Чичкалан не боится их. Пусть его даже схватят и потащат на жертвенный камень. Великий бог Кетсалькоатль отменит жертвоприношение.

— А если не успеет? — спросила Эра Луа.

— Если не успеет, — беспечно ответил Чичкалан, — то он на небе вернет Чичкалану сердце и сделает его таким же приближенным к себе богом, как и тех, других, кто побывал на жертвенном камне.

Он был уверен, что все мы прежде жили на Земле!

— Чичкалан знает, как сделать, чтобы люди Толлы узнали божественного Топельцина, — продолжал он. — Первое — это женщина! Пьяная Блоха приведет ее сюда тайно от всех.

— А второе? — поинтересовался Гиго Гант.

— Второе? — землянин хитро улыбнулся и посмотрел на меня. — В игровом отряде Чичкалана не было игрока быстрее и искуснее Топельцина. Он еще не был богом, а его уже боготворили жители Толлы, любящие великолепное зрелище священной игры в мяч.

Эра Луа с тревогой посмотрела на меня.

— Очень может быть, что тебе придется сыграть для них в мяч, — не без иронии сказал Нот Кри.

— При любимце народа Топельцине игровой отряд Чичкалана никогда не проигрывал. Но не стало Топельцина, и Чичкала-

ну пришлось бежать от жрецов, которые хотели тащить его на жертвенный камень.

Возможно, что я несколько растерянно посмотрел на своих товарищей. И встретился взглядом с Эрой Луа.

— Мне кажется, — смущенно сказала она на нашем родном языке, — Инко должен остаться самим собой. Не надо девушку, которую приведет наш гость, делать еще более несчастной. Лучше открыться ей во всем. Она женщина, поймет все и станет нашей союзницей.

Кара Яр пожала плечами. Ива поддержала Эру Луа.

— Главное, показать себя на игровом поле, — заметил Гиго Гант, — займемся твоей тренировкой.

— Словом, Инко Тихий, тебе предстоят серьезные испытания, — заключил Нот Кри.

Мы проводили Чичкалана.

— Пьяная Блоха ходит как ягуар, — заверил он. — Легче увидеть тень звезд, чем Чичкалана в ночной Толле.

И он исчез в сельве.

Мы уже выходили из корабля без скафандров, привыкая дышать воздухом Земли.

Это было непередаваемое ощущение. Свежий, пряный, пьянящий воздух был насыщен ароматами, о которых мы не могли иметь представление на Маре! Изобилие кислорода обжигало, но давало силы для преодоления двойной тяжести Земли.

Нам помогало то, что почти все мы занимались таким тяжелым спортом, как «бег без дыхания». Мы были выносливы и упорны.

Легче всех «стал на Земле человеком», то есть освоился с ее обстановкой, воздухом, тяжестью Гиго Гант.

Труднее всех пришлось бедной Эре Луа. Но то, что достигалось остальными волей, физической силой и неустанными упражнениями, Эра Луа добивалась своим бесконечным терпением и готовностью переносить любые тяготы.

Чичкалан неожиданно вынырнул из чащи, когда мы бродили возле корабля.

Я сразу заметил Чичкалана, искренне обрадовался ему и встревожился.

Было хорошо то, что он вернулся, но он вернулся, очевидно, не один. Предстояло мое первое испытание. Как-то я его выдержу?

— Эра Луа будет рядом с Топельцином, — сказала Эра Луа, называя меня земным именем.

— Богиня забыла, что такое земная женщина! — воскликнул Чичкалан. — Она ближе к ягуару, чем мужчина, хотя у нее и нет клыков. Но так только кажется.

Мы не очень поняли Чичкалана.

— Если девушка должна узнать своего любимого, то лишние свидетели не нужны, — заметила Кара Яр.

Как она была холодна! Без всякого сожаления она отправляла меня в объятия земной девушки.

Я вскинул голову, как принято делать, судя по Чичкалану,

у людей, и направился в сельву. Там Мотылек ждала Топельцина.

В чаще я увидел девушку. Ее смуглое лицо было как бы вычтенное ваятелем, стремившимся выразить затаенное горе и сдерживаемую силу. Но больше всего поражали ниспадающие на ее плечи совершенно седые волосы, заколотые у висков простым, но диковинным украшением.

Услышав мои шаги, она резко повернулась, глаза ее расширились и замерзли.

Чичкалан отстал, наблюдая за нашей встречей издали.

— Мотылек! — я протянул к ней руки.

Она с горестной улыбкой смотрела на меня. Очевидно, она подметила во мне что-то чужое, может быть, мою бородку. Недаром Нот Кри настаивал, чтобы я удалил ее. У местных жителей, как выяснилось, не было растительности на лице.

Но я неверно истолковал взгляд Мотылька. Оказывается, именно эта бородка, которая могла достаться мне лишь от бородатых предков через мою «мать», плененную рабыню, прежде всего убедила Мотылька, что я Топельцин.

— Топельцин! — воскликнула она, бросилась ко мне, прильнула к груди и заплакала.

Ее крепкие плечи вздрагивали, а мои ладони ощущали их тепло.

Она плакала, дитя Земли, не подозревая, что плачет на груди своего бесконечно далекого брата, лишь случайно похожего на ее погибшего возлюбленного.

— Мотылек верит, что Топельцин вернулся? — спросил я, готовый все рассказать этой милой и несчастной девушке.

Но я не был готов к проявлению такой бурной радости и нежности, которые земная девушка обрушила на меня.

Она гладила мое лицо, бороду, брови, волосы, заглядывала мне в глаза и тихо смеялась.

— А годы, годы идут даже и на небе, — сказала она, внимательно изучая мое лицо. — Мотылек тоже очень постарела?

И столько неподдельного счастья было в ее словах, в ее улыбке, в ее слезах, катившихся по смуглой коже, что я не в силах был сказать ей то, что по совету Эры приготовился открыть. Я не мог, не мог еще раз отнять у нее возлюбленного.

Мы уселись с Мотыльком на горбатом корне, взявшись за руки, и ничего не говорили. В этом молчании было мое спасение. Если бы мне нужно было говорить, я лгал бы. Молчать было легче, хотя это тоже была ложь. Но эта ложь приносила счастье чудесной земной девушке.

Я почувствовал на себе чей-то взгляд, обернулся и увидел Эру Луа. Она поспешно отвернулась. Я успел заметить, что у нее вздрагивают плечи.

Подошел Чичкалан.

Счастливая Мотылек протянула ему руку, и он упал на колени, чтобы прикоснуться лбом к ее пальцам.

— Чичкалан — подлинный друг, — сказала она. — Он снова сделал Мотылька счастливой. — И она звонко засмеялась.

И этот девичий ее смех так не вязался с ее сединой, что я почувствовал острую жалость к ней.

— Сверкающая Шочикетсаль — избранница бога. Сам бог Кетсалькоатль спустился к ней с неба, — сказал Чичкалан.

— Мотылек пойдет за ним куда угодно! Хоть на жертвенный камень.

— Жертвенных камней — позора людей — больше не будет! — решительно сказал я.

Мотылек восхищенно посмотрела на меня.

— Он бог! — провозгласил Чичкалан. — Только бог Кетсалькоатль может сказать такое, что повергнет в ужас и трепет всех жрецов. Шочикетсаль узнала его?

— Да, Мотылек узнала своего Топельцина. И не потому, что он лицом похож на себя, каким был перед ударом Сердца Неба, хотя и немного постарел с тех пор.

— Почему же еще? — спросил я.

— Потому что Топельцин тоже говорил о жертвенных камнях, как о позоре Толлы. Больше никто этого не мог бы сказать.

Так еще раз несчастный погибший юноша помог мне войти в его родной город под его именем, чтобы принести народу разумное.

Я почувствовал прилив внутренних сил. Я выполняю Великий Долг, ради которого Миссия Разума прилетела на Землю с далекого Мара.

Люди Земли должны приобщиться к древней культуре своих предков, должны... любой ценой.

Глава вторая. СЫНЫ СОЛНЦА

1. БЕЛЫЙ БОГ

— То-пель-цин! То-пель-цин!

Рев толпы перекатывался по трибунам, по обе стороны ткачи — площадки для ритуальной игры в мяч. Горожане Толлы, вскочив с мест, тряся разноцветными перьями головных уборов и размахивая руками, орали во все глотки:

— То-пель-цин! То-пель-цин!

Литой мяч из упругой смолы дерева ачанак с такой силой перелетал через лекольт — черту, разделяющую площадки двух игровых отрядов, — словно каждый раз срывался с вершины пирамиды. Попад в одного из игроков, он способен был не только сбить его с ног, но и убить на месте.

Но игроки были опытные, проворные и выносливые. Они отбивали смертоносное упругое ядро, посылая его обратно на половину «противника». Прикосновение мяча к каменным плитам площадки каралось штрафным очком, а передача мяча своему игроку воспрещалась под угрозой жертвенного камня. Отбивать мяч можно было только локтями, защищенными стеганой броней, коленями в наколенниках или тяжелыми каменными битами, зажатыми в правой руке. От удара такой биты мяч переламывал нетолстую каменную плиту. А ненароком попав в зрителей, мог искалечить их, не защищенных игровой одеждой. Потому для безопасности скамьи были высоко подняты над игровым полем. Сочувствующие разным сражающимся отрядам обычно рассаживались по обе стороны игрового поля, бурно

переживая за своих любимцев, тем более что в случае поражения им грозил узаконенный грабеж. Победители имели право ворваться на «враждебную» трибуну и отобрать у тех, кто ратовал за побежденных, все, что приглянется: дорогие украшения, красивые головные уборы и даже части праздничной одежды.

В отряде Чичкалана сегодня играл, как бывало, Топельцин, любимец народа, чудесно воскресший, узанный красавицей Мотыльком. Вождь игрового отряда, скрывавшийся от жрецов в сельве, сам видел, что он, как бог, спустился с неба на Огненном Змее в сопровождении грома без дождя.

Белокурый бородатый бог, снизошедший до игры с людьми, подобно им, был наряжен в головной убор из черных перьев и упругие панцири из подбитой хлопком кожи ягуара на локтях, коленях и шее. Такая защита выдерживала не только разящий мяч, но удары боевых деревянных мечей с остриями из вулканического стекла, годясь и для игроков и для воинов.

Боги устами жрецов присуждали победу тому или другому отряду по числу штрафных очков. Но бесспорная победа достигалась броском мяча сквозь одно из поставленных на ребро каменных колец, вделанных в стены под трибунами по краям черты, разделявшей игровое поле.

Попадать в кольца было чрезвычайно трудно (отверстие едва пропускало мяч), к тому же и опасно. Кольцо изображало свернувшегося священного попугая гаукамайя. Прикосновение к нему даже мячом считалось кошунством и грозило крупным штрафом.

Искушенные в математике жрецы подсчитывали очки и не останавливали игры, пока мяч не пройдет сквозь кольцо. Требовалось лишь, чтобы игроки и зрители держались на ногах, а солнце освещало игровое поле.

Поэтому противники разящими ударами мяча старались измотать друг друга, вывести из строя побольше игроков. На риск броска сквозь кольцо решались только в крайнем или особо благоприятном случае, когда игрок оказывался у стены прямо перед кольцом.

Толпа ревела. Белый бог не только доказал, что он вернувшийся на Землю прославленный Топельцин, но и сумел поднять священную игру до уровня божественной и заставил всех затаить дыхание. Таких приемов игры еще никто не видел, так играть мог только бог!

Гремучий Змей восседал на царственной циновке над каменным кольцом гаукамайя и спокойно созерцал зрелище, которое приводило в неистовое волнение, восторг, даже опьянение всех окружающих. Всех, кроме Змеи Людей, который тоже каменным изваянием высился над кольцом противоположной трибуны.

Когда Чичкалан вернулся из сельвы, объявив о сошествии с неба бога Кетсалькоатля, Змея Людей приказал схватить его и расплатать на жертвенном камне. Он не хотел слушать его болтовни, потому что не верил ни в каких богов, которым служил, и не допускал мысли, что человек, сердце которого он вырвал собственными руками, будто бы жив и вернулся с за-

жившим шрамом на груди. Он увидел в этом ловко подстроенную интригу.

Возможность такой интриги почувствовал и ненавидевший жреца владыка Гремучий Змей, едва девушка Мотылек, упав к его ногам, поведала о возвращении возлюбленного.

Гремучий Змей потребовал привести к нему Чичкалана в сопровождении Великого Жреца. Змея Людей, сдерживая бешенство, вынужден был сопровождать Пьяную Блоху к трону владыки.

Войдя в просторный зал, устланный коврами из птичьих перьев, первый жрец сразу же стал грозить владыке гневом богов, если им тотчас не будет принесен в жертву Чичкалан, а также и белокожие обманщики, которых тот якобы повстречал в сельве.

— Зачем Змея Людей грозит гневом тех, кого никто не видел, если народ сам сможет лицезреть живых богов? Не лучше ли попросить их самих, — сказал Гремучий Змей, — смягчить гнев, которого Змея Людей так страшится?

— Как может доказать белый бродяга, что он бог? — в ярости воскликнул Великий Жрец.

— Пусть владыка смертных прикажет сорвать с Чичкалана путы, которыми скручены его руки, — взмолился Чичкалан, стоявший перед вождем на коленях. — И пусть владыка смертных прикажет игровому отряду Чичкалана сыграть на игровом поле вместе с Топельцином. Народ, наблюдая священную игру, сразу узнает Топельцина и признает в нем бога.

Гремучий Змей затянулся дымом трубки, которую не выпускал изо рта.

— В священной игре в мяч не раз решались важнейшие споры между жрецами и правителями городов. Пусть и сейчас боги скажут свое слово на игровом поле.

Гремучий Змей, сидя на циновке власти и невозмутимо попыхивая трубкой, в которой разжег крошенные листья табаку, чтобы вдыхать в себя их дурманящий дым, слышал всеобщие возгласы «То-пель-цин!». Он ничем не показал, что очень доволен. Теперь Великий Жрец будет сокрушен, его постигнет кара, с которой не сравнится смерть на жертвенном камне или от боевого мяча.

Меж тем белокожий бородатый игрок перешел на площадке к невиданным приемам. Он перестал пользоваться битой, чтобы сильными ударами литого мяча наносить вред партнерам.

Улучив миг, когда мяч летел к нему, он отбросил загремевшую по каменным плитам биту и вовсе не отбил мяч, как полагалось, а схватил его на лету, зажав локтями.

Дальше произошло невероятное. Кетсалькоатль закинул руки за голову, продолжая сжимать локтями мяч (в этом не было нарушения правил, он касался мяча лишь локтями!), потом легким, тонко рассчитанным движением, которое Инко Тихий под руководством Гиго Ганта и Чичкалана несчетное число раз отрепетировал в сельве перед тем, как появиться в Толле, бросил мяч в кольцо. Мяч прошел через отверстие и упал к ногам оторопевшего вождя противоположного игрового отряда.

Тот подумал лишь о грозящем ему теперь жертвенном камне, а не о хитроумном новшестве, внесенном богом в поединок на ткалачи.

Так закончилась священная игра.

Топельцин был не только всенародно узнан, но и провозглашен тут же на игровом поле богом Кетсалькоатлем. Это поспешил сделать сам Великий Жрец, боявшийся отстать от других. Надо было и при живом боге сохранить свое положение первого жреца.

Толпа неистовствовала. К ногам Кетсалькоатля летели богатые головные уборы и ценные украшения. Люди Толлы ничего не жалели для вернувшегося в образе бога любимца.

Простодушные, как дети, воспитанные в суеверии, они восприняли появление умершего как нечто естественное для богов, а потому готовы были беспрекословно повиноваться явившемуся к ним божеству, как воплощению силы и власти.

Зная уровень развития и нрав своего народа, Змея Людей встревожился. Как бы этот «живой бог» из сельвы не захотел теперь мстить Змее Людей за будто вырванное когда-то его сердце. Надо было действовать, и Великий Жрец дал знак жрецам. Те вышли вперед и затрубили в морские раковины, требуя тишины.

Стоя перед «усиливающим звук священным камнем», Змея Людей провозгласил:

— Горе людям Толлы, горе! Пусть внимают они словам Великого и страшного пророчества, прочитанного по звездам. Едва ступит на Землю бог Кетсалькоатль, потребует он себе в жертву сердца самых знатных, самых заслуженных и богатых людей Толлы: и мужчин, и женщин, и девушек, и детей. Горе людям Толлы, горе! Пусть владыка пообещает белому богу много тунов сердец пленников и рабов, а пока смиренный жрец Змея Людей поспешит вырвать для Кетсалькоатля сердца двух вождей игровых отрядов, одного проигравшего прежде, а другого поверженного сегодня.

Гремучий Змей сделал знак рукой, и три его телохранителя с разрисованными боевой краской лицами в стеганых боевых куртках протрубили в морские раковины, пронзительными звуками заглушив последние слова жреца.

Заговорил Гремучий Змей.

— Да станет известно людям Толлы, а также смиренным служителям богов, что владыка смертных Гремучий Змей с распростертыми объятиями любви и мира принимает вернувшегося к нему в образе бога сына и на склоне своих лет складывает с себя бремя Верховного Вождя, которое так долго нес. Он передает это бремя власти своему сыну Топельцину, который отныне будет носить имя Кетсалькоатля, живого белого бога и владыки смертных.

Ошеломленные горожане Толлы повскакали со скамей, не зная, чего им ждать дальше. Другое дело Змея Людей. Он рассчитывал на правах Великого Жреца по-прежнему представлять перед народом богов, узнавая желания тех, кого признали сейчас богами на Земле. Но если бог становится одновременно и владыкой, то... Теперь вся надежда была на тайную дочь. Ведь

самозванец из сельвы вынужден был признать ее своей возлюбленной.

Усиленный священным камнем голос жреца снова зазвучал над трибунами.

— Пусть примет всесильный бог и вождь Кетсалькоатль смиренный дар смертных, владыкой которых он стал. Проворные жрецы сейчас поднесут ему на золотом блюде два желанных ему трепещущих сердца, бившихся во время славно закончившейся священной игры.

— Пусть замолчит лукавый жрец! — раздался незнакомый ясный и сильный голос, который, оказывается, принадлежал белому богу. Он встал рядом с Гремучим Змеем, не позволив тому подняться с циновки. — Пусть замолчит лукавый жрец, и пусть знают люди Толлы, что никогда больше не будет пролита человеческая кровь ради жертвы богам, ни одно сердце больше не будет вырвано из груди живого человека, не будет брошено на нетускнеющее блюдо желтого металла. Кетсалькоатлю предложено править Толлой, и он с сознанием долга перед людьми принимает переданную ему власть, чтобы обратить ее на благо всех людей Земли.

Горожане переглянулись. Почему белый бог сказал о всех людях Земли, а не о людях Толлы? И почему он назвал Великого Жреца лукавым, унизив его перед всеми, хотя тот только что провозгласил Кетсалькоатля богом? Однако люди Толлы не умели рассуждать, они привыкли повиноваться. Больше всего их взволновало и перепугало запрещение привычных человеческих жертв, всегда угодных богам. Что ждет теперь людей, если богов нельзя будет умиловить?

Жрецы подвели к Кетсалькоатлю, наконец севшему на место владыки, двух вождей игровых отрядов. Их бросили перед ним на колени, связанных веревками, с закрученными назад руками.

Кетсалькоатль сделал знак, и огромный белый бог, который ростом был даже больше Топельцина, подошел к жертвам и двумя ударами диковинного блестящего ножа, непохожего на обычное изделие из вулканического стекла, хотя и не менее острого, разрубил связывающие их веревки.

Две белые богини помогли освобожденным подняться и заговорили с ними на языке Толлы. Их голоса были нежны и ласковы.

Кетсалькоатль отправился во дворец своего отца Гремучего Змея. По одну его сторону шел еще один бог, с малым числом волос на голове, а по другую — тайная дочь Великого Жреца красавица Мотылек.

Гремучий Змей шел следом.

Люди Толлы благоговейно провожали их взглядами.

Что-то ждет их при новом владыке смертных, который спустился к ним с неба и не хочет, чтобы жертвами смягчали его гнев?

Неожиданности последовали одна за другой.

Каждый день глашатаи ревом морских раковин созывали народ к подножию пирамиды Ночи, и сверху звучал голос одного из белых богов, который отличался своим ростом, имел рыжую бороду и целых четыре глаза. Он передавал повеления Кетсалькоатля, которые обязаны были выполнять все. Повеления эти

ошеломляли, приводили в трепет одних и в неистовую радость других. Однако пугали они одинаково всех. Невозможно было разобратся в новом порядке, который устанавливал белый бог.

Прежде всего бородатый бог-великан, поднеся к губам «волшебную раковину», объявил, что упраздняется рабство.

— Рабство противно самой натуре человека и недостойно его ума, возвысившего людей над всем остальным животным миром, — громоподобно гремел через раковину голос бога-помощника. — Ни в лесах, ни в пустыне, ни в водах не найти живых существ, которые заставили бы других, себе подобных, трудиться, сами ничего не производя. Не будет так отныне и среди людей Земли.

Опять он сказал «людей Земли», а не «людей Толлы». Собирались ли боги завоевать все окрестные племена?

— Труд отныне будет обязательным для всех, — продолжал бог-великан. — И прежде всего для владыки смертных, для самого Кетсалькоатля. Он первым подаст всем пример. Ему отводится поле, которое он станет возделывать, чтобы вырастить хлопок и пшеницу. А если трудиться станет сам бог, то что ожидает тех, кто откажется от труда?

— Смерть! — слышалось из толпы, стоящей у подножия пирамиды.

— Кетсалькоатль упраздняет насильственную смерть и как наказание, и как мщение, — снова удивил людей вешающий бог. — Ее заменит изгнание из города Толлы. Не пожелавшие трудиться в городе будут отправлены в сельву, где им все равно придется трудиться, чтобы не погибнуть. Труд станет обязательным для всех.

Люди уходили с площади потрясенные. Вожди возмущались, хватались за оружие. Но бог был богом, к тому же и владыкой смертных. Приходилось смиряться.

Толпы освобожденных рабов заполняли площадь перед дворцом владыки, чтобы песнями, плясками и ночными кострами воздать ему хвалу.

Начались невиданные прежде работы: прокладывались дороги, выжигалась и вырубалась сельва, чтобы подготовить поля хлопка и пшеницы, начал сооружаться дворец белого бога, венчающий собой новую и самую высокую пирамиду.

Великий Жрец Змея Людей сидел в храме Неба на вершине старой пирамиды. Сюда уже не приводили никаких пленных, он не бросал ни одного горячего сердца на желтое блюдо, не ощущал на губах вкус свежей крови. Он сам жил в страхе за себя и тщетно вызывал свою тайную дочь Мотылька. Она не появлялась.

Однажды с вершины пирамиды он увидел ее, поразившись произошедшей в ней перемене. Волосы ее, ставшие когда-то в час горя серебряными, вновь обрели свой былой черный с отливом цвет.

Змея Людей не знал, что богини, одна из которых была жрицей Здоровья, снабдили ее какими-то снадобьями, которые вернули девушке молодость.

Люди Толлы, увидев Мотылька, как прежде, юной, уверовали в чудо, которое совершил Кетсалькоатль, и прониклись к нему еще большим священным трепетом.

Указы Кетсалькоатля снова и снова оглашались богом-великаном с вершины пирамиды Ночи, с которой жрецы прежде наблюдали звезды. И каждый новый указ все больше повергал в ужас суеверных людей Толлы.

Бог-великан объявил, что Кетсалькоатль отменил всякие войны.

— Никогда больше война не будет способом решения споров между племенами, — вещал рыжебородый бог. — Как равны отныне между собой люди Толлы, так равны между собой и все людские племена. Пусть живут они в мире, никогда не применяя насилия и руководствуясь в своей жизни только справедливостью.

И еще объявил бог-великан, что Кетсалькоатль освободил от труда престарелых, равных возрастом его отцу. Их будут кормить и уважать все, кто моложе их.

Город Толла кипел: днем работой, вечером весельем, а ночью скрытым недовольством. Каково было знатым горожанам признать бывших рабов равными себе, а воинам — потерять все привилегии?

Простой люд, бывшие рабы и ремесленники возводили по указаниям богов великолепные постройки. Бывшие воины и военачальники, которых впервые заставили что-то делать, пока подчинялись, но смотрели исподлобья.

Белый бог с малым числом волос на голове, наблюдавший за жизнью в городе, говорил Кетсалькоатлю на чужепланетном языке:

— Не может быть, чтобы невежественные создания могли так сразу отказаться от вековых жестоких привычек и принять общественный строй, требующий высокого самосознания каждого члена общества.

— Надо просвещать их, — решил Кетсалькоатль.

И он собрал у себя молодых людей (из знатных семей, которые уже учились чему-то) и жрецов, приобщенных к знаниям, всех, кроме Змеи Людей, не пожелавшего или не решившегося явиться, и стал передавать им удивительные знания о небе и вещах.

Змея Людей по ночам выслушивал донесения своих бывших приближенных об этих занятиях и мрачно смотрел на затянутое тучами небо без звезд.

Его тайная дочь все не приходила к нему. Но он ждал ее.

2. КОГТИ ЯГУАРА

И Мотылек все-таки пришла к отцу.

С перекошенным смуглым лицом, с ниспадающими на плечи прямыми черными волосами, с горящими гневом глазами, она чем-то напоминала ягуара, готового защищать свое логово.

Она легко поднималась по высоким ступеням пирамиды, которые доставали ей до бедра.

Жрецы в черных хламидах, не позволявшие ей взойти на пирамиду в день принесения в жертву ее Топельцина, сейчас молча наблюдали за ней, стоя, как изваяния, через каждые пять ступеней.

Только раз оглянувшись Шочикетсаль на дворец владыки, где обитали белые боги, и рот ее искривился, обнажив острые зубы.

Великий Жрец Змея Людей вышел к ней навстречу. Искусно сделанная из его пропитанных кровью волос прическа в виде змеи с раскрытой пастью словно с пониманием встречала разъяренную женщину.

Поднимаясь, Шочикетсаль снова и снова переживала оскорбительную сцену последнего свидания с Топельцином. Да полно! С Топельцином ли?

Не было большего счастья, чем снова обрести погибшего возлюбленного. Мотылек слишком хорошо помнила встречу в сельве: протянутые к ней руки, ласковые слова и любимые ею голубые глаза, которые когда-то закрылись навек и вдруг с прежней нежностью вновь смотрели на нее.

Но как ни была счастлива в тот миг Мотылек, она оставалась дочерью своего первобытного зоркого народа, чуткой ко всякой опасности. Даже в минуту безудержного счастья заметила Шочикетсаль белую богиню, которая отвернулась, чтобы скрыть рыдания.

Мотылек ничем не выдала себя ни тогда, ни позднее.

Топельцин, даже ставши белым богом Кетсалькоатлем, не сумел все прочесть в ее сердце. Да, может быть, и она сама не до конца понимала себя. Но где-то в самом далеком тайнике ее сердца шевельнулась тревога. Женщина всегда раньше мужчины разгадает женщину, даже если это богиня.

Богиня справилась с собой, но только справилась! Мотылек отлично поняла это, потому что от нее не ускользал ни один взгляд Эры, украдкой брошенный на Кетсалькоатля.

Две другие богини были ясны. Одна из них любила Кетсалькоатля, но как сестра. Другая никого не любила, холодная, подобно камню, политому водой. Мотылек боялась ее. А богиню Эру она не боялась и позволила ей волшебным снадобьем вернуть цвет молодости своим волосам.

Чутьем дикарки она угадывала, что эта богиня не способна сделать ей зло.

Но Кетсалькоатль!

Став вместо Гремучего Змея владыкой смертных, он должен был бы тотчас жениться на своей белой возлюбленной, выполнить данное ей еще до своей смерти обещание. Шочикетсаль считала это само собой разумеющимся и нетерпеливо ждала.

Однако вернувшийся с неба Топельцин вовсе не проявлял того пыла, который владел им в былое время.

Терпение у Шочикетсаль истощалось. Неужели небо, где он провел так много времени, разъединило их?

Мотылек была земной женщиной, в жилах которой текла неукротимая дикая кровь. Небо жрецов с их сказками было для нее чуждым и недостижимым. Но в эти сказки полагалось верить. А вот богиня Эра, не умеющая скрыть своих чувств к Топельцину, это была уже не сказка, а сама жизнь, близкая и понятная. Шочикетсаль как женщина видела в ней соперницу.

И Мотылек возненавидела богиню Эру, готовая разорвать ее когтями.

Шочикетсаль, кипя ревностью и негодованием, решила на-

конец на прямое объяснение с Кетсалькоатлем. Она хотела знать, почему тот не берет ее себе в жены.

Шочикетсаль застала Кетсалькоатля в зале с коврами из птичьих перьев. Он только что отпустил своих учеников.

Увидев Мотылька, он улыбнулся, встал со шкуры ягуара и сделал несколько шагов ей навстречу.

Сердце замерло у Мотылька, кровь бросилась в лицо, голос перехватило, но она все-таки вымолвила:

— Позволят ли великий бог Кетсалькоатль называть себя, как прежде, Топельцином?

— Мотыльку? Ну конечно, — ласково сказал белый бог и протянул к ней руки, как тогда, в сельве.

— Разве Топельцин не видит, что счастье вернуло его Мотыльку былой цвет волос?

— Топельцин рад, что видит Мотылька прежней.

— Но почему он сам не прежний?

— О чем говорит Мотылек?

— Почему Топельцин не показывает Мотыльку звезд на небе? Почему не прикасается губами к ее коже, чтобы радость волной пробежала по всему ее телу?

— Если бы Топельцин считал себя вправе так поступить! — с горечью воскликнул белый бог.

— Разве Топельцин или бог Кетсалькоатль не имеет права на все, чего только пожелает?

— Пусть прекрасная Мотылек простит гостя неба, что он лишь сейчас решаетесь рассказать ей все о себе.

— Разве Мотылек с вершины пирамиды не возвестила народу всего, что можно было сказать о белом боге и его спутниках?

— Мотылек должна понять, что тот, кого она провозгласила вернувшимся ее возлюбленным, не может воспользоваться ее ласками, предназначенными другому, давно погибшему юноше.

Мотылек содрогнулась.

— Богиня Эра, вернувшая Мотыльку былой цвет волос, — продолжал Кетсалькоатль, — давно настаивала, чтобы гость с неба рассказал Мотыльку всю правду, ибо она женщина и своей заботой о жизни может помочь и людям, и гостям неба.

Бешенство овладело Мотыльком. Она плохо понимала Кетсалькоатля. До ее сознания дошло лишь то, что он говорит по велению богини Эры и отказывается от любви Мотылька.

А Кетсалькоатль закончил:

— Гость с неба хорошо понимает Мотылька и ее жажду любви, потому что он и сам познал горе неразделенной любви.

Девушка уничтожающим взглядом смерила бога Кетсалькоатля:

— Бог Кетсалькоатль не может так говорить! Какой же он тогда бог!

— Сын Солнца вовсе не бог, — мягко сказал Кетсалькоатль, — и вовсе не твой когда-то погибший возлюбленный Топельцин. Сын Солнца лишь случайно похож на него чертами лица. Это нелегко объяснить Мотыльку. Она должна понять, что у людей Толлы, у тех, кто живет на далекой звезде Мар, откуда прилетели гости неба, одни и те же предки, происходящие с еще более далекой звезды, которая погибла в яркой вспышке. Остались только ее сыны, гостившие на Земле и Марс.

И люди, и марриане (гости с неба), и фазты (так звались обитатели погибшей Фаэны), все они СЫНЫ СОЛНЦА. Людям Земли предстоят тяжкие испытания. Их братья по Солнцу, зная об этом, прилетели с звезды Мар, чтобы разделить с людьми их тяготы и научить тому, что достигнуто разумом другими сынами Солнца.

Мотылек не могла понять всего сказанного. Она была женщиной, отвергнутой женщиной. И только это она поняла. Не веря себе, она произнесла:

— Значит, Кетсалькоатль вовсе не Топельцин?

— Увы, нет. Потому гость неба и не может подарить Мотылку радость любви, — грустно сказал Кетсалькоатль.

— Это неправда! — вскричала Шочикетсаль, гневно сверкнув глазами. — Просто жалкий Кетсалькоатль слепо выполняет волю белой богини, отрекаясь не только от бывшей любви, но даже и от собственного имени Топельцина!

Белый бог растерянно стоял посреди зала, с удивлением рассматривая разгневанную девушку Земли. Неужели он ошибся, рассчитывая найти ее поддержку ценой всей правды, пусть горькой для нее, но истинной?

Мотылку вовсе не нужна была «такая истина»! Слова белого бога лишь подсказали ей план мести. Если ее отвергли, то виновники, богиня Эра и неверный Топельцин, горько поплатятся!..

Взбешенная Шочикетсаль выбежала из дворца и кинулась к ступеням пирамиды бога Ночи, чтобы найти там отца. Она была его «тайной дочерью», ибо Великий Жрец, служа богам, в своей святости не мог иметь ни жены, ни детей. Но его высокое положение позволяло ему пренебрегать тем, что было обязательным для других, ниже стоящих. Конечно, все знали, что Шочикетсаль его дочь, но, чтобы сохранить видимость священной чистоты Великого Жреца, ее называли «тайной дочерью». Этим было сказано все, приличия соблюдены, и положение девушки обретало высоту, достойную ее «тайного» (хотя для всех и явного) отца.

Змея Людей с плохо скрываемой радостью выслушал дочь, поведавшую ему о неслыханном оскорблении, нанесенном ей, женщине высшего положения в Толле. Ею пренебрег тот, кому она готова была отдать сердце не только в переносном, но и в прямом смысле, когда рвалась на пирамиду, чтобы лечь с ним рядом на жертвенный камень.

У Великого Жреца зрел план. Шочикетсаль готова объявить с вершины пирамиды, что так называемый Кетсалькоатль вовсе не бог и уж никак не Топельцин, а всего лишь ловкий обманщик. Он должен быть лишен власти, его безрассудные указы отменены, и в честь возвращения к истинным богам на жертвенных камнях будут вырваны сердца у всех белых бродяг, явившихся из сельвы, а также у всех их сообщников, признавших их власть.

Взывая к истинным богам (в которых он не верил), Змея Людей приказал дочери во всем повиноваться ему и в нужный миг сказать с вершины пирамиды всю правду о Лжетопельцине.

Шочикетсаль с поникшей головой слушала хриплый голос жреца-отца. Тот заметил, как передернулись у нее плечи.

Он замолчал и задумался.

Так ли просто получится все, что предложила ему дочь? Она женщина, ей важно лишь скорее разоблачить обманщика, оскорбившего ее чувства. У Великого Жреца цели должны быть более возвышенными и далекими, а пути их достижения самыми надежными.

Пока Змея Людей размышлял, его тайная дочь не могла найти себе места, ей не терпелось.

— Пусть Великий Жрец прикажет жрецам протрубить в морские раковины, пусть созовут они к подножию холма народ, — требовала она.

Змея с разверзнутой пастью на голове жреца качнулась, хриплый голос жреца снизился до шепота:

— В Мотыльке говорит сейчас только ярость женщины, выпустившей когти ягуара. Нельзя думать, что все обойдется гладко и хорошо, едва она произнесет свою свирепую речь. Ловкий Кетсалькоатль освободил множество рабов, которые теперь заполняют улицы Толлы. Им не захочется снова стать рабами. Ремесленники и художники заняты на новых постройках. Им выгодно закончить начатое, а не низвергать того, кто призвал их творить. Нечего говорить о возделывателях злаков. Они только и думают, что о новых полях, которые выжигают для них в сельве. Им тоже едва ли захочется верить разъяренной женщине.

— Что же хочет тайный отец Мотылька? Чтобы она простила смертельные оскорбления, чтобы позволила белому богу взять себе в жены бледную обманщицу, которую все считают богиней?

— Пусть не кипит Мотылек огненной рекой, пусть помнит, что она тайная дочь Великого Жреца Змеи Людей. Лжебог Кетсалькоатль, святотатственно запретивший древние священные обряды, должен быть свергнут и распластан на жертвенном камне. Боги, желая наказать кого-либо, лишают его рассудка. Так они поступили и с белыми обманщиками. Потеряв от вкуса власти всякий разум, они отменили войны, заставили отважных заслуженных воинов трудиться, как презренных рабов. В этом и заключена гибель лжебогов. Город Толла стал беззащитным. Змея Людей никому не доверит того, что сможет сделать только он сам. По тайным тропкам пройдет он сквозь сельву и найдет кочующих варваров, никогда не строящих домов, а перевозящих свои жилища с места на место. Для них набеги на каменные города — дело удали, постройки — презрение, смерть врагов — радость, гибель соратников — честь. Змея Людей приведет в безоружную Толлу северных дикарей. Пусть они разграбят город камней, убьют горожан и даже воинов, которые успеют схватиться за брошенное оружие. Неприкосновенными останутся лишь пирамиды храмов, где снова в услужение богам польется кровь человеческих жертв, которая искупит все несчастья народа Толлы.

Мотылек содрогнулась:

— Великий Жрец хочет, чтобы северные варвары разграбили город, убили мужчин, женщин, детей?

— Великий Жрец договорится с вождем варваров, чтобы всех

пленных из прежних рабов передали бы жрецам для принесения их в жертву богам. В их числе окажутся и белые бродяги. Тайная дочь Великого Жреца будет отомщена.

Отец заметил мрачный огонь в глазах Шочикетсаль и нахмурился:

— Жрецы станут охранять тайную дочь Змеи Людей. Белым бродягам из дворца владыки, где они почивают на коврах из птичьих перьев, не дотянуться сюда. Когда падет город Толла и запалют дома горожан, жрецы звуками морских раковин созовут на площадь и варваров-победителей, и побежденных людей Толлы. Вот тогда Шочикетсаль скажет всю правду о Кетсалькоатле. Все статуи его будут разбиты, имя его будет стерто со всех памятников, которые теперь спешат ему соорудить.

— Кровь, — сказала Мотылек.

— Кровь солена на вкус и горяча, когда стекает с сердца. Она пьянит, как пульке, и она искупляет все. Этими вот руками Великий Жрец за свою долгую жизнь служения богам вырвал из груди жертв и бросил на золотое блюдо больше сердец, чем бьется сейчас у всех жителей города Толлы.

Мотылек слушала с поникшей головой.

— Змея Людей уйдет под покровом ночи, — сказал ее отец. — Жрецы будут охранять его дочь, и горе ей, если она не дожидется отца. Ее сердце ляжет первым на тоскующее по крови нетускнеющее блюдо.

Краска залила смуглое лицо Мотылька.

— Шочикетсаль сама просила в свое время сделать это! — с вызовом и презрением бросила она.

— Богам угодна даже поздняя жертва, — с загадочным ехидством сказал Змея Людей и скрылся в тайниках храма.

Подземный ход должен был вывести его прямо в сельву. Перед путешествием ему пришлось впервые за много лет отмотчить свои сплехшие волосы. Это было трудно, потому что кровь, смешанная с соком аки, предохранявшим ее от разложения, стала каменной. Но все же в конце концов искусно сделанная змея исчезла с его головы. Никто не должен был узнать жреца.

Мотылек вымеряла шагами площадку для наблюдения звезд.

Перед нею расстился город Толла. Прямые, как лучи солнца, улицы. Великолепные ступенчатые пирамиды в центре зеленых прямоугольников. Роскошные каменные дворцы внизу. Извилистая синяя змея реки, словно улегшейся меж строений города. А вдали зеленый простор непроходимой сельвы.

Может быть, по ней уже крадется одному ему известными тропами Великий Жрец, чтобы оружием варваров вернуть силу поверженным богам и помочь оскорбленной женщине жестоко отомстить белому бородатому пришельцу и его бледной подруге, не сводящей с него влюбленных глаз.

При одной мысли об этом Шочикетсаль содрогнулась. Сейчас она готова была в самых страстных и гневных словах разоблачить Лжетопельцина, отдать его на растерзание толпе, бросить на жертвенный камень...

Но сможет ли она это сделать, когда внизу, среди дымящихся развалин, в дикой оргии будут неистовствовать дикари?

3. ОГОНЬ НЕБЕСНОЙ ЧАШИ

Иступленное улюлюканье, вопли боли и ужаса, стоны умирающих, топот сотен ног, стук оружия, визг женщин, плач детей — все это смешалось в дикую какофонию.

Трупы убитых и тела раненых завалили улицы. Размалеванные краской воины перебирались через жуткие препятствия, пиная ногами головы мертвых, приканчивая копьями еще живых.

Они врывались в дома, громя все внутри, поджигая мебель и дорогие циновки, разбивая бесценные статуи. Горожан, пытавшихся спастись в дальних комнатах, запирали там, а в окна забрасывали горящие факелы.

Никто в Толле не оказал северным кочевникам сопротивления. Город был захвачен врасплох, разграблен, подожжен.

Дым пожара стелился у подножия пирамид. А сверху, из portиков храма, бесстрастно взирали жрецы в черных хламидах. Их пышные головные уборы сверкали на солнце.

Наконец с высокой пирамиды главного храма пронзительно заревели морские раковины.

Подвывая и приплясывая, победители стали остриями копий сгонять окровавленных мужчин и рыдающих полураздетых женщин на площадь.

Бывшие рабы и их недавние господа, избитые и жалкие, все с веревками на шеях, задыхаясь от дыма, смотрели вверх.

По замыслу Великого Жреца, сейчас перед ними должна была в сиянии солнца предстать Шочикетсаль, назвав истинного виновника всех несчастий Толлы. Змея Людей еще до ухода к варварам подготовил ей речь.

Змея Людей приказал жрецам привести Мотылька.

Испуганные жрецы пали ниц. Его дочь исчезла в разгар набега варваров. Может быть, она рискнула спуститься по крутому откосу пирамиды. Возможно, она разбилась, или дикари приняли ее за обычную горожанку, что еще хуже.

Змея Людей в бешенстве приказал расплатать на камне двух жрецов, охранявших Мотылька, и сам после долгого перерыва с наслаждением погрузил им под ребра нож из обсидиана, вырвав их неверные сердца.

Это были первые жертвоприношения, которые должны были вернуть Толле прощение богов и бывшее процветание.

Но пока что руины города дымились и толпа горожан ждала внизу приговора или искупления.

И тогда речь произнес сам Змея Людей:

— Горе людям Толлы, горе! Лжебоги усыпили их, чтобы не было сопротивления набегу, и теперь, справедливо побежденные, люди должны вернуться к истинным богам. Милость богов будет тем щедрее, чем скорее плененные, переданные жрецам великодушными победителями, будут принесены в жертву по давнему закону предков.

Стон прошел по толпе. Никто не знал, поднимется ли он с веревкой на шее по ступенькам пирамиды или дождется милости богов.

— Смерть Лжетопельцину, обманувшему и людей Толлы, и доверчивую девушку Шочикетсаль, — хриплым голосом кричал Великий Жрец. — Жертвенный камень — Кетсалькоатлю. Пусть

будет уничтожен и он сам, и все его мерзкие изображения, святотатственно выбитые на камне. На штурм дворца владыки, на штурм вместе с победителями!

Вовремя предупрежденные обитатели дворца владыки успели укрыться за крепкими запорами.

Мотылек была дочерью своего народа. Нежная преданность, доставшаяся ей от матери, вдовы нукера — военачальника, — приглянувшейся жрецу, и не терпящий препятствий бешеный нрав отца всегда противоборствовали в ней. После гибели Топельцина Мотылек, безутешная в горе и безмерная в гордыне, отеклась от радостей жизни, решив стать жрицей. И вдруг все переменялось: Топельцин вернулся, но отверг ее.

Когда она металась по площадке, смотря с вершины пирамиды на звезды и зловещую черную сельву, противоречивые начала попеременно брали в ней верх. Но к восходу солнца любовь все же восторжествовала над ненавистью.

«Во что бы то ни стало предупредить Топельцина!» — решила она.

Однако жрецы-стражи неотступно следили за ней.

Прошли томительные дни и столь же томительные ночи, в течение которых Мотылек не знала сна. Не спали и бдительные стражи. И только когда первые отряды дикарей ворвались в город, стражи отвлеклись видом начавшейся бойни. Мотылек бросилась к откосу пирамиды, но один из жрецов вцепился в нее. Тогда девушка ринулась вниз вместе с ним. Они катились по крутой гладкой стене. Жрец оказался внизу, и это спасло жизнь Мотыльку.

Придя в себя, она вскочила, перепачканная кровью погибшего жреца, и побежала к дворцовой двери.

В первом же зале она наткнулась на величественного Гремучего Змея, спешившего узнать, что за шум снаружи. Мотылек сказала ему о набеге. Старый вождь снял со стены боевой гопор и, ударив в звонкое блюдо, дал сигнал тревоги.

Появились шестеро его сыновей и заперли двери дворца на все засовы.

Гремучий Змей с сыновьями, все с боевыми топорами, и рыжебородый бог-великан с Карой Яр стояли наготове, прислушиваясь к воплям дикарей, завершавших погром.

— Топельцин, — говорила Мотылек, упав к ногам Инко Тихого. — Пусть примет Мотылек смерть от рук бога, в котором усомнилась, предав его. Но она всего лишь земная женщина, разум которой затмила отвергнутая любовь. Она не могла примириться в своей гордыне с тем, что богиня Эра счастливае ее.

— Несчастное дитя Земли, — поднял ее с пола Инко Тихий. — Не измерить ответственности того, кто идет с Миссией Разума к младшим братьям, совсем не зная их.

Мотылек не поняла марианина. Она лишь любовалась его лицом, лицом своего возлюбленного, которому снова грозила смертельная опасность.

Штурм дворца начался ударами тарана в дверь. Хитрый жрец подсказал варварам воспользоваться недоделанной каменной стелой с изображением Кетсалькоатля.

Сотни ловких и сильных рук держали веревки, на которых раскачивалась каменная громада, при каждом взмахе круша дверь.

— Ужель мариане станут убивать себе подобных? — в ужасе спросила брата Ива Тихая.

Инко Тихий отрицательно покачал головой.

— Я буду подле тебя, — шепнула подошедшая Эра Луа.

— Я предупреждал, — мрачно изрек, отходя от них, Нот Кри. — Надобно, чтобы гнев людей был обращен на им подобных. Должно дать им понять, что мы, пришельцы, существа не только высшего умственного развития, но и иного животного вида.

— Едва ли штурмующие поймут это, — заметила Эра Луа.

Инко Тихий молчал, с глубокой жалостью смотря на снова распростершуюся у его ног земную девушку. Ясно, что он допустил на Земле роковую ошибку. Но какую?

Дверь наконец рухнула. Дикари ринулись во дворец, но первые из них пали от боевых топоров Гремучего Змея и его сыновей.

Ива вскрикнула и схватила брата за руку, чтобы оттащить от места схватки.

— О Топельцин! — зашептала Мотылек, вставая. — Ведь тебе известна тайна подземного хода. Бежим!

И Мотылек испытующе смотрела на Кетсалькоатля. Если он покажет сейчас тайный ход, то он — Топельцин!

Но Кетсалькоатль печально покачал головой:

— Пришелец со звезды Мар не может знать того, что знал погибший возлюбленный Мотылька.

— Так ты не Топельцин? — отшатнулась Мотылек.

Первым из защитников замертво рухнул на пол старый вождь Гремучий Змей. Десятки размалеванных воинов с устрашающим воинственным кличем потрясали в воздухе топорами.

Шесть сыновей Гремучего Змея крушили противников, среди которых узнавали своих же бывших воинов, присоединившихся к врагам.

Вступила в бой и Кара Яр. Холодная и расчетливая, она вышла вперед, ничем не защищенная, стройная, хрупкая. В руках ее был парализующий пистолет.

Один за другим ворвавшиеся воины падали на пол. Гигант стал вышвыривать бесчувственные тела за дверь. Они не сразу придут в себя, их посчитают за убитых.

Просвистевшее копье вонзилось в плечо Гиганту. Он с яростью выдернул его, обливаясь кровью. Эра Луа бросилась к нему оказать первую помощь.

Кара Яр сдерживала рвущуюся в проем двери толпу, поражая лучом оказавшихся в первом ряду.

Скоро пол был усеян неподвижными телами. Кроме парализованных варваров, здесь же лежали и павшие рядом с отцом все шесть сыновей Гремучего Змея.

— Кто бы ни был тот, кого называли Кетсалькоатлем, а несчастная Мотылек своим Топельцином, пусть он вместе с друзьями идет следом за мной. Я покажу тайный ход — путь к спасению, — звала Мотылек.

Инко Тихий предложил отступить. Мариане двинулись по комнатам дворца.

Кара Яр шла последней, отражая натиск осмелевших варваров. Они, прячась один за другого, успели заметить, что невидимое копье белокожей женщины не пробивает насквозь. И защититься можно телом павшего ранее, как щитом. Прикрываясь бесчувственными соратниками, они на корточках, подобные дикий животным, двигались следом за пришельцами.

Подземный ход вел в сельву из внутреннего дворика. Но он имел ответвление, известное не только Мотыльке, но и Змею Людей. Лукавый жрец, который сам недавно пользовался этим ходом, рассчитал, что дочь непременно поведет сюда пришельцев, и устроил там засаду.

Первыми к тайному ходу подошли Инко Тихий и Мотылек.

— Надо обладать безмерной силой, чтобы отвалить этот камень, — сказала она, указывая на плиту с великолепной резьбой.

Ива Тихая беспомощно взглянула на Гигу Ганта с окровавленным плечом. Только он мог бы справиться с этим.

Открыть плиту взялся Кетсалькоатль. Он сразу разгадал рычажное устройство с противовесами. Плиту нужно было не поднять, а вдавить внутрь, после чего она легко уходила в сторону, открывая проем. Нот Кри помогал ему.

Снова Мотылек усомнилась, не Топельцин ли все-таки это? Оказывается, он знает тайну плиты!

Когда мариане стали один за другим прыгивать вниз, они обнаружили засаду.

Змея Людей метнулся из тьмы и привычным ударом вонзил обсидиановый нож в грудь Мотыльки.

— Все-таки ты Топельцин! — прошептала Мотылек, улыбнувшись в последний в жизни раз.

Инко Тихий подхватил ее, когда жрец направил свой второй удар в его старый шрам под сердцем. Но чья-то рука отвела нож.

— Кетсалькоатля — только Пьяной Блохе! — крикнул стоявший рядом со жрецом человек. Он замахнулся на Инко Тихого боевым мечом, но не обрушивал его.

Ива схватила брата за руку и повлекла его в глубину хода, куда уже скрылся Нот Кри. Эра Луа помогала шатающемуся Гигу Ганту бежать за ними.

Кара Яр хотела сразить парализующим лучом Чичкалана, но, взглянув ему в глаза, все поняла и тоже исчезла в темноте.

Змея Людей, страшаясь оружия белой женщины, прятался за спину Чичкалана и, коля его острием ножа, кричал:

— Вперед! В погоню!

Но Чичкалан медлил.

Сверху в тайный ход прыгивали подоспевшие варвары, штурмовавшие дворец. Среди них были и те, кто пришел в себя

после парализующего действия пистолета Кары Яр. Заметив их, жрец закричал:

— Лжебоги не умеют убивать! Они беспомощны!

А Чичкалан орал:

— Пьяной Блохе не страшны невидимые копья. Только трезвые падают от них. Вперед, за мной!

Крича это, Чичкалан загоразивал собой ход, освещая путь факелом не только себе, но и беглецам.

Наконец впереди показалось светлое пятно выхода. Факел Чичкалана стал ненужным, и он бросил его назад, прямо под ноги жреца. Тот взвыл от боли.

Мариане выбежали в сельву. Но куда идти дальше? Где найти корабль?

— Пусть белокожие обманщики только попробуют бежать на заходящее солнце. Пьяная Блоха тотчас догонит их! — доносился из-под земли угрожающий голос Чичкалана.

Инко Тихий понял скрытый смысл его слов и, увидев в сельве тропку, идущую как раз на заход солнца, выбрал ее.

Только мариане, тренированные в беге без дыхания в родной пустыне, могли так быстро бежать среди сплетения корней и лиан.

Преследователи отстали, не понимая, откуда у пришельцев столько сил. Некоторые подумывали: не боги ли все-таки они?

Тропа вывела прямо на поляну с кораблем «Поиск».

— Скорее на корабли! — кричал Нот Кри. — Ни одного мгновения не задерживаться больше на этой планете дикости и безумия. На Мар! На Мар!

— Нет, — отрезал Инко Тихий. — Наша Миссия еще не закончена. Мы только узнали, как не следовало ее выполнять.

— Здесь, на опушке, я уложу всех, — предложила Кара Яр.

— Нет, — возразил Инко Тихий. — Нужно, чтобы сначала они услышали нечто важное для себя.

Нот Кри пожал плечами и стал взбираться по наружной лесенке к входному люку. Все двинулись за ним.

Когда последней взбиралась Кара Яр, на поляну выбежали дикари. Просвистевшее копьё отскочило от металлической обшивки корабля.

— Это Огненная Чаша! — кричал Чичкалан. — Пьяная Блоха не раз бывал в ней. Если Змея Людей пойдет следом, Пьяная Блоха покажет ему тайный ход в Огненную Чашу, который не закрывается изнутри.

Инко Тихий появился в иллюминаторе:

— Пусть опомнятся люди Земли! Кого они хотят убить и что они этим достигнут? Вернуть жрецам право убивать на жертвенных камнях людей? Держать всех остальных в страхе и невежестве? Изгнать с Земли тех, кто стремился открыть им знание и справедливость? Хотят ли они, чтобы безумие переходило из поколения в поколение и даже далекие потомки по-прежнему убивали бы друг друга ради наживы, из гнева, из расчета, чтобы навязать свою волю более слабым, покорить их? Пришельцы призваны были открыть глаза своим братьям по

разуму. Они вынуждены лететь, но они вернутся. ОНИ ВЕРНУТСЯ!

Град копий, направленных в иллюминатор, был ответом на слова разума.

— Захватить их живьем, распластать на жертвенных камнях! — в иступлении вопил жрец Змея Людей.

— Сюда, сюда, — звал его Чичкалан. — В Огненную Чашу! Они не умеют убивать. Все они будут в руках Змеи Людей.

Вместе с жрецом он находился за опорными лапами корабля как раз под дюзами двигателей, откуда вылетали раскаленные газы. Змея Людей полез в указанное ему, покрытое копотью жерло тайного хода.

Чичкалан ловко вскочил на нижнюю ступеньку лесенки и повис на ней.

Ни Инко Тихий, ни раненый Гиго Гант, севший за пульт управления, не знали, что происходит у дюз, иначе они никогда не включили бы двигатели.

Раздался гром без дождя, черные тучи не в небе, а по лужайке поползли на сельву, к великому ужасу оставшихся.

Огненный столб уперся в землю, где только что стоял Змея Людей, и начал расти, поднимая на себе Огненную Чашу, на которой, беспомощно болтая ногами, висела человеческая фигурка.

— Это боги! — в ужасе закричали упавшие ниц дикари.

— И они обещали вернуться, — отозвались другие.

4. СЫНЫ СОЛНЦА

Я, Инко Тихий, руководитель Миссии Разума марриан на Земле, назвавший себя Топельцином и прозванный людьми Кетсалькоатлем, возобновляю свой рассказ после возвращения первой экспедиции.

Как всегда, мы разошлись с Нотом Кри в оценке всего случившегося.

Нот Кри объяснял нашу неудачу зловредной сущностью людей, которые произошли не от группы попавших на Землю фазтов, очевидно, вымерших здесь, а от фазтообразных чудовищ, унаследовав от них тупость ума, жестокость и стремление убивать.

Однако, если вспомнить участь фазтов на Фаэне, уничтоживших собственную планету, чтобы «победить» враждебный лагерь, то можно предположить, что потомки фазтов вполне могли унаследовать такие способности от своих предков с Фаэны.

Самым главным для меня было осознать, в чем же заключалась наша ошибка в общении с людьми, как и где ее исправить?

Во время старта «Поиска» Кара Яр заметила, что на наружной лесенке повис человек.

Опустившись на ближайшую поляну в той же сельве, мы открыли входной люк и втащили в него потерявшего сознание Чичкалана. Он не упал только потому, что мускулы свела судорога и руки его не разжимались.

Нам стоило больших трудов с помощью Эры Луа, применившей нужные лекарства, отодрать от скоб его руки.

Когда корабль снова поднялся, Чичкалан пришел в себя.

— Пульке, — попросил он. — Не пристало Пьяной Блохе попасть на небо трезвым.

Я объяснил, что мы еще не выполнили своего долга на Земле и спустимся снова, чтобы установить связи с иным народом, который рассчитываем найти по другую сторону океана, с племенем белокожих бородачей, к которому принадлежала мать Топельцина.

— Значит, все, кто взлетает к небу, уже вдребезги пьяны, — решил Чичкалан. — Иначе кто бы придумал лететь за океан к рыжебородым. Чичкалан может пригодиться там, где он побывал в плену у людей побережья, именующих себя кагара-чами, изучив их язык. Он сразу вспомнит все их слова, если ему дать еще выпить.

— Как же остался жив Пьяная Блоха? — спросила Ива, поднося нашему другу возбуждающего питья. — Разве у кагарачей нет жертвенных камней?

— Приморские люди еще дикие и глупые, — Чичкалан презрительно скривил губы. — Они не умеют строить ни пирамид, ни городов и даже не играют в мяч. Они живут на берегу моря и ловят морских животных, называя их рыбами, а также «бегающее мясо» в лесу, не помню, как они его называют. Не зная истинных богов, поклоняются великому вождю всех лесных зверей — ягуару. И у них нет пульке. Но кагарачи не боятся ни моря, ни леса. Если их не трогать, они безобидны.

Мы с интересом слушали болтовню Чичкалана, стараясь представить себе еще одну народность Земли.

Нот Кри стал убеждать меня:

— Раз приморские жители ловят живые существа, обитающие в море и в лесу, чтобы убить и съесть их, то они ничем не лучше людей Толлы с их жертвенными камнями. Вот если бы мы нашли расу разумных, подлинно близкую марианам по заложенным в ней наследственным чертам характера, тогда с нею был бы смысл установить контакт. А сейчас, поскольку такой надежды нет, надо лететь обратно на Мар, чтобы предоставить свой корабль «Поиск» для экспедиции на Луа, дабы взрывами распада изменить ее орбиту и предотвратить столкновение планет. Наша миссия выполнена, раз мы установили, что на Земле обитает раса разумных, которую надо спасти.

— Ты говоришь сердечно, Нот Кри, — сказала Кара Яр. — Ты не ставишь спасение людей в зависимость от их родства с фаэтами, но все же ты не прав. Мы не сумели передать людям нужных знаний, не смогли помочь им изменить их общественное устройство на более справедливое.

Это было верно. Мы ничего не добились. Очевидно, нельзя навязать людям доброту и миролюбие с помощью ложных богов, ибо нельзя строить добро на лжи!

Расстояние, которое Чичкалан после плена преодолевал в течение года, «Поиск» пролетел раньше, чем солнце успело зайти за горизонт.

Мы увидели в сумерках на берегу моря огни поселения и

опустились неподалеку в горах, осветив ярким лучом место посадки среди скал.

Голые утесы, черные и рыжие, без всякой растительности, чем-то напоминали нам родной Мар. Здесь, на недоступной высоте, мы пробыли ровно столько, чтобы с помощью Чичкалана научиться говорить на языке кагарачей.

Чичкалан разведаль внизу сельву и нашел жилище охотника, одиноко жившего с семьей.

У меня созрел план действий, который Чичкалан испуганно отверг, а все остальные не одобрили. Однако я решил поступить именно так вопреки общему мнению. Эра Луа вызвалась идти со мной.

Взяв с собой предметы, которые могли бы заинтересовать охотника и его семью, в частности металлические ножи, остря, годные для копий, яркие безделушки, мы с Эрой подкрались к жилищу, сложенному из больших листьев.

Мы положили на пороге хижины наши приношения, а сами легли на землю около тлеющих головешек потухшего костра и беспечно уснули.

Гигант еще не оправился от раны. Ива осталась с ним в корабле, а Кара Яр с Чичкаланом и Нотом Кри издали наблюдали за нашим «безумным поступком». Парализующие pistols на большом расстоянии были бесполезны.

Я проснулся от укола в горло. Открыв глаза, я увидел золотого мужчину с накинутой на плечи шкурой и маленьким ярким перышком в спутанных седеющих волосах. Он приставил к моему горлу каменное острое копьё.

Я улыбнулся ему, зевнул и повернулся на бок. Сквозь сомкнутые веки я увидел прекрасную девушку с огненными волосами в одеянии из шкуры ягуара, стоящую с занесенным копьем над спящей Эрой Луа. Они могли бы уже убить нас, если бы хотели. Мой расчет на этот раз был верен.

Люди примитивные, воспитанные на жестокостях каждодневной борьбы и убийств животных, они делали это из необходимости, для пропитания, а не ради самого процесса убийства. Они, конечно, не раз сражались и с себе подобными, но лишь защищая свой домашний очаг. И вдруг они увидели перед порогом своей хижины двух безоружных белокожих незнакомцев, ничем не угрожавших им, а мирно спавших у потухшего костра, к тому же положивших на порог их хижины бесценные сокровища. Было над чем задуматься и удержаться копьё.

Целый выводок ребятишек высыпал из хижины. Они накинулись на блестящие вещицы, приведшие их в неистовый восторг.

Я все еще чувствовал наконец копьё на шее. Раздраженным движением спящего я отвел копьё в сторону и сел.

Дикий отскочил, не зная, что я буду делать дальше. Пристальным взглядом черных глаз он следил за каждым моим движением.

Я улыбнулся и пожелал ему счастливой охоты.

Услышав родную речь, охотник растерялся.

Эра Луа тоже села и протянула угрожавшей ей копьем девушке красивое ожерелье из марианских камней, которое сняла со своей шеи.

Я рассмеялся, указывая охотнику на взволнованных ребяти-

шек, игравших с «сокровищами». Детишки вырывали друг у друга волшебные кругляшки, дивясь, что видят в них кого-то живого, хотя за вещами никого не было. Охотник нахмурился, прикрикнул на них, отнял прежде всего ножи и острия для копий, принявшись их рассматривать сам с тем же радостным удивлением, с каким только что смотрели на них дети. Потом он попробовал пальцем отточенные лезвия, покачал головой и вдруг, выдернув из волос яркое перышко, протянул его мне.

Девушка в шкуре ягуара, оттенявшей ее красоту, такая же стройная, как и стоящая рядом с ней Эра Луа, примеряла новое ожерелье. Улыбка сделала ее лицо мягче и милевиднее, несмотря на резко очерченные скулы.

Вдруг рыжая девушка бросилась в селву.

Через мгновение оттуда послышалось рычание, шум и крики.

Охотник и мы с Эрой поспешили на помощь.

Выяснилось следующее. Охотница хотела сорвать для Эры Луа диковинный цветок и, взволнованная встречей с чужеземцами и их подарками, забыла обычную осторожность. Притаившийся ягуар прыгнул на нее с дерева — она лишь успела крикнуть — и подмял под себя.

Но рядом, в чаще, с не меньшим искусством, чем ягуар, притаились Кара Яр с Чичкаланом. Пока землянин замер в священном трепете перед «вождем зверей», Кара Яр с чисто марьянской реакцией прыгнула к зверю и поразила его лучом пистолета.

Пятнистый хищник неподвижно лежал на своей жертве, и его пестрая шкура сливалась с ее одеянием.

Кара Яр, зная, что зверь парализован, ухватила его за задние лапы и оттащила в сторону. Девушка удивленно взглянула на нее и, вскочив, прикончила ягуара ударом копья в сердце. Потом гордо встала ногой на поверженного зверя, опираясь на копьё, презрительно глядя на Чичкалана и настороженно — на Кару Яр.

— Гостя кагарачей рада была помочь смелой охотнице, — сказала на местном наречии Кара Яр.

— Жизнь Имы принадлежит той, кто ухватила свирепого вождя селвы за лапы, — с достоинством ответила та, срывая с лианы яркий цветок и поднося его Каре Яр.

Кара Яр протянула ей пистолет.

— Это невидимое копьё, — сказала она. — Оно не убивает, а усыпляет.

— Спящий ягуар лучше прыгающего, — заметил Чичкалан.

Дочь передала пистолет отцу. Тот внимательно рассмотрел его, потом почтительно взглянул на всех нас, пришельцев.

— Хигучак, лесной охотник, — не без гордости сказал он. — У него ничего нет, кроме жизни. Но она принадлежит пришельцам, которые имели невидимое копьё, но не бросили его ни в Хигучака, ни в Иму, ни в детей или старуху. В лесу нет ничего выше дружбы. Пусть пришельцы примут ее от охотника лесов и его дочери.

Так начались наши новые отношения с людьми.

У Имы было восемь или девять младших братьев и сестер. Это были веселые и жизнерадостные существа, необычайно любознательные и беззастенчивые. Они интересовались всем: и на-

шими лицами, которые ошупывали, удивленно теребя мою бороду, взбираясь ко мне на колени, и нашей одеждой, и нашим снаряжением.

Самой робкой оказалась мать Имы и всех этих ребятишек, худая и горбленая, седая скуластая женщина. Хигучак относился к ней презрительно, грубо покрикивал, никогда не называя по имени — Киченой, а лишь старухой.

Мы рассказали своим новым друзьям, что мы — «Сыны Солнца», что мы прилетели с одной из звезд, чтобы дружить с людьми, своими братьями. Нам ничего не надо от них, но сами мы готовы им помочь во всем.

Хигучак слушал нас с неподдельным изумлением, и только сверкавшие на солнце ножи, одним из которых воспользовалась Кичена, чтобы снять шкуру с убитого ягуара, убеждали охотника в том, что все, что он видит и слышит, происходит наяву.

Для нас теперь было ясно, что не все люди похожи на жреца Змею Людей и ему подобных.

Мои надежды найти контакт и взаимопонимание начинали сбываться.

Мы привезли с Мара семена кукурузы, которые быстро всходили на щедрой почве планеты.

Первые посевы кукурузы были сделаны Хигучаком и его женой, которой потом пришлось выхаживать ростки более заботливо, чем собственных детей. Надо было видеть радость новых земледельцев, когда они сняли со своего первого поля первый урожай и, никого не убивая, накормили ребятишек вкусными и сытными зернами.

Климат Земли был поистине волшебным. Урожай, который удавалось снимать в оазисах Мара один раз за цикл, вдвое более долгий, чем земной год, здесь, на Земле, за тот же год снимался три-четыре раза!

Очень скоро Хигучак понял, что возделывание земли и собирание зерен кукурузы намного выгоднее и надежнее, чем охота в лесу с ее опасностями и неверной удачей.

Теперь семья Хигучака перестала голодать.

Охотник ушел из своего племени, поссорившись с вождем, но встреча с нами заставила его пойти в селение к своему недругу и рассказать о нас. Лесной охотник был вспыльчив, но незлопамятен. Таким же оказался и вождь племени, с интересом отведавший принесенных Хигучаком зерен. Основной пищей кагарачам служили рыбы.

Акулий Зуб (вождь племени кагарачей) передал через Хигучака приглашение Сынам Солнца посетить селение рыбаков, и мы, нагруженные подарками и запасом семян кукурузы, отправились к побережью. Нот Кри вызвался заменить Иву, чтобы ухаживать за больным Гиго Гантом.

Никогда не забыть нам то впечатление, которое произвело на нас море.

Впервые море открылось нам с гор, и мы замерли от восхищения. Беспредельная искристая равнина сверкала в солнечных лучах, синяя, как здешнее небо.

Потом мы видели море и серым, как тучи, несущиеся над ним, и зеленым, как сельва, и зловеще черным перед грозой или в шторм. Ветер то покрывал его серебристой чешуей, то чертил

на нем пенные полосы от бегущих волн. Сверху волны представлялись рябью, напоминая марианскую пустыню, застывшую после песчаной бури. Но здесь все двигалось и дышало свежестью.

Поражал и неимоверно далекий горизонт, теряющийся в зыбком мареве.

С берега море казалось уже иным. Горизонт был четким. Завораживали волны, мерно вздымавшиеся вдали пенными гребнями или разбивающиеся о камни у ног.

Рыбаки, смуглые и мускулистые, в набедренных повязках и плащах из кожи крупных и хищных рыб — акул, встретили нас с суровой приветливостью и неподдельным интересом.

Тканей у них не было. Они еще не знали хлопка, который люди Толлы умудрялись выращивать разных цветов.

Каждый из кагарачей попробовал зерна кукурузы — разжевывал их, закатывал глаза и чмокал губами.

Однако не все рыбаки пожелали сменить рыбную ловлю на выращивание «волшебных зерен».

Нашлось лишь несколько семей, решивших стать, подобно Хигучаку, земледельцами. Для них нужно было расчистить в сельве поля.

Мы уже знали, как это делают люди Толлы, и помогли вчерашним рыбакам выжигать в лесу поляны.

Дым поднимался над сельвой. Он ел глаза и был горек на губах, как и труд, который предстояло вложить в освобождаемые поля.

Ночью над подожженными джунглями поднималось пламя, сливаясь в зарево, словно предвещавшее восход нового солнца людей Земли.

Вместе с Эрой Луа я смотрел на это зарево и ощущал непередаваемое волнение. Я думал о будущем.

Эра Луа, касаясь меня плечом, тоже была взволнована, но, может быть, совсем по-другому.

Но оба мы (что мне, звездоведу, было совсем непростительно!) не вглядывались в раскинувшиеся над нами звезды, не старались разглядеть среди них ту, которая уже начинала разгораться, увеличиваясь в яркости, знаменуя тем трагическое сближение двух планет, которое должны были предотвратить старшие братья людей по разуму, мариане.

(Окончание в следующем выпуске)

ЖЕСТОКОЕ МОРЕ

Роман

Всаду, возле маленького особнячка на окраине Ливерпуля, Ферраби играл с ребенком, шестимесячной девочкой, уже начинающей немного ползать и восторженным писком откликающейся на свое имя. Ферраби нравилось чувствовать себя отцом. Начиная с катания ребенка в коляске по вечерам и кончая приготовлением ванны с точной температурой воды. Но больше всего он любил просто смотреть на ребенка, разговаривать с ним, чувствуя, как маленькие нежные пальчики тербят его руку. Его отпуск проходил в простых радостях. Но он ни на что его не променял бы. Однако сейчас, играя с ребенком на солнышке, держа его теплое тельце, чувствуя под пальцами его нежную розовую кожу, он был мысленно далеко в море, где взрывались и тонули корабли.

Такие мысли приходили к нему периодически. Он ничего не мог с собой поделать. В любое время дня и ночи память могла возвратиться к «Компас роуз». Он начинал с грустью думать о том, что будет после отпуска. Иногда, как, например, сейчас, он поражался контрастам жизни. В один и тот же момент он мог ощущать счастье настоящего здесь, в саду, и угрозу своему будущему там, в Атлантике. Будущее казалось ему слишком страшным. Он ненавидел всей душой это будущее.

Он больше ничего не говорил Мейвис. Зато иногда разговаривал о войне с ребенком. Сейчас, когда его бросило в дрожь от мыслей о будущих страхах, девочка заагукала, подползла к краю коврика и мягко уткнулась носом в траву. Тихий плач прекратился как по мановению волшебной палочки, едва Ферраби взял ребенка на руки и нежно прижал к груди. Мейвис, привлеченная шумом, вышла из дому, с улыбкой любуясь ими, замедлила шаги. Благослови его бог! Ей было приятно видеть Гордона счастливым, забывшим невзгоды.

Локкарт провел время в Лондоне, хотя и без подобных тревожений. Отпуск его протекал спокойно. Он остановился в квартире своего приятеля, который отправился в Америку в какую-то загадочную командировку. Локкарт мог бы легко почувствовать себя одиноким, но за порогом лежал Лондон.

Продолжение. Начало см. в № 3 за 1972 год.

Его родной, его любимый город, поврежденный бомбами, но сохранивший все свое обаяние. Бары. Театры. Концерты. Просто бездумные прогулки по улицам, вдоль реки или по открытым зеленым паркам. Все это было рядом, у него под рукой. И он использовал все это до конца, с полным удовольствием и разнообразием.

Он встречался со многими знакомыми — случайно, по какому-то совпадению, по договоренности. Больше всех ему запомнились встречи с людьми, порожденными Лондоном военных лет.

В кафе «Рояль» Локкарт увидел человека, который был его боссом в короткое и бесславное время работы в одном из рекламных бюро Лондона. Локкарт взялся за эту работу где-то в середине тридцатых годов, когда оказался на мели. При других обстоятельствах он ни за что не согласился бы заниматься делом глупым и скучным. Его задачей было сочинение рекламных текстов к товарам. Босс был явно озадачен несколько легкомысленным подходом Локкарта к столь ответственному делу. Все чаще и чаще писанина Локкарта возвращалась обратно с пометками босса: «Слишком резко», «Слишком официально», «Пожалуйста, помягче». И однажды даже: «Слишком не деликатно напоминать о слюне». Настал наконец день, когда придуманная Локкартом фраза, заканчивающаяся объявлением о собачьем печенье: «Собаки его любят», была отклонена в пользу фразы: «Никогда еще собачьему миру не предлагали столь лакомого кусочка». Тогда Локкарт понял, что терпению его пришел конец, независимо от того, есть у него деньги или нет. Он ждал момента, чтобы сделать прощальный жест. Как-то утром он нашел у себя на столе записку: «Придумайте, пожалуйста, подходящее объявление для паточных конфет мистера Болджера». Локкарт немного подумал, написал строчку на том же листке, взял шляпу и ушел. Хэмишуу, его босс, имел возможность познакомиться с прощальным перлом своего бывшего сотрудника: «Паточные конфеты Болджера роскошны и черны, как Ага-Хан».

Мистер Хэмишуу всегда держался напыщенно. Во время войны его назначили на работу в министерство информации контролировать мысли целых континентов. И бывший босс Локкарта стал напоминать бога-олимпийца. Он встретил Локкарта рассеянным поклоном и произнес:

— Перекусите со мной, — словно предлагал святое причастие какому-нибудь еретiku. После беседы Хэмишуу сказал: — У вас прекрасная служба. Но должен признаться, что в нашем министерстве считают вас... Ну, немножко отсталыми, что ли.

— Отсталыми? — беспристрастно повторил Локкарт.

Хэмишуу кивнул, сунул в рот сандвич и еще раз кивнул:

— Да, мы бы хотели видеть с вашей стороны большее желание в подаче материала об Атлантике и так далее. Очень трудно заставить адмиралтейство сотрудничать. Очень трудно.

— Мне кажется, в адмиралтействе очень серьезно относятся к сохранению военных секретов.

— Мой дорогой Локкарт, вряд ли вы можете научить меня чему-нибудь, когда разговор заходит о секретности, — сказал Хэмишуу так, словно сам ее придумал. — Смею вас уверить, мы принимаем это очень близко к сердцу. Мы хотим, чтобы вы

более охотно рекламировали то, что происходит. Успехи, если они вообще у вас имеются, ничего не стоят, если люди о них не знают.

Локкарт нахмурился, не понимая, почему он должен выслушивать эту чепуху.

— Потопленная подводная лодка останется таковой, — коротко сказал он, — сообщите ли вы об этом на первой странице газеты или нет. Реклама постфактум здесь роли не играет.

— То, что вы называете рекламой, — важно возразил Хэмишоу, — ценно с точки зрения поддержания морального духа. О моральном духе нашей нации мы и заботимся. Моральный дух нуждается в постоянном потоке благоприятных известий для поддержки его на должном уровне. Можно смело сказать, что нация не продержится и дня без тех воодушевленных новостей, которые поставляют наше министерство. Однако, — продолжал он, чувствуя возрастающее равнодушие Локкарта, — с вами, очевидно, бесполезно говорить о ценности нашей работы. Расскажите мне, пожалуйста, о себе. Служба приносит вам личное удовлетворение?

— Что-то в этом роде, — ответил Локкарт.

— Очень, очень жаль, — сказал Хэмишоу, глядя в пустоту, — жаль, что вы не остались с нами. Я сумел взять с собой в министерство часть моих работников. Тех, кому особенно доверял. Все они прекрасно устроились. Вы и сами могли бы теперь получить младшую руководящую должность. Может быть, даже заведующего секцией.

— Боже упаси, — возразил Локкарт.

— Там очень широкие перспективы для продвижения. Очень большие. Но вы, наверное, довольны своим теперешним местом.

— Да, — сказал Локкарт. — Кажется, так!

— Ну а это самое главное. У всех у нас общая война, — с пугающей снисходительностью продолжал Хэмишоу. — Одна общая великая цель. Уверяю вас. Мы это полностью осознаем. Не могут же все быть главной движущей силой этой битвы. Армия тоже играет достойную роль.

— Как банально у вас это звучит! — ровным голосом сказал Локкарт, уже второй раз со времени их знакомства беря шляпу перед бегством. — Но, пожалуйста, потерпите немного. Армия и флот попытаются стать частью вашей военной машины.

— Ну вот, я вас чем-то и рассердил, — с упреком сказал Хэмишоу.

— Да, — ответил Локкарт, — чем-то рассердили. — И оставил его подумать над этим вопросом. Но этот разговор, несомненно, Хэмишоу скоро забудет как некую достойную сожаления форму военного психоза.

В тот же вечер в баре на Флит-стрит Локкарт повстречался с коллегой по имени Кейз. Они не виделись с самого начала войны. Кейз был много старше его. Испытанный и закаленный репортер некоторых популярных газет. Когда-то он был несколько скептически настроен к человеческой природе вообще. Теперь же стал жестоко циничным в отношении всех аспектов войны и всех, кто был связан с нею. Выпив стакан виски, он попотчевал Локкарта обличительной речью в адрес всей Британии. Ни один из соотечественников не избежал его бича. По-

литиканы вили себе тепленькие гнездышки, не обращая внимания на народные нужды. Промышленники продавали бракованные военные товары, получая фантастические барыши. Все газеты без исключения ввали напропалую, изображая успехи и победы, которых не было, игнорируя поражения союзников. Рабочий класс состоял из одних бездельников. А военные, конечно же, были во всей этой грандиозной афере национального масштаба лишь обманутыми тупицами, если не хуже.

— Между нами и немцами, по существу, нет никакой разницы, — закончил Кейз, глядя на форму Локкарта, словно на тюремную робу, постыдную для всякого облаченного в нее. — И они и мы преследуем одну и ту же цель: политическое доминирование в Европе и захват рынков сбыта. Немцы об этом говорят честнее, чем мы. Вот и все.

— Мм-мм, — неопределенно промычал Локкарт. В баре было много народу, и ему не хотелось привлекать внимание спором, который будет наверняка напрасным и неприятным. Прямо над ним висел большой, написанный готическим шрифтом плакат: «Не место для грусти в этом доме». Неплохо было бы воспользоваться им.

— Клянусь богом! — воскликнул Кейз, который сам себя разъярил: — Мне приходится сейчас писать больше трескучих фраз о военных усилиях союзников, чем я когда-либо мог предположить. Особенно последние несколько месяцев. Аж назинанку выворачивает.

— Это почему же?

— По той причине, — Кейз пожал плечами, — по какой ты носишь эту форму.

— Сомневаюсь, — коротко ответил Локкарт.

— Не дурачь себя... Началась война, и моя газета ударились в патриотизм, так как ее не стали бы покупать. Мне приходится выдавать всякую чушь, иначе потеряю работу. Всею одна причина: боязнь сойти с основной линии. Станешь непопулярным, если не последуешь за толпой народа, как овца в стаде.

— Есть и другие причины, — заметил Локкарт.

— Ты сейчас начнешь рассказывать, — фыркнул Кейз, — что флот воюет за бога, короля и отечество.

— Да, эта идея лежит в основе наших теперешних чувств, — сдержанно сказал Локкарт. — Это не просто война за правду и справедливость, война, в которой одна из сторон исключительно добродетельна. Мне это известно. И сам тезис доминирования в Европе достаточно правдив, чтобы заставить человека подумать дважды, прежде чем поверить патриотическим речам. Но если бы мы проиграли войну или даже не объявили ее, то никогда не имели бы уже возможности определить, во что же мы, собственно, верим. Как ты думаешь, чем станет Англия, если ею будут управлять нацисты?

— Здесь было бы больше порядка, — ответил Кейз.

— Я не собираюсь продолжать дальше. Все ясно, — улыбнулся Локкарт добродушно. Он почему-то решил, что его не может раздражать Кейз, давно потерявший всякую способность отличать настоящие чувства от поддельных. — Мне придется остаться мечтателем... Но патриотизм — настоящее чувство. Знаешь ли, уже много людей за него погибло.

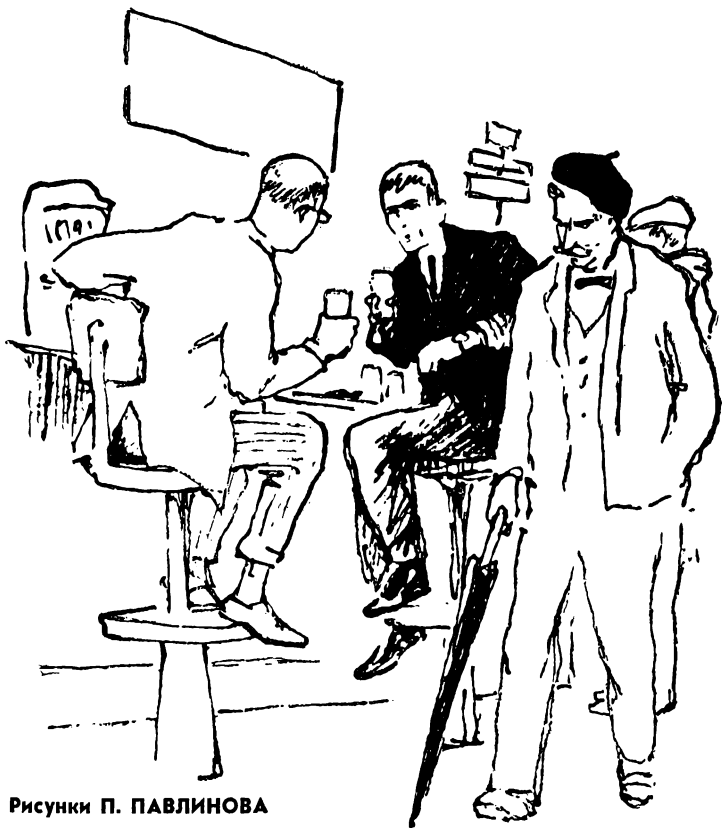
— Ну и дураки, — презрительно сказал Кейз.

— О да, — спокойно ответил Локкарт, — но ведь они этого не знали, не так ли? Их ведь научили газеты, а вы так хорошо делаете свое дело.

В этот вечер Локкарт напился. Он шел, покачиваясь, по длинной, спускающейся вниз Пиккадили в сторону Найтбриджа, к своему дому, пытаясь в состоянии пьяной расслабленности разобраться в сути сегодняшнего дня. В войне отсутствовала святая цель, которой служили бы исключительно рыцари без страха и упрека. С другой стороны, война не была и просто скотской потасовкой коммерсантов, как представлял ее себе Кейз. В том, что он говорил, была доля правды, какая-то неясная основа для подобных мыслей.

— Не могли же мы родиться все в одно время, — громко сказал Локкарт, обращаясь к фасаду большого жилого дома у Рутланд-Рейт.

Конечно же, в этом должно быть нечто большее. Локкарт никогда не был ура-патриотом. Даже теперь, принимая непо-

Рисунки П. ПАВЛИНОВА

средственное участие в войне, он не чувствовал никакой преданности, кроме преданности делу победы. А уж потом — делу справедливого, равноправного устройства общества. Но победа была самым главным. Любой другой вариант означал катастрофу для всей его веры и для всех его чувств: подчинение жестокой, безличной и проклятой тирании, которая сделает невозможным исполнение лучших надежд человечества — подчинение фашизму.

Должно быть, и среди немцев были такие — обманутые, но искренне озабоченные судьбой человечества. Были, наверное, среди них хорошие солдаты, хорошие матросы, хорошие летчики, которым внушили, что они дают отпор английской попытке завоевания Европы. Жаль, что придется и их убивать.

— А я немец на самом деле, — сказал он вслух, остановившись возле фонарного столба. — Между нами нет никакой разницы, но моя часть Германии должна победить.

— Да, сэр, — сказал вдруг появившийся рядом с ним полицейский. — Вам далеко до дому, сэр?

Локкарт сделал попытку смотреть прямо перед собой. Стоящая перед ним фигура казалась огромной.

— И почему это полицейские всегда выше меня ростом? — спросил он огорченно. — Вот в Германии...

— Как насчет такси? — терпеливо расспрашивал полицейский. — Можно взять машину у Найтбридж. Это недалеко.

— Прекрасная ночь для прогулки, — сказал Локкарт.

— Прекрасная ночь для сна, — поправил его полицейский. — Кругом все спят. Мы же их не хотим будить, правда?

— Вы когда-нибудь служили на флоте? — спросил Локкарт, неясно чувствуя желание установить дружеский контакт.

— Нет, сэр, — ответил полицейский. — Мне никогда не везло. — Такси, медленно шедшее в сторону центра, остановилось рядом. — Ваш адрес?

Локкарт назвал адрес и в нерешительности задержался у двери.

— И почему это, когда я пьян, каждый оказывается сильнее и умнее меня?.. — Он уже поставил ногу в машину. — Я шел домой совершенно спокойно, — заявил он.

— Да, сэр, — ответил полицейский.

— Мне не нужны никакие неприятности, — сказал водитель, — от флотского или от любого другого.

— Вот и хорошо, — сказал полицейский, захлопнув дверцу за Локкартом, и спросил в открытое окно: — Вы помните адрес?

— Да, — ответил Локкарт, — он выколот у меня на сердце.

— Хорошо, — сказал полицейский и кивнул водителю: — Ну, поехали.

— Мы должны победить, — сказал Локкарт на прощанье.

— Безусловно, — ответил полицейский. — Только не сразу. Оставьте хоть что-нибудь на завтра.

— Ну и как там на линкорах? — спросил водитель через плечо, когда они проехали примерно милю.

— Я думаю, скверно, — ответил Локкарт, пытаясь одновременно зажечь сигарету и снять с плеча противогаз.

— Я только так спросил, — раздраженно сказал водитель. — Они, по крайней мере, не тонут?

— А вы разве не хотите выиграть войну? — спросил Локкарт.
— Я многого хочу, — сказал водитель и бросил многозначительный взгляд на счетчик. — После полуночи двойной тариф.
— Чепуха, — возразил Локкарт.

Водитель нажал на тормоза, остановил машину и спросил угрюмо:

— Что вы сказали?

— Я родился в этом городе, — начал Локкарт мысль настолько ясную, что даже сам поразился этому. — Вы ведь знаете прекрасно...

В последний вечер своего отпуска Локкарт пошел в театр. Попал на простой мюзикл, ничем не примечательный. И там, в антракте, когда включили свет, он увидел то, что на многие месяцы осталось в памяти.

Он увидел группу офицеров королевских ВВС из госпиталя, который имеет дело с пластическими операциями. Шестеро молодых людей в военной форме были одинаковы. Глянув вдоль ряда, он так поразился их уродству, что на мгновение подумал: это лишь игра света и тени. Но лица летчиков были одинаково исковерканы, изуродованы ранами и торопливыми швами, наложенными хирургом. Одинаково изборождены шрамами и ожогами, без бровей, без ушей, без губ и подбородков были эти лица. Серовато-желтые, где их опалил огонь, и ярко-красные на шрамах. Целый ряд искалеченных лиц. И рядом с каждым из них были другие лица — свежие молодые лица девушек. Девушки оживленно улыбались и болтали. Они смотрели в изуродованные лица, не вздрагивая и не отворачиваясь. А изуродованные лица не в состоянии были улыбаться в ответ. И едва ли могли просто говорить. Они смотрели на девушек испытующе, настороженно...

— Их не должны сюда пускать, — прошептала женщина у него за спиной. — Где уважение к чувствам порядочных людей?

«Заткнись ты, сука», — подумал Локкарт, едва сдержавшись, чтобы не повторить эти слова вслух. Затем, чуть повернувшись, посмотрел на раненых, как смотрели многие сидящие в зале. Взгляды, как магнитом, притягивались этим невероятным уродством.

Бедняги, быть может, у вас все еще будет хорошо. Через некоторое время. Через год, через два... Вот лицо войны — это, а не иное. Эту сторону войны нельзя было прославлять, нельзя преуменьшать и представлять в ином свете. Он обрадовался, когда потушили свет. Обрадовался за них. Рядом с этим жестоким свидетельством продолжающейся битвы он чувствовал себя более уместным, чем где-либо в Лондоне. Эти раненые были наиболее достойными уважения во всем городе. Покрытые шрамами, опаленные огнем, изувеченные на всю жизнь, но живущие, принимающие жизнь. Их ничем уже не утратить.

После ремонта команда едва узнала «Компас роуз». Новый мостик был точной копией мостика эсминца. С защищенным штурманским столом, очень просторный. Лазарет возглавлял фельдшер, совсем недавно числившийся в деревне обыкновен-

ным ветеринаром. На корвете были установлены дополнительные бомбосбрасыватели и зенитные пушки. Появился новый гидроакустический аппарат и совершенно новый прибор — радар.

Радар добирался до них очень долго. К этому времени его уже использовали на всех эсминцах. Эриксон не раз за последний год пытался его выпросить, но всегда возвращался ни с чем.

— Впереди вас идут почти все корабли. Фактически корветы у нас на положении щенят, — заметил чиновник адмиралтейства, никогда не отличавшийся болтливостью. — Щенят, сосущих заднюю титьку. Вам придется ждать, пока все остальные получают радары.

— Как жаль, что с нами нет Беннета, — заметил Локкарт, присутствовавший при разговоре. — Эта фраза привела бы его в восторг.

Но теперь радар уже установлен на мостике. Этот прибор был им просто необходим, особенно в Атлантике. Средство обнаружить все предметы в ночной темноте и в тумане; радар мог засечь находящуюся на поверхности подлодку, определить ее курс и скорость, мог на светящемся экране показать приближающиеся корабли... Теперь уже не нужно постоянно всматриваться в ночь, напрягая зрение. Этим займется радар. Теперь не придется искать потерявшиеся корабли или встречные конвои. Вот они, прямо на экране, хотя и находятся от корвета за много миль...

Ласковое солнце позднего лета помогало им подготовиться к походу после отдыха и ремонта. До встречи с конвоем погода подарила им вереницу солнечных дней и спокойных, тихих ночей. Они чувствовали, что им повезло с плаванием. Команда очень быстро перестроилась с земного на морской лад. Хорошо было вернуться к привычной работе. Они вновь стали частью боевого охранения: двух эсминцев и пяти корветов, ответственных за двадцать одно тяжело груженное судно.

Прошло немного времени, прежде чем обманчивость прекрасной погоды, соблазнительность легкого похода обернулись другой стороной.

Началось все с одиночного четырехмоторного «фокке-вульфа». Возможно, они уже встречались с ним раньше. Самолет появился с востока и стал описывать над конвоем круг за кругом, как добрый знакомый. Немецкие летчики так поступали и раньше. Разведчик засекал конвой, отмечал его курс и скорость, а затем передавал эти данные какому-то своему начальству, попутно подзывая все находящиеся поблизости подлодки. На этот раз самолет появился в самом начале похода. Да еще солнце вовсю светило с безоблачно-голубого неба. Лучи его отражались от совершенно гладкой поверхности моря.

С наступлением сумерек самолет с мирным гулом улетел на восток. Корвет готовили к затемнению. Все угрюмо смотрели вслед самолету, зная, что вскоре произойдет. Эриксон оглядел небо, такое невинное и безоблачное.

— Хотя бы чуть-чуть посвежело. При такой погоде у нас нет ни малейших шансов уйти от избиения.

В этот вечер ничего особенного не случилось. Поступило только предупреждение из адмиралтейства: «В вашем районе имеются признаки появления пяти подводных лодок. Еще несколько на подходе». Предупреждение великодушно оставляло возможность спастись как они смогут. Едва стемнело, конвой резко изменил курс. Так они надеялись уйти от погони. Возможно, именно это принесло успех, а быть может, лодки были еще на подходе, но пять часов темноты прошли без происшествий. «Вайперос», пронесший мимо них, как обычно, с первыми лучами солнца, просигналил: «Кажется, мы их надули». Едва «Компас роуз» слегка закачало на поднятой эсминцем волне, раздался гул самолета, и шпион вновь закружил над ними.

Первый корабль был торпедирован и загорелся в полдень. Большой танкер — все корабли конвоя были на этот раз солидных размеров. Они шли к Мальте и в Восточное Средиземноморье. Отборная добыча, лакомый кусочек для преследования и грабежа морскими пиратами. И их преследовали. И на них безжалостно нападали. Быстрая гибель первого корабля положила начало битве, уносившей из конвоя корабли ночь за ночью. Каждый рассвет начинался с трагической переклички уцелевших пока судов. Корабли охранения делали все, что могли. Но счет был слишком неравен. Не в их пользу. Дыры в обороне слишком велики, чтобы их можно прикрыть от ударов стаи врагов.

«В вашем районе девять подлодок», — как всегда, великодушно сообщило адмиралтейство с наступлением сумерек. Эти девять подлодок и поделили между собой три потопленных за ночь корабля. На борту одного из затонувших судов было двадцать вольнонаемных девушек, направлявшихся в Гибралтар. С борта «Компас роуз» видели, как девушки прогуливаются по палубе, машут им руками. Все были довольны этой компанией даже на таком большом расстоянии. В ту ночь их корабль торпедировали последним. Он затонул так быстро, что пламя, охватившее корму сразу после взрыва, даже не успело разгореться.

— Боже мой, да это те бедняги! — воскликнул Эриксон, не в силах оставаться спокойным. Но корвет ничем не мог помочь: по приказу «Вайпероса» они делали широкий поиск и не могли его прервать. Если там еще кого-то можно спасти, то это сделают другие...

Четверых девушек все же подобрало идущее следом судно. Оно смело остановилось и спустило шлюпку на воду. Утром спасенных видели на верхней палубе. Девушки задумчиво глядели на воду. Но корабль, спасший их, был торпедирован следующей ночью. Он тоже затонул очень быстро. «Компас роуз» на этот раз принял участие в спасении потерпевших, добавив к общему числу лишь четверых спасенных. Шестерых же подняла на борт уже мертвыми... Среди погибших оказалась и одна девушка. Трупы сложили на юте. Девушка была молода. Ее мокрые волосы рассыпались веером, подчеркивая линии искаженного испугом лица, когда-то очень миловидного. Локкарт, пришедший на корму пронаблюдать, как зашивают в парусину

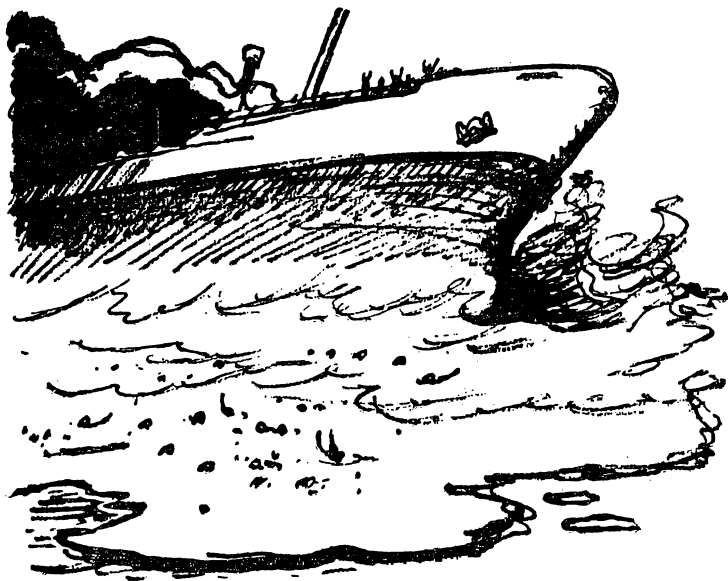
мертвецов, почувствовал комок в горле. Девушку похоронили вместе с остальными, записали ее имя в судовой журнал.

Расточительное путешествие к югу продолжалось. За двое суток погибло шесть кораблей. А им еще предстояло идти целую неделю...

Две очень темные ночи и резкое изменение курса помогли конвою сбить преследователей со следа. И хотя напряжение не спадало, все же сорок восемь часов подряд они имели возможность передохнуть. В конвое осталось теперь всего пятнадцать кораблей. Караван шел легко, набирая скорость, к югу, сулившему безопасность... На борту «Компас роуз» облегченно вздохнули после прошедших трагических событий. Спасенные прогуливались по верхней палубе, завернувшись в одеяла и остатки одежды. Подолгу стояли у бортов, глядя на корабли каравана. Надежда их росла — может быть, еще доведется увидеть гавань...

Так продолжалось два дня и две ночи. А потом самолет, описывающий круги в предрассветном небе, вновь нашел их.

Легкое движение высоко в небе, тихое мурлыканье, обозначающие, что они вновь обнаружены. Роуз, молодой сигнальщик, быстро оглянулся, чуть склонив голову набок:

— Самолет, сэр. Не знаю где.

Ферраби с Бейкером, стоявшие утреннюю вахту, одновременно насторожились. Гул нарастал слева по борту, направлялся на восток, к испанскому побережью.

— Капитан! — крикнул Бейкер в переговорную трубу. — Слышу гул самолета...

Но Эриксон уже поднимался по трапу на мостик. Прищурившись, он оглядел посветлевшее уже небо, воскликнул: «Вот он!» — и указал рукой направление. Прямо по борту, выплывая из перламутрового утреннего тумана, низко висящего у горизонта, самолет — шпионское око врага. Этот хищный вестник из другой среды, из другой сферы действия нарушал все их планы. Легко покрывая расстояние, с таким трудом отвоеванное ими у противника, стервятник был предательски неуязвим, и они не могли воспрепятствовать его появлению.

Следя за движением самолета, они ощущали беспомощность и бесполезный гнев. Теперь все начнется сначала.

Самолет быстро сделал свое дело, а лодки, вероятно, были совсем близко. Всего за двенадцать часов они снова собрались вокруг. И следующая ночь стояла каравану еще двух кораблей. Охота началась опять. Вражеская стая торжествовала победу.

Участились атаки. Боевое охранение маневрировало, конвой увеличивал скорость, менял курс — и все напрасно... Снова наступили сумерки. Ровно в полночь раздался сигнал боевой тревоги. В воздух взлетела ракета — сигнал о помощи одного из тяжело поврежденных кораблей. Этот корабль горел долго. Море было залито багровым светом. Лениво покачиваясь на мертвой зыби высоким столбом пламени позади конвоя, танкер словно напоминал о себе... Потом было около двух часов передышки, но все оставались на местах по боевому расписанию. А конвой скользил к югу под черным безлунным небом. И вдруг на горизонте, милях в пяти от корвета, раздался страшный взрыв. Яркая оранжевая вспышка расколола темноту, погасла и вновь взметнулась вверх. Торпедирован еще один корабль. На этот раз это был «Соррель»...

Несколько раньше «Вайперос» передал сигнал: «В случае атаки «Соррель» должен идти в пяти милях позади конвоя, производить отвлекающие маневры, сбрасывать глубинные бомбы и стрелять ракетами, чтобы отвлечь главный удар от каравана. Вечером они видели ракеты, означающие, что «Соррель» занят делом согласно плану. Возможно, именно этому они были обязаны двухчасовой передышкой. По крайней мере, одну атаку «Соррель» отвел от конвоя. Но в конце концов он и должен был расплачиваться за хитрость. «Соррель» стал целью в обмен на более дорогую добычу и одиноко встретил свой конец.

Бедняга «Соррель», брат-корвет... На мостике «Компас роуз» стояли люди, лучше всех знавшие его. Едва заметив взрыв, Эриксон передал в радиорубку:

— «Вайперосу» от «Компас роуз». «Соррель» торпедирован. Разрешите начать поиск потерпевших. Закодируйте как можно быстрее. Пошлите радиотелеграфом.

Они ожидали ответ «Вайпероса». Никто не произносил ни слова.

Резко зазвонил звонок переговорной трубы из радиорубки.

— Мостик, — произнес Уэллс, склонившись над ней, на секунду прислушался, выпрямился и крикнул капитану: — Ответ «Вайпероса», сэр: «Не покидать конвоя до рассвета».

Снова наступило молчание. Болезненное, тягостное молчание. Эриксон сжал зубы... «Вайперос» не мог позволить отпустить корабль из редкого прикрытия ради такого несущественного дела. Это был правильный ответ. Но, боже мой, как трудно его было принять! Там, теперь уже в десяти милях от них, гибли люди. Люди, которых они хорошо знали. Такие же моряки, как и они. «Соррель» был первым кораблем охранения, потерянным отрядом. Команда его состояла из людей, с которыми они чаще других встречались в барах на берегу. Из людей, которых они побеждали в футбольных матчах. Тяжело было узнать, что «Соррель» торпедирован, но настоящим ударом было то, что они вынуждены оставить его команду на гибель.

— До рассвета... — вдруг произнес Морель. — Еще два часа придется ждать.

Два часа ожидания да еще несколько часов хода до места гибели «Сорреля»... Немногих удастся спасти. Действительно,

они спасли всего пятнадцать человек. Пятнадцать из девяноста...

Они отыскиали без особых хлопот к концу утренней вахты два спасательных плота. Спасательные плоты, плавающие среди обломков «Сорреля». Люди на плотах перемазаны нефтью, окоченели от холода. Один из них с дикой энергией замахал руками, увидев «Компас роуз». Многие были уже мертвы — погибли от холода. Эриксон глядел в бинокль на группу оставшихся в живых. Заметил среди них серое лицо Рамсея, капитана «Сорреля», старого своего друга. Рамсей держал в руках тело молодого матроса: голова запрокинута, рот открыт. Но живое лицо над мертвой маской едва ли выглядело многим лучше. Потеря корабля и команды, смертельная усталость последних нескольких часов — все это отпечаталось на лице Рамсея.

Лицо настоящего капитана. Капитана, скорбящего о погибшем корабле, в одиночку несущего бремя утраты.

Локкарт встретил Рамсея на шкафуте тепло и порывисто, когда тот поднялся на борт.

— Я рад, что вы живы, сэр! — воскликнул Локкарт. — Мы надеялись... — Он неловко осекся, глядя в лицо Рамсея, и почувствовал, что совсем не к месту будет продолжение фразы: «Мы надеялись, что вас-то обязательно спасем».

— Спасибо, старпом. — Рамсей выпрямился и махнул рукой в сторону плотов: — Посмотрите, чтобы все было в порядке. Два матроса скончались.

— Да, сэр, — кивнул Локкарт.

— Я поднимаюсь на мостик, — произнес Рамсей, но остановился, облокотился на поручни и стал глядеть, как последние из его команды с помощью матросов «Компас роуз» поднимаются на борт. Когда стали поднимать на борт мертвых, он повернулся и медленно пошел к трапу мостика, шлепая босыми, вымазанными нефтью ногами по палубе.

На мостике Рамсей протянул руку Эриксону:

— Спасибо, Джордж.

— Жаль, что мы не могли прийти раньше, — коротко ответил Эриксон. — Я не мог оставить караван до рассвета.

— Это ничего не изменило бы. Большинство команды было в кубрике, а мы развалились надвое. Корвет ушел под воду за пару минут. — Рамсей отвернулся и пробормотал: — Никогда не думаешь, что именно в тебя попадет. А уж когда это случается... — Он умолк.

Сигнальщик Роуз, стоявший возле переговорной трубы, прокричал:

— Сигнал от «Вайпероса». Нам. «По получении приказа присоединяйтесь к конвою».

— Там что-то происходит, — произнес Эриксон, подошел к трапу и посмотрел вниз, на шкафут. На плотах уже никого не было, но в воде плавало около двадцати трупов. — Я бы хотел... — неуверенно начал он.

— Это не имеет значения, — покачал головой Рамсей. — Никакого, Джордж, — спокойно добавил он. — В чем, собственно, дело? Пусть остаются там.

Он ни на кого не смотрел, когда «Компас роуз» отправился в обратный путь.

Они догнали конвой и узнали, что еще один корабль торпедирован среди бела дня. В этой затянувшейся погоне не могло быть никакого отдыха. Теперь число погибших превышало число живых. К полудню седьмого дня остались всего одиннадцать кораблей. Из двадцати одного десятка потопленных прекрасных торговых кораблей. Несчетное число погибших. Страшно вспомнить о сотнях морских миль, покрытых нефтью, обломками и трупами оставшихся позади. О многом — о девушках, о «Сорреле» и воплях заживо сгоревших людей на первом торпедированном большом танкере — нельзя было вспоминать без содрогания.

На них наслало слишком много подлодок. Кораблями охранения не хватало. Конвою явно недоставало скорости и маневренности. «Компас роуз» сбросил более сорока глубинных бомб. Остальные корабли охранения тоже вели себя весьма энергично. «Вайперос» после точно проведенной атаки получил убедительные доказательства попадания: пятна соляра и обломки всплыли из глубины. Но в целом все это очень напоминало мартышкин труд. Когда вокруг столько подлодок, нужно чудо, чтобы выбраться из мышеловки. А чудо все не совершалось. Победить было невозможно. Отступить было некуда. Конвой сомкнул ряды, увеличил скорость.

«Компас роуз» не был никогда так набит спасенными, как в этот раз. У них имелись теперь лазарет и фельдшер. Локкарт ни за что не справился бы с потоком раненых. Но, кроме пострадавших, нуждающихся во врачебной помощи, корвет насобиравал столько моряков с утонувших кораблей, что их число превысило количество членов команды. В кают-компании расположились четырнадцать офицеров торгового флота, в их числе — три капитана. Кроме того, на борту оказался еще сто двадцать один человек. Матросы, кочегары, коки. Индийцы, китайцы. Днем и ночью слонялись они по верхней палубе, теснились в кубике в ожидании обеда, завтрака и ужина.

Кубрик набили людьми почти до потолка. Они сидели, стояли на коленях, лежали под столами, свернувшись калачиком. Они пристраивались во всех углах, где только удавалось. Они лежали, вытянувшись на широких вентиляционных люках. Люди, страдающие морской болезнью. Люди, кричащие во сне. Люди, жадно пожирающие пищу. Люди, неподвижно глядящие в пустоту и уцепившиеся скрюченными пальцами за свой скарб. Стонущие, раненые, помешавшиеся, которые смеялись неизвестно над чем. Были там и люди, которые могли даже улыбнуться и толково ответить на вопрос. Но ни страшная теснота, ни тряпье, ни нефть, ни бинты, ни запах грязных и потных тел не мешали команде «Компас роуз» делать свое дело.

Когда Локкарт глядел на полубак, переполненный толпами спасенных, среди которых сновали матросы корвета, то думал только об одном. Предположим, в них, как и в «Соррель», попадет торпеда. Предположим, что корабль, как «Соррель», разломится пополам. Что произойдет здесь? Какая кровавая мясорубка здесь будет, когда они пойдут ко дну? А ведь некоторые из находившихся теперь в кубике уже во второй раз были спасены.

Как-то Локкарт перевязывал руку одному из моряков, и тот спросил:

— Плавать с ней я смогу, а?

— Обязательно, — улыбнулся Локкарт, — но в этот поход лучше уж воздержаться.

Матрос посмотрел ему прямо в глаза и кивнул головой:

— Вы правы: если с нами что-нибудь произойдет, то мы, считай, в гробу.

К вечеру того же дня от адмиралтейства пришла еще одна радиограмма: «В вашем районе одиннадцать подлодок. Эсминцы «Ланселот» и «Либерал» присоединятся к конвою к 18 часам».

— Эсминцы! Это же здорово! — радостно воскликнул Бейкер. — Удивительно хорошие корабли. Совсем новенькие!

— Если б так, — ответил Морель, читавший копию радиограммы.

— У немцев одиннадцать подлодок. По одной на каждый оставшийся корабль. Странно даже предполагать, что больше ничего не произойдет.

Усталость и напряжение, возраставшие в последнюю неделю, достигли своего предела. Людям надо отдохнуть. А до прихода в гавань оставалось целых два дня...

Эсминцы присоединились к конвою ровно в 18.00. Они пришли с юго-востока. Стройные, быстрые и мощные. Скорее даже легкие крейсера, чем эсминцы. Каждый стоил трех обычных кораблей охранения. Эсминцы внесли оживление в их ряды. Стрелой летая вдоль и поперек конвоя на скорости 35 узлов, они действовали воодушевляюще на унылый и потрепанный строй.

— Вот выхваляются! — сказал старший сигнальщик Уэллс, наблюдая в бинокль, как проносились мимо эсминцы, выполняя какое-то воображаемое поручение. Но в голосе его прозвучала нотка зависти, когда он добавил: — Им хорошо так носиться. Их не было с нами последнюю неделю.

С наступлением сумерек эсминцы наконец уgomонились. Один шел во главе конвоя, другой — в хвосте. В эту ночь была еще одна атака. Жертвой ее стал самый маленький корабль каравана. Он шел ко дну медленно. На нем погиб только матрос-индеец, прыгнувший в воду, а угодивший прямо в стоящую у борта спасательную шлюпку. Этот корабль был уже одиннадцатой потерей.

Зато в следующую ночь, когда конвой находился всего в трехстах милях от Гибралтара, подлодки наверстали упущенное.

Последняя ночь стояла им еще трех кораблей. Один танкер немцы торпедировали и подожгли прямо возле «Компас роуз». Корвет кружил вокруг горящего корабля, из разорванного борта которого хлестала нефть. Струя сразу загоралась, растекаясь по поверхности моря огромным пылающим ковром. На фоне гигантской пятидесятифутовой стены огня силуэт «Компас роуз» должен был стать великолепной целью. Эриксон прекрасно представлял себе возникшую опасность, но им приказали спасать людей. С танкера опускали лодки, стремящиеся уйти подальше от горящего факелом корабля. Теперь «Компас роуз»

вынужден подвергнуть опасности две сотни человеческих жизней ради спасения пятидесяти...

Пока Эриксон взвешивал все «за» и «против», на корабле не было ни одного человека, который захотел бы поменяться с ним местами.

— Стоп машина! — приказ был коротким и решительным.

— Есть стоп машина, сэр...

— Старпом!

— Сэр?.. — отозвался Локкарт.

— Приготовьтесь принять на борт потерпевших. Шлюпку спускать не будем. Пусть сами сюда плывут. Видит бог, мы как на ладони. Да поторопите их в мегафон.

Корвет медленно остановился и, мягко покачиваясь на волне, замер, освещенный пламенем пожара. С мостика можно было различить каждую деталь на верхней палубе. Гигантская иллюминация освещала их ровным ярким светом. Позади корвета вытянулась длинная черная тень. Лица багровели в блеске пожара. На корме, возле своих расчетов, стоял Ферраби и следил за тремя шлюпками. Он слышал слабые крики, видел спасающихся вплавь. Ферраби хотелось, чтобы корвет оставил эту затею и снова пошел вперед.

...А всего в нескольких футах от него, на шкафуте по левому борту, стоял Локкарт. Он хладнокровно руководил подготовкой: налаживал люльку для подъема раненых, привязывал к борту сеть, по которой будут взбираться потерпевшие.

Ферраби наблюдал за его действиями не с завистью и восхищением, а с какой-то ненавистью. «Черт тебя побери, — думал он. — Черт тебя побери! Почему ты не чувствуешь того же, что и я? А если чувствуешь, то почему этого незаметно?» Он отвернулся от резко очерченных пожаром фигур и обратил взор к черному небу, покрытому клочками дыма, усеянному искрами. Ферраби хорошо понимал, что ни одна лодка, находящаяся хотя бы в пятидесяти милях отсюда, не может пропустить такой маяк. А если подлодка в пяти милях от пожара, то она не могла бы противиться искушению выпустить в корвет торпеду. А с двух миль ни одна лодка не промахнулась бы, атакуя такую мишень, резко очерченную на фоне огненной стены. Легкая добыча для любого новичка-подводника.

К борту подошла первая шлюпка. Стукнулась о железную стенку корабля, замерла, царапаясь и скрежеща о металл деревянным бортом.

— Лезьте наверх! — крикнул Локкарт.

— Благослови вас бог, что остановились! — раздался чей-то задыхающийся голос. И работа началась.

Минуты шли, а они все еще были целы, все еще стояли, ярко освещенные пламенем, подбирая одного за другим потерпевших. Уже сняли всех с трех шлюпок, уже подплывали одиночки. И с каждой минутой их положение казалось все более безвыходным. Занятым работой было легче. Те же, кто оставался без дела, — Эриксон на мостике, коचेгары ниже ватерлинии — навсегда запомнили, что такое страх.

С ними так ничего и не случилось. Это было чудом той ночи. «Компас роуз» ничем не заплатил за свою рискованную игру. Наконец корвет снова тронулся в путь. Машина стучала громко

и торжествующе. Корабль шел прочь от пламени и запаха горящей нефти, неся на борту несколько десятков спасенных, вырванных из самих зубов смерти.

Еще один корабль конвоя пошел ко дну перед самым рассветом. А когда день стал набирать силу, они оказались свидетелями последнего жестокого происшествия этого похода.

Отставший из-за какой-то неисправности корабль неожиданно стал медленно погружаться в воду. Его торпедировали. Из-за большого крена, полученного от попадания торпеды, ни одна лодка от него не отвалила. Матросы бросались в море и торопились отплыть подальше от смертельного водоворота. «Компас роуз» кружил поблизости, пока корабль исчезал с поверхности моря. Вот он совсем исчез, и на воде появились мелкие и крупные воронки водоворота. Эриксон направил корвет в центр катастрофы, к темным точкам человеческих голов. Но когда капитан уже готов был отдать приказ спустить шлюпку, эхолот засек цель. Сигнал был ясным и четким. Локкарт, находившийся по боевому расписанию в гидроакустической рубке, почувствовал, как екнуло сердце. Наконец-то!

— Засекли цель! — крикнул он. — Курс 225. Двигается влево. — И сосредоточенно склонился над аппаратом.

Эриксон прибавил обороты и повернул к цели. Им требовалось расстояние для разгона, чтобы сбросить глубинные бомбы.

— На что это похоже, старпом? — спросил капитан.

Локкарт, прислушиваясь к шумам эхолота и глядя на кривую самописца, ответил:

— Подлодка, сэр. Ничем другим это быть не может. — Он продолжал громко повторять курс и расстояние до цели.

Эриксон решил атаковать. Но сначала совсем не обратили внимания, что корвет должен сбросить глубинные бомбы там, где спасались вплавь люди...

У капитана перехватило дыхание. В воде было человек сорок. Если продолжать атаку, то наверняка все, они погибнут. Эриксон знал, как и все на борту, действие подводных взрывов: удар, заставляющий море подпрыгнуть вверх, закипеть, фонтаном подняться к небу. После этого на поверхности плавают обрывки водорослей и дохлая рыба. Но теперь, кроме рыбы и водорослей, в море были люди. Они торопились в их сторону с доверием и надеждой... А под ними была немецкая подлодка. Ее нужно было уничтожить. Капитан слышал шумы лодки через специальный громкоговоритель и убедился в правильности предположений Локкарта. Бежали секунды. Расстояние стремительно уменьшалось. А Эриксон все боролся с сомнениями. Инструкция гласила: «Атаковать любой ценой». И вот перед ним живая страница этой инструкции. Люди на поверхности моря не имели никакого значения, когда дело шло о том, чтобы рассчитаться с одним из убийц...

Капитан еще раз попытался найти лазейку и избежать того, что должен был сейчас сделать.

— На что это похоже теперь, старпом?

— Как и раньше: очень четкое эхо... Наверняка подлодка.

— Двигается?

— Очень медленно.

— Прямо над этим местом плавают люди.

Ответа не последовало. Между «Компас роуз» и подлодкой расстояние все уменьшалось. Последние шестьсот ярдов. А в том месте, где они встретятся, плавали люди...

— А теперь как там, старпом? — повторил свой вопрос Эриксон.

— Теперь она остановилась. Самое сильное эхо за все время.

— В воде люди.

— А под ними — подлодка.

«Ну, хорошо, — подумал Эриксон в приступе неожиданной жестокости. — Хорошо, будем атаковать лодку». Перестав колебаться, он скомандовал расчетам бомбометания:

— По местам стоять. К атаке — товсь!

Сделав этот страшный выбор, он решил думать только об атаке.

Люди в воде дико закричали, замахали руками, поняв, что происходит. Некоторые бросились в сторону с пути корабля, прилагая отчаянные усилия уйти на безопасное расстояние от места предполагаемого взрыва глубинной бомбы. Другие, те, что соображали похуже или были сильнее утомлены, все еще думали, что корвет спешит им на помощь. Эти продолжали радостно махать руками и улыбаться до последнего мгновения. Корабль врезался в самый центр качающихся на поверхности голов, как ангел-мститель. Изумление и ужас пловцов передались многим из экипажа «Компас роуз». Особенно команде глубинников, которые все еще не могли поверить в то, что они сейчас сделают.

«Компас роуз» неся среди плавающих людей, разрубая некоторых винтом. Несся под звон боевой тревоги. Железные бочки глубинных бомб катились по рельсам к краю кормы, где их подхватывал бомбосбрасыватель.

Последовали секунды молчания. Люди в воде и на борту глядели друг на друга, не веря происходящему. Смотрели с жалостью и страхом. Как страшные удары молота, раздались взрывы бомб...

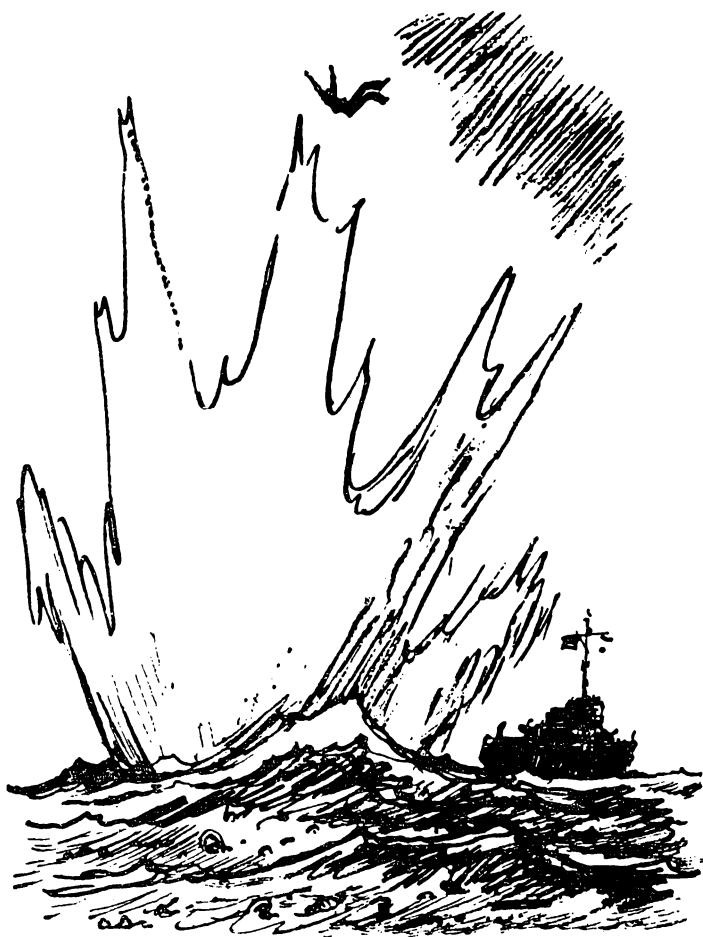
К счастью, подробности были скрыты вихрем брызг и грохотом взрыва. Но одна деталь этого страшного деяния врезалась в память каждого. Когда взорванная изнутри вода поднялась вверх огромным серым облаком, одинокая фигура человека взлетела на самую верхушку фонтана, нелепо махая руками и ногами. Всем казалось, что человек долго висел в воздухе, прежде чем упасть обратно в воду. И словно бы проклинал их...

Когда они вернулись в район взрыва, потеряв шумы подлодки, их глазам открылась жуткая картина. На поверхности воды, покрытой пленкой крови, покачивались убитые, разорванные в клочья, обезображенные. Чайки уже хозяйничали вокруг, крича возбужденно и восторженно. Кроме птиц, все замерло.

Никто не смотрел на Эриксона, когда они покидали это страшное место. Но если бы кто-нибудь взглянул в его сторону, то поразился бы опустошенности и невероятной бледности его лица. Эриксон уже понимал, что никакой подлодки не было. Эхолот засек торпедированный корабль, медленно идущий на дно. Шум создавала потревоженная им вода...

Когда они прошли проливы, почувствовали горячее дыхание ветра африканских пустынь и взяли курс на Гибралтар, то давно уже утратили душевное равновесие. Они были в состоянии боевой готовности восемь дней подряд. Восемь бессонных ночей! Они жили эти дни в постоянной тревоге. Едва ли в этом походе была хоть минута, когда они не помнили об опасности. Они жили на битком набитом корабле, население которого раза в три превышало обычные нормы.

Вряд ли можно было придумать более тщетный и более дорогой способ траты нервов и выдержки. Кроме «Сорреля», гибель которого была для всех наибольшей катастрофой, они потеряли еще 14 кораблей. Две трети всего конвоя. Две трети, стертые с поверхности моря серией групповых атак. Чувство

неизбежной тщетности всего, что бы они ни делали, не покидало их. Сознание того, что подлодок всегда будет больше, чем кораблей охранения, что подлодки могут нанести удар в любое время, когда захотят, было самым ужасным приобретением похода. Они были способны только подсчитывать потери на рассвете да время от времени попусту демонстрировать силу. В конце концов им надоело и это убийство, и битва.

За потери конвой отплатил потопленной «Вайперосом» подлодкой и еще одной, которая, возможно, была уничтожена. «Компас роуз» спас 175 потерпевших — почти вдвое больше собственного экипажа. Но это казалось лишь каплей в море по сравнению с потерями. Ничем, по сравнению с количеством людей, которых они убили взрывами своих глубинных бомб, вместо того чтобы спасти их. И это казалось совсем ничтожным при виде горя капитана «Сорреля», задумчиво и безмолвно стоявшего на мостике «Компас роуз», когда корвет входил в гибралтарскую гавань, огибая огромный утес Рокк, надменно нависший над крошечными побежденными кораблями.

Локкарт проводил капитан-лейтенанта Рамсея до его квартиры рядом с Морскими бараками. Молчаливая прогулка по шумным улицам через веселую толпу. В конце концов они расстались, почти как незнакомые. Локкарт возвратился на борт, но заснуть не мог.

Он дошел до конца палубы и увидел капитана. Эриксон стоял возле своей каюты, опершись на поручни, смотрел в воду и что-то бормотал.

— У вас все в порядке, сэр? — спросил Локкарт.

— Нет, — сразу ответил капитан. — Вам-то я могу сказать, что нет. — Голос его был хриплым. Трудно даже сравнивать теперешнего Эриксона с тем спокойным и уверенным человеком, которого Локкарт видел и слышал на мостике.

Локкарт подошел, облокотился на поручни совсем рядом с ним. Перед ними расстилалась в лунном призрачном свете бухта, чернела громада авианосца «Арк Роял». За их спинами высился огромный гибралтарский утес. Вершина, к которой они стремились много дней и ночей.

— Мы должны забыть все, — неожиданно сказал Локкарт. — Не стоит теперь об этом думать. Ничего не изменишь.

— Там была подлодка! — свирепо закричал Эриксон. Он был безнадежно пьян. — Я уверен, черт побери! Это есть в рапорте.

— Это моя вина, — сказал Локкарт. — Я опознал шумы подлодки. Эти люди убиты мною.

Эриксон поднял взгляд. Невероятно! В его глазах стояли слезы. Блестящие редкие жемчужины скатывались по впалым щекам. Локкарт смотрел на капитана с удивлением и сочувствием.

Эриксон вдруг положил руку на его плечо и сказал обычным своим голосом:

— Никто их не убил... Проклятая война. Нам приходится делать все это, а потом читать заупокойные молитвы. Вы пили, старпом?

— Выпил, сэр. И довольно крепко, — ответил Локкарт.

— И я тоже... Спокойной ночи. — Он повернулся и, покачиваясь, направился в свою каюту. Через секунду раздался глухой звук рухнувшего тела. Локкарт бросился в каюту. Капитан был мертв для всего мира...

— Сэр, — сказал Локкарт официально. — Вам бы лучше лечь в постель.

В ответ раздалось тяжелое дыхание Эриксона.

— Старый бедолага, — произнес Локкарт. — С тебя и вправду, кажется, достаточно.

Двухсотфунтовое беспомощное тело капитана покоилось в кресле. Локкарт попытался поудобнее устроить его. При этом он продолжал разговаривать вслух:

— Не могу дотащить вас до постели, мой дорогой капитан. Но могу, по крайней мере, устроить вас поудобнее на ночь. Ну и голова ж у вас будет трещать, когда вы проснетесь. Боже вас благослови! Не хотел бы я попасть вам завтра утром под горячую руку. Так. Вытяните ноги. Вот так... — Он расстегнул рубашку и ослабил узел галстука. Секунду смотрел в лицо спокойно лежавшего Эриксона, а потом направился к выходу. — Это все, что я могу для вас сделать, — пробормотал он и щелкнул выключателем. — Пьяны вы или трезвы, Эриксон, вы хороший парень.

Уже за дверью он услышал слабый и сонный голос капитана.

— Ну и хорошо, сэр, — без всякого замешательства ответил Локкарт. — Все это правда... Спокойной ночи.

Он прикрыл дверь каюты. Вокруг стояла тишина. Локкарт спустился по трапу в пустую кают-компанию. Размышлял некоторое время о прошлом корабля, о своей вине за случившееся. Потом открыл буфет, достал стакан и бутылку. И, следуя примеру, который казался ему теперь достойным подражания, напился до бесчувствия...

Морель расположился на балконе, с которого открывался вид на главную улицу Гибралтара. Потягивая из стакана такое изысканно-бледное сухое «Тио-Пейп-Шерри», он глядел вниз.

Улица заполнялась матросами, сошедшими в увольнение. В магазинах было полным-полно шелковых чулок и духов. Матросы сновали по узким улицам. Из окон кафе и пивных баров доносились песни, смех и музыка. Морель, как и все остальные, бездумно окунулся в отдых. Они стояли в Гибралтаре целую неделю. Горячее солнце, заплывы до восточной оконечности утеса Рокк, незнакомые лица на улицах, весь блеск посещения иностранного порта не могли им надоесть. Уж если удалось выжить в этом походе и не погибнуть, как большинству команды «Сорреля», то Гибралтар мог показаться настоящей землей обещанной.

Слухи о катастрофе с конвоем быстро распространились среди персонала базы. Достаточно было сказать где-нибудь на берегу: «Я шел с АС-93», как к говорившему обращались удивленные взгляды. АС-93 был конвоем с репутацией. Всякий, кто шел с ним, должен был или погибнуть, или слегка помешаться... Заработать такую популярность что-нибудь да значило. Особенно в порту, корабли которого прославились дерзостью и мужеством, получив репутацию отчаянных. «Арк Роял», например, чья огромная взлетная палуба нависла над стоявшим совсем рядом «Компас роз». Корабль, за которым охотились в семи морях. Который был мишенью для бомб, торпед и хвастливых газетных «уток» врага. Или, например, тяжелый крейсер «Рено-ун». Да и остальные корабли, принадлежащие к так называемой «Силе Н». Знаменитый отряд кораблей, которые вели конвой до самой Мальты, несмотря на яростные атаки и на преследование «Бисмарка». Это 1000 миль на север. В итоге они загнали насмерть один из лучших крейсеров фашистов. Вокруг роились суда помельче, флотилии эсминцев, минные заградители и выводок подлодок, препятствовавший каботажному плаванию немцев в Западном Средиземноморье. Через залив, под крылышком Испании, находилось шпионское око врага. Далеко на востоке лежали Крит и Греция, корчащиеся в агонии кровавого поражения. Над всем Средиземноморьем возвышался утес Рокк. Пронизанный сотнями тоннелей, лифтами, складами боеприпасов и продовольствия, держащий мертвой хваткой проливы и еще тысячу квадратных миль океана.

Морель заказал еще стаканчик шерри. Ему не хотелось уходить из этого прелестного уголка крепости. Он глядел на опускающееся солнце, на все удлиняющиеся тени и с наслаждением, удовольствием и блаженством потягивал нежный напиток. Отку-

да-то снизу донесся шум драки. Но он даже не шелохнулся, чтобы узнать причину беспорядка. Его не интересовало, что там происходит. Если там попался кто-нибудь с «Компас роуз», то он узнает об этом завтра утром. А если нет, тогда пусть хоть перережут друг другу битыми бутылками глотки — ему все равно. Сейчас он не хотел ни волнений, ни осложнений, ни даже ангела на своем пути... Они прошли через свою долю испытаний. Они их пережили. И очень хорошо наконец отдохнуть.

На шестой день пути из Гибралтара, ближе к полудню, старший механик Уоттс поднялся на мостик с выражением хмурым и озабоченным. С обратным караваном пока все шло благополучно: ни самолета, ни предупреждений о подлодках.

Но им все равно не повезло.

— Капитан! — Уоттс стоял, неловко переминаясь с ноги на ногу. На гладких светлых досках мостика он старался не появляться, так как чувствовал себя здесь не в своей тарелке. Его местом было машинное отделение, тремя палубами ниже. Среди водометов и труб, в которых он так хорошо разбирался, он чувствовал себя как дома. Даже его нарукавники и брезентовые туфли выглядели на мостике не к месту, вокруг все разряжены в куртки и сапоги... Наслаждающийся ярким солнцем Эриксон готовил инструменты для вычисления полуденных координат. Он обернулся на голос стармеха:

— Ну, шеф? Что случилось?

— Да, сэр. — Уоттс шагнул вперед, обтирая руки о ветошь. Морщинистое лицо выражало явную озабоченность: — Не нравится мне один подшипник. Греется. Почти докрасна. Нужно остановить машину и посмотреть, в чем дело.

— Вал главной машины, шеф? — Эриксон понимал: его познания о машинном отделении были слишком общими, и поэтому хотел, чтобы Уоттс обо всем рассказал подробнее.

— Да, сэр. Наверное, засорился маслопровод. Похоже на то.

— А если просто сбавим ход?

Уоттс энергично замотал головой:

— Если не остановим вал, его может заклинить. А я не смогу полностью проверить маслопровод. Там неудобный закуток. Задний подшипник, рядом с сальником.

Эриксон сосредоточенно нахмурился. Но положение было ясным. Перегретый подшипник может спаяться со втулкой, и тогда заклинит главный вал. Это для капитана еще сравнительно простая задача по механике... Секунду он перебирал в уме возможные выходы из положения, зная, что имеется только один. Им придется сделать самое неприятное, что может быть в морской войне, — болтаться среди океана с остановленной машиной.

— Ну хорошо, шеф, — сказал Эриксон. — Я пошлю сигнал «Вайперосу» и дам команду остановить машину. Постарайтесь управиться побыстрее.

— Постараюсь, сэр.

Они находились в пределах видимости «Вайпероса», шедшего широким зигзагом впереди конвоя. На просьбу корвета ответ был короток: «Действуйте по своему усмотрению. Постоянно держите со мною связь».

— Подтвердите прием, — коротко бросил Эриксон Роузу,

вахтенному сигнальщику. Затем рулевому: — Десять градусов право на борт. — И в машинное отделение: — Стоп машина.

«Компас роуз», сойдя с курса каравана, стал постепенно терять ход.

Мимо проходил конвой. Замыкавший строй корвет изменил курс, чтобы подойти к «Компас роуз» поближе, словно любопытный терьер, не знающий, лаять ему или гоняться за собственным хвостом. А внизу Уоттс и старший кочегар Грейс уже принялись осматривать систему масляного охлаждения. Чтобы определить скрытую неполадку, они должны проверить все трубы, самую подозрительную разобрать на части и определить, какое колено засорено. Прочистить его. Снова все собрать. В машинном отделении было очень жарко. Они работали, согнувшись в три погибели, и разбирали трубочки с двух сторон, потому что там двоим не уместиться. Некоторые секции трубопровода невозможно осмотреть, если предварительно не снять соседние. Только через два часа они обнаружили неполадку. Изогнутая в форме буквы «г» секция, забитая сором.

Уоттс отступил на шаг и выпрямился. В одной руке он держал трубку, а другой вытирал вспотевший лоб.

— А теперь что же? — риторически спросил он. — Как определить, что там внутри?

— Пососи ее — увидишь, — ответил Грейс, который на нижней палубе считался своего рода юмористом.

— Достань мне кусок проволоки, — холодно приказал Уоттс. Если кое-кому и позволялось подшучивать над стармехом, то старшие кочегары к этой категории не относились. — Только не слишком толстую. А я доложу капитану.

После двух часов непрерывной работы они не сдвинулись ни на шаг. Трубку никак не удавалось прочистить. Ни расплавить, ни протолкнуть проволокой, ни разбить на куски. Эриксону хотелось накричать на них, приказать пошевеливаться, перестать бездельничать. Но он-то знал, что лучше Уоттса никто на борту не мог выполнить эту работу. В четыре часа, когда почти все корабли конвоя уже исчезли из виду, Эриксон передал радиogramму «Вайперосу», объяснил ситуацию, а в ответ последовало только: «Вас понял». Своим подтверждением «Вайперос» разрешил корвету самостоятельно произвести ремонт и поскорее догонять конвой.

Эриксон стоял, облокотившись на поручни мостика, и глядел на темную, покрытую нефтяными пятнами воду. Позади него Ферраби, Бейкер и вахтенные празднично рассматривали детали зенитной пушки, с которой снимал чехол один из матросов. Монотонно попискивал гидроакустический аппарат — он всегда на чеку. Антенна радара вращалась над мостиком, ощупывая невидимый горизонт. Оба впередсмотрящих по очереди поднимали бинокли и описывали ими одну и ту же дугу: с траверса на корму и обратно, а затем с траверса на нос. Корвет был совершенно неподвижен. Вымпел обвис. Кто знал, что скрывается под темной поверхностью моря? Кто знал, не следят ли именно сейчас за ними злобные взгляды врагов? В нервной и подавляющей тишине эти мысли множились, росли. Им противостояла надежда поскорее исправить повреждение и вновь двинуться в путь. Матросы ловили рыбу со шкафута. Эриксон мог бы ска-

зять, что под ними не менее тысячи саженей до дна, что рыбу на удочку они не поймают. Но лучше было сидеть и ловить рыбу на леску с крючком и хлебной насадкой, болтающейся в шести тысячах футов от морского дна, чем вообще ничего не делать...

Внизу, в машинном отделении, старший механик Уоттс нашел наконец выход. Правда, рискованный, но иного решения не было.

— Придется распилить трубку на куски, — сказал он Грейсу.

— А потом?

— А потом прочистим ее и все сварим.

— Ночи не хватит, — хмуро возразил Грейс.

— Войны не хватит, если мы этого не сделаем, — ответил Уоттс. — Достань-ка ножовку, пока я схожу доложить капитану.

Уоттс поднялся на мостик, когда вдалеке показался «Вайперос». Эсминец принесся как ураган с северо-запада около пяти вечера. Едва показавшись на горизонте, он замигал сигнальным прожектором, желая знать решительно обо всем: о состоянии ремонтных работ, о времени и возможности вновь отправиться в путь и о том, не засеки ли чего подозрительно-го эхолот, радар и сигнальщики, не появлялся ли самолет и еще кучу подобных же вещей. Поговорив с Уоттсом, Эриксон передал: нашли повреждение, сумеют с ним справиться, но потребуется почти вся ночь, а подозрительно пока, слава богу, ничего не обнаружили.

«Вайперос» не стал подходить ближе. Войдя в визуальный контакт с корветом, он лениво прошел по дуге миль десять, пока обменивался сигналами. Потом после короткой паузы просигналил: «Не смогу обеспечить вам охрану на всю ночь».

— Ничего, — ответил Эриксон, — переспим и без вас. — Последнюю фразу он вставил специально, чтобы «Вайперос» не очень печалился о них.

Последовала еще одна пауза. «Вайперос» потихоньку удалялся на северо-запад. Когда стала видна только одна его корма, эсминец передал: «Оставляю вас. Всего лучшего» и скрылся за линией горизонта. С корвета едва различили последний его сигнал: «Спокойной ночи, Золушка!»

— «Спокойной ночи, старший братец», — продиктовал Эриксон ответ, но отменил его раньше, чем Роуз начал передавать. Капитан «Вайпероса» был немного старше его по званию, и Эриксон не хотел рисковать.

Ремонт тянулся достаточно долго, чтобы часы эти показались им настоящей пыткой. Уоттс отрезал восемь кусков трубки, прежде чем вытащил пробку — обыкновенный кусок обтирочной ветоши, ставший каменно-твердым под давлением масла в месте изгиба. Вопрос о том, как ветошь туда попала, дал Уоттсу повод для оскорбительных и яростных получасовых ругательств, после которых старший кочегар Грейс и вся команда машинного отделения стали сокрушенно проклинать про себя всю систему флотской дисциплины. Но времени терять было нельзя. Ругаясь и допрашивая своих матросов, Уоттс продолжал быстро сваривать куски трубки в одну, нужной длины и конфигурации. Результат этой деятельности выглядел не очень надеж-

но. Но в конце концов вся трубка была сварена, вычищена и выпрямлена. Они согнули ее и стали устанавливать на прежнее место.

А над морем опустились сумерки. Затем пришла ночь. Локкарт обошел верхнюю палубу три или четыре раза, пока не убедился, что ни один лучик света не проникает наружу. Радио в кают-компании и в кубрике выключили. Был отдан строжайший приказ не шуметь. Спасательные шлюпки приготовили для быстрого спуска, а крепления плотов сняли на случай, если «придется срочно сматываться вплавь», как мрачно пошутил Тэллоу.

— И если кто-нибудь из вас, — предупредил он матросов, — будет сегодня ночью шуметь, у того я кишки пушу на галстуки...

Сейчас было для них больше опасности, чем даже когда им пришлось остановиться у горящего танкера. Сейчас они совершенно беспомощны. Если бы торпеда прошла мимо, то им бы оставалось лишь сделать ей ручкой и ждать следующей... Шли часы. Напряжение росло. Они находились там же, где совсем недавно столько кораблей и людей нашли свою могилу по пути в Гибралтар. Корвет сидел как парализованная утка в ожидании выстрела...

Но оставалось только ждать. Вахта шла за вахтой. Матросы на цыпочках отправлялись по местам, вместо того чтобы громыхать сапогами по палубе и трапам, как это они обычно делали раньше. Корвет неподвижно покачивался на воде. Время от времени случайная волна шлепалась о борт. Яркая краюха луны, четвертушка всего, висела над центром Атлантики. На корабле царило напряжение. Неверие в будущее разливалось в душах людей. Ругали потихоньку этих чертовых машинистов, которые сначала засорили трубопровод, а теперь бездельничают, вместо того чтобы заниматься ремонтом.

Все эти часы Эриксон просел на мостике. Впередсмотрящие менялись каждые полчаса. Из кают-компании приносили какао. Эхолот и радар продолжали нескончаемую вахту. Корабль стоял беспомощной неподвижной мишенью вот уже более двенадцати часов. Память о «Соррале» была еще у всех свежа. У многих нервы едва выдерживали.

Неожиданно их ночное бдение было прервано. В тишине сразу после полуночи, перекрыв слабый плеск волн, раздались равномерные удары кувалды. Все замерли, вопросительно глядя друг на друга. Грохот наверняка разносился на много миль окрест... Эриксон раздраженно обратился к Морелю, только что принявшему вахту.

— Сходите вниз, к Уоттсу. Прикажите ему не молотить или как-нибудь приглушить этот грохот. — Морель повернулся, чтобы исполнить приказ, когда Эриксон добавил уже не так сухо: — Скажите, что торпеда попадет первым делом в него.

«Это совершенно точно», — подумал Морель, спускаясь многочисленными трапами к сердцу корабля. В такой момент спускаться ниже ватерлинии было все равно, что сознательно лезть прямо в могилу. Морель восхитился своими товарищами, проработавшими на глубине десяти футов под водой столько часов подряд. Конечно, это их работа. Так же как его работой

было стоять на открытом мостике, который на бреющем полете поливал из пулеметов немецкий самолет. Работа ниже ватерлинии требовала хладнокровия и выдержки. Если бы в корвет попала торпеда, то команда машинного отделения сделалась бы первой жертвой. За десяток секунд выбраться из этой мышеловки, пока ее не затопила вода, было невозможно. Для людей, в полной темноте сражающихся за узкий ведущий наверх железный трап, это означало смерть, хуже которой и не придумать. Но все равно не стоит производить такой шум: у всех нервы на пределе.

Удары молота прекратились, едва Морель спустился по скользкому от масла трапу и встал на металлические плитки палубы машинного отделения. Уоттс, услышав гулкие шаги, обернулся и приветствовал лейтенанта.

— Что, пришли посмотреть на развлечение, сэр? Теперь уж: недолго.

— Вот это я и называю хорошими новостями, шеф, — ответил Морель. Никакая морская субординация не могла заставить его обращаться к Уоттсу, который годился ему в деды, иначе, как с простым дружелюбием. — Капитана беспокоит шум. Нельзя ли его как-нибудь приглушить?

— Уже все готово, сэр, — ответил Уоттс. — Мы загоняли на место одну из скоб... А что, стук было слышно?

— Слышно! Да в округе все подводные лодки вылезли на поверхность и стали жаловаться на грохот.

Матросы, работавшие у маслопровода, рассмеялись. Морель посмотрел на лица, резко освещенные открытой переносной лампой, прикрепленной к ближайшему пиллерсу: у всех было одно и то же выражение — выражение усталости, сосредоточенности и плохо скрытого страха. Он знал всех в лицо — Уоттса, старшего кочегара Грейса, двух молодых кочегаров второго класса по имени Бино и Спурвей, которые постоянно напивались на берегу, юнгу-механика Браутона. Но его привычное представление об этих людях оказалось не совсем полным. Он видел людей, которые могли справиться со своей работой до того, как в корвет всадят торпеду. Казалось, в этих людях уже не осталось ни мелочности, ни расхлябанности — никаких недостатков.

— Ну как там насчет подлодок, сэр? — Грейс был выходцем из Ланкашира, и его забавное произношение лишало это опасное слово того грозного смысла, который в нем заключался. Произнесенное таким манером, слово это несло балаганный оттенок и казалось не более смертельным, чем теща или блюдо требухи.

— Пока никак, — ответил Морель. — И конвой тоже в полном порядке. Но все равно нам не следует болтаться здесь слишком долго.

— Похоже на то, что мы сами напрашиваемся на торпеду, — кивнул Уоттс и продолжил угрюмо: — Если немцы сейчас не прикончат нас, то уже никогда этого не смогут сделать.

— Долго еще, шеф?

— Часа два, пожалуй.

— Никогда мне не приходилось работать так долго, — признался Грейс. — Возни, как с линкором.

— Подамся-ка я в экипаж, когда вернемся, — сказал Браттон. — Уж лучше работать в четамской котельне, чем здесь.

— А кто думает по-другому? — спросил Спурвей, самый маленький из кочегаров и самый большой среди них пьяница. — Я бы лучше вычистил все клозеты у причалов.

Морель вдруг осознал, как взвинчены у них нервы.

— Желаю удачи, — сказал он и стал подниматься по трапу. Наверху его приветствовали звезды и темное до черноты море. Дул легкий прохладный ветер. Мелкие волны шелестели у борта.

В холодный час между двумя и тремя утра, когда луну уже закрыло облаками и вода стала траурно-черной, по трапу мостика зазвучали шаги — весело и быстро прогремели по железным ступеням. Это взлетел по трапу старший механик Уоттс.

— Капитан! — обратился он к неясной фигуре, маячащей у края мостика.

— Да, шеф? — Эриксон неловко повернулся. Тело его затекло, застыло от долгого бодрствования.

— Готовы в путь, сэр.

«Ну вот и все», — подумал Эриксон, потягиваясь. Облегчение, огромное облегчение, охватившее все его существо, почувствовал он. Ему хотелось потрясти Уоттса за руку, но он сказал только:

— Спасибо, шеф. Хорошо сделано. — Потом повернулся к переговорной трубе: — Рубка!

— Рубка, сэр, — раздался испуганный голос рулевого, замечтавшегося по далекому дому.

— Передайте телеграфом: «По местам стоять. Пошла машина».

Вскоре они полным ходом шли на север, догоняя конвой.

В шесть часов утра, с первыми лучами восходящего солнца они поймали конвой самым краем экрана локатора. Локкарт, застывший на вахту, задумчиво посмотрел на светлое пятно, появившееся на экране. Конвой был на много миль впереди. В контакт они войдут часам к девяти. Но и теперь-то они уже не одни в бескрайних водных просторах, которые могли обернуться могилой. Он разбудил капитана. Сообщил новость, как ему и было приказано. Сонное бормотание в переговорной трубе свидетельствовало о том, что Эриксон всплыл за этой новостью на поверхность спокойствия, как форель за мухой. Закрывая отверстие переговорной трубы, Локкарт улыбнулся. Да, после такой ночи капитан заслужил право вздремнуть.

Шла утренняя вахта. И к ее концу, к восьми утра, небо на востоке совсем посветлело, блики заиграли на темной воде. Томлинсон, младший вестовой, пришедший на мостик за чашками и тарелками, мягко ступал по мокрой от росы палубе, как новый персонаж в неожиданно веселом третьем акте. Обороты машины были почти максимальными. Курс корвета был нацелен в самую середину конвоя. Локарту оставалось только притопывать, согревая замерзшие ноги, и смотреть на экран радара, где все четче проступали очертания каравана. Приятно было видеть, как маленькое пятнышко света, не менее желанное и знакомое, чем палуба под ногами, все приближается. Это пятнышко, такое осязаемое и долгожданное. Так похожее на

семью, встречающую их после долгого путешествия... Мысли Локкарта блуждали далеко. Он машинально отметил, что сменились рулевые и впередсмотрящие, а значит, вахты осталось полчаса. Вздвинул, услышав звонок из рубки радара.

— Мостик!

— Мостик, — Локкарт склонился над переговорной трубой.

— На экране слабое пятно позади конвоя, сэр, — донесся до него голос оператора, ровный и усталый. — Вы видите его на вашем экране?

Локкарт посмотрел на экран рядом с переговорной трубой, такой же, как и в рубке радара. Кивнул сам себе. Действительно, между ними и конвоем светилось крошечное пятнышко. Мерцало, гасло, но упорно появлялось вновь. С полминуты он наблюдал за этой крохотной точкой света. Она не исчезала. Теперь она упрямо светилась на экране. Ее присутствие обязательно надо было объяснить. Он снова склонился над переговорной трубой.

— У меня тоже светится. Как вы думаете, что это? — оператор не успел ответить, а он задал еще один вопрос: — Кто на вахте?

— Селларз, сэр.

Селларз, старший техник по радару. Надежный оператор. Человек, к которому можно обратиться с вопросом...

— Как вы думаете, что это? — снова спросил он.

— Трудно сказать, сэр, — ответил Селларз. — Пятно маленькое, но следует за конвоем с такой же скоростью.

— Вторично отраженный сигнал?

— Вряд ли, сэр, — голос Селларза звучал неуверенно. — Во-первых, угол не тот.

— Значит, отставший?

— Слишком мал для корабля, сэр... Видите, вот здесь, чуть правее, корабль. Он намного больше.

Локкарт взгляделся в экран. Да, совершенно верно. Он задумался: надо ли сообщать об этом капитану? Сигнал подозрительный. Но не хотелось отрывать Эриксона от заслуженного сна без достаточных на то оснований.

Понаблюдав за увеличивающимся и по-прежнему держащим равную с конвоем скорость пятном, он приказал Селларзу:

— Следите за ним, — а сам подошел к капитанской переговорной трубе и позвонил.

Когда Эриксон с затекшим лицом поднялся на мостик, протирая заспанные глаза, то был не в лучшем расположении духа. Прерывать сон из-за того, что на антенне локатора, как он твердил себе, пристроилась чайка, которую старпому не хватает ума согнать. Он проворчал что-то под нос, когда Локкарт указал на пятнышко.

— Возможно, отставший, — коротко бросил капитан.

— Но оно намного меньше других кораблей, сэр, — возразил Локкарт. Он и сам раньше высказывал подобное предположение. — А эта штука миль на десять сзади замыкающего корабля конвоя.

— М-мм-м... — промычал Эриксон и спросил: — Кто оператор?

— Селларз, сэр.

— Радар! — произнес Эриксон, склонившись над переговорной трубой и громко откашливаясь.

— Есть радар, сэр! — ответил Селларз.

— Как насчет гой цели?

— Здесь, сэр, — он дал направление и расстояние. — Миль десять позади конвоя.

— А с аппаратом все в порядке?

— Все в порядке, сэр, — недовольно ответил Селларз тоном человека, который не намерен выслушивать поклепы, даже если они исходили от невыспавшегося капитана. — Аппарат в лучшем виде.

— Когда-нибудь на экране появлялась такая цель?

— Пожалуй, нет, сэр, — после паузы ответили снизу. — Эта цель размером с буй или с маленькую шлюпку.

— А может, тральщик или дрейфтер?

— Нет, поменьше, сэр. Шлюпка с корабля, может быть.

— Хм-м... — Эриксон вновь посмотрел на экран локатора. Принятое капитаном решение оказалось неожиданным.

— Боевая тревога! — сказал Эриксон, неожиданно выпрямившись, и крикнул в переговорную трубу рулевой рубки: — Полный вперед! Десять градусов право на борт!

Локкарт открыл и тут же захлопнул рот. Изумленный приказом, он готов был уже произнести какую-нибудь глупость. Вроде: «Неужели вы и вправду думаете, что это подлодка, сэр?» Громкие продолжительные звонки тревоги и топот тяжелых ботинок по железной палубе были лучшим ответом... Старпом стоял у переговорных труб и с каким-то необычайным волнением принимал рапорты готовности подразделений и подтверждал прием. Голоса подогревали его возбуждение.

— Расчет глубинников готов! — голос Ферраби с кормы.

— Орудийный расчет готов! — Морель с полубака.

— Двухфунтовка готова! — Бейкер.

— Машинное отделение готово! — стармех Уоттс снизу.

— Боцман у руля! — Теллоу из рулевой рубки.

Локкарт осмотрел корабль от носа до кормы. Впередсмотрящие на мостике стояли у зенитных пушек. Старший сигнальщик Уэллс находился у сигнального прожектора. В стальных касках окружил четырехдюймовку расчет во главе с Морелем, который смотрел в бинокль и отдавал команды заряжающим. На корме стоял Ферраби и приказывал снять крепления с глубинных бомб. Удовлетворенный, Локкарт повернулся к капитану.

— Корабль к бою готов, сэр! — И ушел на свой боевой пост, в гидроакустическую рубку...

Эриксон наблюдал за экраном радара. Его приказ был скорее импульсивным. Но цель, которую засекли, безусловно, странная. Полная боевая готовность корабля, во всяком случае, внушала приятное спокойствие. Он поднес к глазам бинокль — утренний туман ограничивал видимость. Эриксон вновь обратился к экрану локатора и наклонился к переговорной трубе:

— Доложите цель.

Селларз сообщил расстояние до цели и ее курс.

— Цель становится четче, сэр, — заключил он свой доклад. — Тот же размер, но сигнал четче. Что-то очень плотное.

Впервые в жизни Эриксон видел подлодку, ведущую себя точно как в учебнике: идет следом за конвоем, вне пределов досягаемости. Но эта лодка не имела представления об отставшем корабле охранения. Если бы только они могли приблизиться к ней на нужное расстояние незамеченными...

«Компас роуз» неся вперед. Следующий час может оправдать их предыдущее существование. На мостике все, у кого были бинокли: Эриксон, Уэллс и оба впередсмотрящих, — на прягая зрение, следили за горизонтом. Цель могла появиться в любой момент.

Под форштевнем корвета пенились волны. Позади кипел высокий бурун. А навстречу хлестал резкий ветер. Солнце уже появилось над горизонтом. Бледное солнце, разогнавшее туман. Бледное, но бодро набирающее силу солнце. Оно было сегодня на их стороне. Оно пришло на помощь. Ветер стал завывать в снастях. От вращения винта дрожала корма. «Ну и дает стармех, — подумал с удовлетворенной улыбкой Эриксон. — Такая гонка немало стряхнет сажу в трубу...»

«Компас роуз» неся вперед.

— Доложите цель, — в пятый или в шестой раз приказал Эриксон.

Возбужденный и торжествующий голос Селларза подтвердил снизу, что они приближаются к цели. Эриксону казалось, что весь корабль собрался в кулак, напрягся, приготовился к прыжку, к удару. Он чувствовал под собой корабль, как наездник чувствует лошадь. Он чувствовал гордость оттого, что корабль отвечает ему готовностью к бою. Именно этого они так долго ждали. Для этого они так много трудились... Он подошел к компасу, запросил точное направление, расстояние до цели и стал через бинколь вглядываться в даль.

Почти сразу он ее увидел. Квадратный штрих на горизонте. Рубка вражеской подлодки. Даже заметил, как она слегка покачивается на волне, заметил впереди белый бурун от скрытого под водой корпуса. А еще дальше впереди, завершая картину, виднелись клочки дыма. Две цели. Два охотника. Эриксон резко выпрямился и быстро шагнул к поручням мостика.

— Морель! — рявкнул он.

— Да, сэр, — поднял взгляд Морель.

— Прямо по курсу всплывшая подлодка. Будьте готовы. Нужно вклепить пару снарядов до того, как она успеет нырнуть. Конечно, если сумеем подобраться достаточно близко.

— Вижу лодку прямо по курсу! — раздался голос Уэллса, громкий от возбуждения. Он почти тотчас взял себя в руки:

— Послать рапорт, сэр?

— Да. Радиотелеграфом. Предупредите штаб. — Эриксон собрался с мыслями. — Так... запишите: «Адмиралтейству. Копия «Вайперосу». Подлодка на поверхности. В десяти милях позади конвоя Т. С.-104. Курс 345 градусов. Скорость 5 узлов. Атакую». — Затем обратился к Локкарту: — Старпом! Там...

— Вроде бы прослушал все, сэр, — ответил Локкарт, наполовину высунувшись из окна рубки. — Но пока она слишком далеко.

— Скоро ваш чертов ящик очень даже понадобится, — улыбнулся Эриксон. — Скоро увидите срочное погружение.

— Сэр, — сказал Локкарт. — Нужно успеть сделать побольше, пока у них штаны спущены.

Приказ о готовности номер один был передан Ферраби на корму, в машинное отделение.

— Наддай, шеф! — резко крикнул Эриксон в переговорную трубу. — У нас остается совсем немного времени.

«Компас роуз» галопом понесся к цели. В бинокле Эриксона квадратная черточка рубки стала крупнее. Из рубки высунулась голова и плечи человека, всматривающегося в горизонт, добросовестно исполняющего свои обязанности. «Не зная о своей судьбе, жертвы малые играют...» — подумал Локкарт. Он видел подлодку уже невооруженным глазом. Однако лодка находилась еще за пределами действия радиоакустического аппарата. Боже мой! На таком расстоянии они ее могут протаранить без всякого благословения науки!.. Расстояние сокращалось. Голос Селларза становился все громче и громче. На мостике зазвонил редко подающий голос звонок — звонок четырехдюймового орудия. Морель сообщил голосом человека, высказывающего исключительно теоретическую догадку:

— Я полагаю, что смогу достать лодку, сэр.

Расстояние равнялось четырем морским милям. Для их маленькой пушки это порядочное расстояние. И выстрелом все можно испортить. Но этот добросовестный немец в рубке... Должен же он наконец обернуться, увидеть их и заставить лодку круто уйти под воду, в безопасную глубину. Капитан немного помедлил, взвешивая шансы на успех. Их хлопушка, их единственное «крупное орудие», едва ли полезна на таком расстоянии. С другой стороны, немцы вот-вот обнаружат корвет. Он отдал приказ Морелю. Едва ли грохот выстрела мог последовать быстрее: Морель, видать, не убирал пальца со спускового крючка.

Хороший выстрел. Расстояние определить им помог радар. Но в таких обстоятельствах выстрел все же был недостаточно хорош. Серо-белый столб взметнулся к небу в тридцати ярдах впереди лодки — лучшего сигнала тревоги для немцев и быть не могло! Человек на мостике лодки обернулся и наверняка не поверил собственным глазам. Он мгновенно исчез внизу, словно его кто-то дернул за ноги. Рубка опустела. Пушка корвета вновь загрохотала. Эриксон вслух выругался. На этот раз недолет. Высокий столб воды заслонил рубку. Когда брызги опали, лодка уже погружалась под крутым углом, среди бурлящей, потревоженной воды.

Немцы оказались мастерами срочного погружения. За несколько секунд весь корпус и большая часть рубки были уже под водой. Морель сумел сделать еще один выстрел, пока поверхность моря не опустела. Но среди фонтанов воды, поднятых погружающейся подлодкой, трудно было определить точно место падения снаряда. Исчезая под водой, лодка двигалась вправо.

— Они погрузились, Локкарт! — крикнул Эриксон.

— Есть цель! — сразу же ответил возбужденный голос Локкарта.

Писк сигнала эхолота отчетливо разносился по мостику: Его слышали все. Локкарт наблюдал за работой оператора. Нельзя упустить лодку теперь, когда она едва успела скрыться с поверхности.

«Компас роуз» шел вперед очень быстро. Локкарт помогал оператору, когда тот начинал терять цель. Оператор вспотел от волнения и нервно колотил рукой по краю стула.

— Быстро уходит вправо, сэр! — крикнул Локкарт. Эриксон слегка изменил курс, направляя корабль наперерез лодке, и нажал кнопку сигнала на корму, на пост Ферраби. Теперь многое зависело от удачи: если подлодка достаточно резко изменит курс, то уйдет из опасной зоны взрывов. Несколько секунд ушли на последние ярды до цели. Локкарт нажал кнопку, и через секунду в воду посыпались глубинные бомбы.

Море подпрыгнуло к небу от взрыва первой серии бомб. Ферраби, занятый перезарядением бомбосбрасывателя и обеспокоенный близостью подлодки, подпрыгнул вместе со столбами воды, до смерти перепуганный страшным грохотом совсем рядом с ними. Всем показалось совершенно невероятным, что вместе со столбами брызг не взлетела на воздух и подлодка. Так они были уверены, что попали в нее! «Компас роуз» несясь дальше. На борту все потеряли дар речи. Стояли, уставившись на огромное пятно бесцветной воды в месте взрывов. Ждали, что подлодка вот-вот поднимется на поверхность и сдастся в плен.

Однако ничего не произошло. Рябь исчезла, а вместе с нею и наивные надежды. Атака закончилась полной неудачей.

— Но черт побери! — воскликнул Локкарт. — Мы должны были ее накрыть! Она была там! — он говорил за весь корабль.

— Займитесь поиском, — коротко приказал Эриксон. — Мы еще не кончили.

Локкарт покраснел от справедливого порицания. Он был взвинчен. А тут еще капитан со своими замечаниями.

— Поиск за кормой на дуге 60 градусов, — приказал он и сам склонился над аппаратом. Тут же они вновь засекли цель всего в пятидесяти ярдах от места взрывов бомб.

«Компас роуз» развернулся на 180 градусов и снова ринулся в атаку. На этот раз дело шло легче. Кажется, они все-таки повредили лодку, потому что она перестала двигаться, не предпринимала никаких попыток уйти.

— Цель неподвижна, сэр! — доложил Локкарт, когда они закончили разворот. И продолжал повторять эти слова, пока корвет приближался к цели. И опять бомбы посыпались за корму. И опять обрушился оглушительный грохот взрывов, заставивший вздрогнуть весь корабль. И опять они ждали результатов. Успеха или провала.

— Еще секунда, и... — произнес кто-то на мостике.

Подлодка появилась у них в кильватере. Огромная неуклюжая рыба, блестящая на солнце мокрыми черными боками.

Матросы торжествующе взревели. Нос подлодки был сильно задран. Лодка была неуправляема. Из швов и обшивки хлестала вода. Вокруг рубки вспухали огромные пузыри. Из-под обшивки в середине корпуса растекались пятна нефти.

— Огоны! — крикнул Эриксон.

Бейкер получил возможность отличиться. Двухфунтовка, расположенная прямо за трубой, только и могла быть использована на таком расстоянии. Резкое стаккато разорвало воздух: та-та-та — как клепальный пневматический молоток, и красные трассирующие стрелы понеслись низко над водой, догоняя друг друга. Лодка вновь обрела горизонтальный киль и несколько секунд находилась в нормальном положении. Им она казалась похожей на поправшего все законы чести и общества преступника, которого все избегали и который вдруг решил отдохнуть у чужого камина.

На носу лодки взметнулись ярко-красные вспышки, над ними встали ядовитые грибки разрывов. Когда «Компас роуз», сильно накренившись на борт, вновь развернулся на 180 градусов, заговорили с невероятным треском пулеметы мостика. Подлодка слегка осела. Из ее рубки один за другим вылезали матросы. Они бросались вперед, спотыкались на неровной палубе, что-то кричали в их сторону с поднятыми руками над головой. Но один, очевидно самый большой негодяй из них, открыл огонь из легкого пулемета, установленного в рубке. Очередь прошла по центру «Компас роуз», но пулемет сразу умолк, а стрелок свесился, раскинув руки, через поручни. Немецкие матросы падали и прыгали за борт, потому что снаряды «Компас роуз» продолжали наносить удары. Мокрая палуба обогрилась кровью. Она стекала в шпигаты, окрашивая отвратительно-серый корпус в приятный красноватый цвет. Лодка заскользила под воду кормой вперед. Корма исчезла в потоках нефти, среди воздушных пузырей и облаков дыма. Из рубки наполовину вылез матрос, выбросив за борт резиновый мешок. Ему никак не удавалось вылезти — убитый стрелок загородил спасительный люк. Лодка исчезла под водой до того, как он сумел расчистить себе путь. Последний разрыв поднял каскад водяных брызг, смешанных с нефтью. Стало тихо.

— Прекратить огонь! — приказал Эриксон. Море сомкнулось на месте взрыва, поверхность воды разгладилась под пленкой нефти. — Стоп машина. Приготовьте сети.

Прекрасный спектакль окончился...

Для одного из команды «Компас роуз» он окончился чуть раньше. Молодой матрос славного расчета двухфунтовки был прошит очередью пулеметчика с подлодки. Остатки команды подлодки плыли к «Компас роуз» в надежде на спасение. Напуганные и обессиленные, они звали на помощь. Матросы стали иронически подбадривать немцев.

— Вот такие потерпевшие мне нравятся, — неожиданно сказал Морель, ни к кому не обращаясь. — Они все это сами придумали. Посмотрим теперь, что они будут делать.

А делали они то же самое, что и все потерпевшие. Одни зывали о помощи. Другие в полном молчании плыли к своим спасителям. Третьи тонули. Один из них мог запросто испортить все дело спасения своим товарищам. Он сильными взмахами подплыл к висящей на борту сети, поднял голову и крикнул, вскинув правую руку: «Хайль Гитлер!» Матросы на борту «Компас роуз» тут же гневно взревели, сразу потеряв всякую охоту втаскивать немцев на борт.

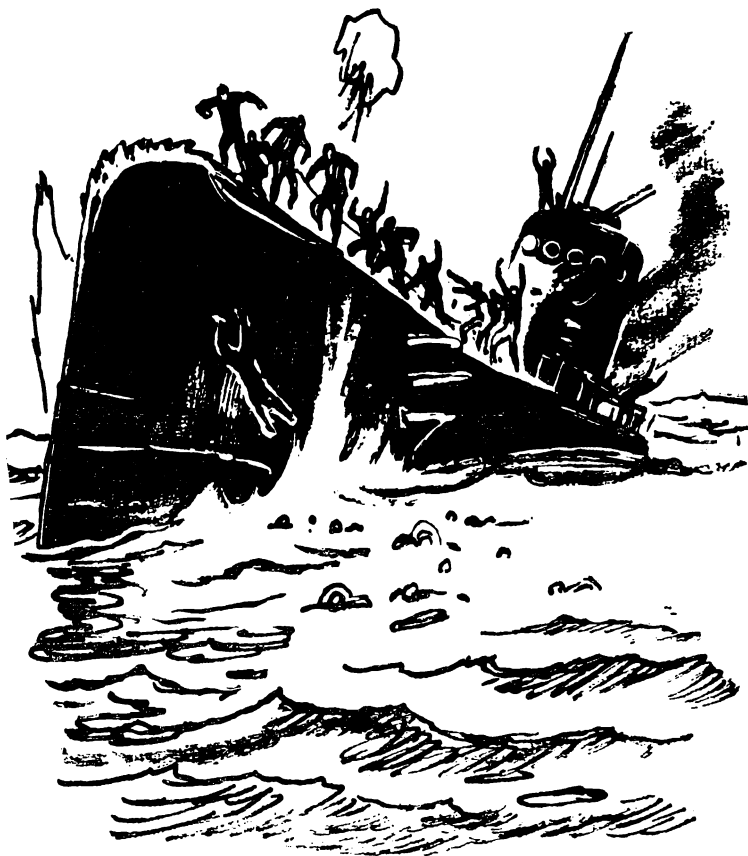
— Вот наглые ублюдки, — угрюмо сказал торпедист Уэнкрайт. — Нужно их там и оставить. Пусть помокнут.

Локкарт, руководивший спасательными работами, тоже почувствовал сильный гнев. Ему захотелось, чтобы капитан скомандовал «Полный вперед!» и немцы остались плескаться в море, пока не утонут.

— Поторопитесь! — крикнул он, притворившись, что не замечает общего настроения матросов. — Мы не можем возиться здесь целый день!

Пловцы по одному были выловлены из воды. Крикуна подняли последним. Тонбридж, человек не из легких, так наступил ему на босую ногу, что немец закричал совсем другим голосом.

— А ну не шуметь! — с издевкой сказал Локкарт. Постройте их! — добавил он, обращаясь к Тонбриджу.

Тот согнал пленных в неровный строй. Их было четырнадцать. Пятнадцатый лежал у ног. Экипаж сгрудился вокруг пленных. Немцы выглядели невзрачно. С них стекала вода, а лица вдруг стали безразличными, словно у плохих комиков, которым только что удалось проскочить еще один акт водевиля без тухлых яиц и гнилых помидоров от публики. Далеко не герои. Без корабля они и на людей-то не стали похожи. Команда «Компас роуз» с разочарованием глядела на тех, кого сначала победили, а потом спасли. «Неужели, — спрашивали себя матросы, — это и называется командой немецкой подлодки?»

Но было в них нечто действующее на нервы, распространяющее беспокойство и неловкость. Это были чужаки. Их появление на борту корвета внушало неприязнь точно так же, как появление подлодки на поверхности. Это были люди из другого, совершенно несовместимого с их собственным миром круга. Не просто немцы. А немцы с подлодки. Их торопливо обыскали, записали имена и отправили в трюм.

Эриксон приказал привести к нему в каюту капитана подлодки, оказавшегося среди пленных. Для порядка у двери поставили часового.

Немецкий капитан стоял посреди каюты, отсутствующим взглядом уставившись в иллюминатор. Он повернулся на шаги Эриксона и постарался принять высокомерное выражение. Он был высок, беловолос и молод. Молод настолько, что годился Эриксону в сыновья. «Слава богу, что он мне не сын», — подумал Эриксон. Он был молод, да. Но лицо его было старо от болезни власти. «С этими людьми ничего не поделаешь», — мрачно подумал Эриксон. — Они неизлечимы. Их можно только убивать в надежде, что следующий урожай будет лучше».

— Хайль Гитлер! — живо начал немец. — Я бы хотел...

— Э нет, — угрюмо возразил Эриксон. — Не стоит начинать таким образом. Как вас зовут?

— Фон Хельмут, — вспыхнул немец. — Капитан-лейтенант фон Хельмут. Вы тоже капитан? Как вас зовут?

— Эриксон.

— А! Настоящее германское имя, — воскликнул немец, удивленно поднимая белесые брови, словно обнаружил интеллигентность в бродяге.

— Разумеется, нет! — рявкнул Эриксон. — И хватит махать лапами! Вы пленный. Вы под арестом. Ведите себя как следует.

Немец нахмурился при таком явном нарушении этикета. Во всем его виде ощущалась злобная враждебность. Даже в развороте плеч.

— Вы застали мой корабль врасплох, капитан, иначе бы...

Сам его тон намекал на нечестность в бою, несовместимую с хваленой порядочностью немецкого солдата. Нечестность и предательство вполне годились для всяких там англичан, поляков и негров. «А каким чертом вы занимались все эти месяцы? — подумал Эриксон. — Только и ловили людей врасплох. Подкрадывались к ним, не оставляя ни малейшей возможности сопротивления». Но он не собирался высказывать это вслух, а произнес с иронией:

— Война. Очень сожалею, если это для вас непосильно.

Фон Хельмут бросил на него свирепый взгляд, но замечание оставил без ответа. С опозданием он сообразил, что, жалуясь на метод, примененный Эриксоном, он признавался в собственной слабости. Взгляд его обежал каюту. Он ухмыльнулся:

— Слишком бедная каюта. Я не привык...

Эриксон сделал шаг к нему и внезапно затрясся от гнева. Где-то в глубине рассудка мелькнула мысль: «Будь у меня сейчас пистолет, тут же тебя пристрелил бы на месте. Вот что с тобой сделали эти годы!.. Вот как распространяется эта проклятая коричневая зараза!..»

— Тихо! — рявкнул он. — Скажи еще слово, и я прикажу запереть тебя в ящик из-под тушенки!.. — Он резко повернулся и крикнул: — Часовой!

— Сэр? — часовой, старший матрос с кобурой на поясе, появился в дверях.

— Если пленный сделает попытку выйти из каюты, — строго сказал он, — стреляйте.

Лицо матроса оставалось безучастным, но глаза скользнули по немцу, выразив испуганный интерес.

— Есть, сэр! — И он исчез за дверью.

— Я офицер германского ВМФ... — начал было фон Хельмут. Лицо его выражало презрение и беспокойство.

— Ты прежде всего негодяй, — оборвал его Эриксон, ощутив новый приступ гнева и удивляясь этому дикому чувству. — Мне не очень хочется доставлять тебя в Англию, — медленно и четко выговорил он, — можем похоронить тебя сегодня же к вечеру... Так что смотри. Смотри!

Он повернулся и вышел из каюты. И тут понял, что страшно устал.

После первой радости Эриксон стал неразговорчив. Локкарт, предложивший в кают-компании тост за успех, совершенно неожиданно получил от него выговор.

— Не стоит нам устраивать пьянку в море, — сказал Эриксон.

Но капитан был доволен, очень доволен успехом. Он впервые понял, что такое удовольствие победы приносит почти физическое ощущение теплоты. Он не разделял шумного возбуждения, овладевшего кораблем: радостные крики раздавались из кубриков в любой час дня и ночи. Но где-то глубоко в душе понимал, что этот успех достоин венчать 1941 год — целый год напряженного, тяжелого труда и опасностей. Теперь они одним ударом сравняли счет. Для Эриксона счет этот был личным.

Только однажды он дал волю своим чувствам. К концу похода, когда уже были близко от дома и случайно оказались рядом с «Вайперосом». Поток льющих из громкоговорителя поздравлений ослабил в нем какую-то пружину. Его охватило мальчишеское чувство благополучия и веселья. Он взял в руки микрофон.

— Хотите посмотреть на немцев? — обратился он к «Вайперосу» через двадцать ярдов разделявшей их воды. — Их самый раз проветрить... А ну извлеките их снизу, старпом, — добавил он, обращаясь к Локкарту. — Постройте на полубаке.

Вскоре пленные стали подниматься по трапу.

— Жалкая публика, — извиняющимся тоном произнес Эриксон в микрофон. — Полагаю, что мы выиграем войну. А вы как думаете?

Часть IV. 1942 год. РУКОПАШНАЯ

Старый год был для корвета удачным лишь победой над немецкой подлодкой. Для Британии год этот отмечен жестокими катастрофами. Таким оказался и следующий год. Потери ВМФ двух союзных стран выражались огромными цифрами: Британия потеряла два крупнейших корабля — «Принца Уэльского» и «Рипальса» — за одну бомбардировку, а Америка получила в Пирл-Харборе такой удар, что лишилась сразу половины дей-

ствующего флота. Нападение японцев втянуло Америку в войну и сделало союзником в самый критический момент. Но Атлантика так и не стала главной заботой Штатов. Эта линия жизни всегда оставалась делом британского и канадского ВМФ. Америка занималась Тихим океаном, стараясь остановить яростный натиск японского наступления. На ринге Атлантики оставались все те же бойцы. Битва между кораблями боевого охранения и немецкими подводными лодками вступила в четвертый, самый кровопролитный раунд.

С «Компас роуз» происходили такие истории, которые надолго отпечатывались в памяти.

Был случай с «Мертвым Рулевым» (все исключительные события получали свои названия). Это происшествие имело театрально-фантастический оттенок и заставило Мореля хладнокровно сказать:

— Мы вступили в страну Летучих Голландцев.

Первым увидел спасательную корабельную шлюпку Бейкер, стоявший утреннюю вахту. Она быстро и смело шла поперек курса конвоя. Вой сирен кораблей, вынужденных менять курс, чтобы избежать столкновения, сопровождал ее. На мостик вызвали капитана. Эриксон разглядывал шлюпку в бинокль. Она была в море, должно быть, уже много дней. Краска на корпусе пузырилась. Парус, прорванный и выцветший, превратился в тряпку. Но на корме сидел матрос, вцепившийся в румпель, и уверенно держал курс: парусное судно имело право проходить первым.

Все думали, что он направляется к «Компас роуз». Хотя рулевой и заставил поволноваться капитана, со стороны это выглядело совершенно разумным: корабли охранения были лучше оборудованы для спасения пострадавших. Вполне возможно, что моряк хорошо знал об этом. Эриксон остановил корабль и стал ждать, когда подойдет шлюпка. Она держала устойчивый курс, но неожиданно под сильным порывом ветра вильнула в сторону и прошла прямо за кормой «Компас роуз». Стоявший у бомбометателя матрос бросил одинокому рулевому конец, а команда стала кричать, чтобы тот остановился. Однако рулевой и не подумал схватить конец. Даже взгляда не поднял. Лодка стала удаляться.

— Он совсем оглох, — ошеломленно сказал Бейкер. — Но не может же он быть одновременно и слепым!

— Это самый глухой человек на свете, — угрюмо сказал Эриксон, скомандовав: «Малый вперед» — и пошел следом за шлюпкой. Корвет медленно нагнал и остановил ее, закрыв от ветра. Кто-то бросил со шкафута конец с крюком. Лодку подтащили к борту.

Матрос терпеливо сидел на месте и, казалось, не замечал их.

Старший матрос Филиппс прыгнул в мягко покачивающуюся лодку и улыбнулся рулевому.

— Ну, ну, дружище! — ободряюще крикнул он и, удивленный безразличием сидящего, низко наклонился, протянув руку. Когда Филиппс выпрямился, лицо его посерело.

Он взглянул на Локкарта, ожидавшего на шкафуте.

— Сэр, — начал было моряк, но вдруг перегнулся и стал блевать за борт.

Эриксон первый догадался обо всем. Рулевой был давно мертв и странствовал по морю много дней. Босые ноги его распухли, лодыжки стали тонкими, а рука, держащая румпель, походила на скрюченную куриную лапку. Пустые глазницы, которые с такой смелостью глядели вперед, давно выклевали морские птицы. Лицо почернело и сморщилось от горячего солнца, от холодных ночей и ветра.

На лодке не оказалось ни карты, ни компаса. В разохшейся бочке не было ни капли воды. Кто знает, сколько времени шлюпка продолжала свой бессмысленный поход. Одинокая, идущая в открытое море, прочь от земли.

Был еще случай с «Разбомбленным Кораблем».

Все началось в сердце океана с очень непонятной радиограммы. Удалось разобрать сигнал SOS и координаты терпящего бедствие судна: миль на 400 к северу от курса конвоя. Все остальное было просто кучей кодовых знаков, из которых выловили отдельные слова: «бомбардировка», «пожар», «покидать». «Вайперосу» не хотелось отпускать корабль охранения на такой дальний и ненадежный поиск. Не было и уверенности, что координаты точны. Возможно, это могло оказаться и хитростью немецкой подлодки. Такое уже не раз случалось. Но «Вайперос» решил на этот раз рискнуть и дал сигнал «Компас роуз»: «Осуществляйте поиск согласно SOS, полученному сегодня в 13.00. До свидания».

Корвет изменил курс на 90 градусов к северу и шел так 26 часов подряд.

«Компас роуз» бороздил море всю ночь и все следующее утро, но не встретил ни мачты, ни клочка дыма. В море находились сотни кораблей, и все же казалось, что вся Атлантика принадлежит только одному корвету.

На листе миллиметровки Эриксон начертил несколько квадратов с гранями в семь миль каждый. В одном из них должен был находиться корабль. Каждые два часа корвет отклонялся к северо-востоку на семь миль.

Холодило. Спустилась темнота. Час за часом. Повалил снег. А экран локатора был пуст. Их беспокоила погода. Ветер усилился. Это было реальностью. Потерпевший же корабль был мифом.

Теперь в старательно и детально разработанной схеме поиска они не видели и доли здравого смысла. К полуночи начался настоящий буран. К четырем часам утра, когда Локкарт поднялся на мостик принимать утреннюю вахту, стало обжигающе холодно.

— Не видно их там? — спросил он Мореля.

— Ничего похожего... Если они сейчас в море, помоги им господи.

«Ничего похожего» тянулось все утро. Потом еще до полудня. В полдень ветер ослаб, а снег почти прекратился. Поиск занял уже двое суток. За последние сутки они прочесали

600 квадратных миль. Едва ли приказ обязывал их к большому...

— Я вспомнил, что сегодня день святого Валентина, — сказал Ферраби Бейкеру.

— Запишите это в бортовой журнал, — проворчал Эрик-сон. — Больше туда записывать нечего.

Четкое изображение на экране радара поначалу не привлекло их внимания. Но это был корабль. Корабль, который они искали. Они наскочили на него неожиданно — до самой последней минуты его маскировал несущийся по ветру снег, который так и просился на рождественскую открытку. Небольшой старенький пароход со шведской эмблемой на трубе. Он был оставлен и дрейфовал по ветру, как жалкий бродяга, продирающийся сквозь толпу. Корабль имел большой крен. Мостик и носовая часть опалены огнем и почернели от копоти. Одной спасательной шлюпки не было. Вторая, пустая и наполовину перевернутая, повисла над водой.

«Компас роуз» медленно обошел вокруг, готовый ко всему. Но с корабля не доносилось ни звука. Только тихо шелестел падающий на верхнюю палубу снег. Они включили сирену, выстрелили холостыми из пушки. Потом остановились и спустили шлюпку. Группой командовал Морель. С ним отправились сигнальщик Роуз, старший матрос Торнбридж и кочегар Ивенс. Когда шлюпка отвалила от борта, Эриксон крикнул в мегафон:

— Корабль слишком заметен. Не волнуйтесь, если потеряете нас из виду.

Морель молча махнул рукой. Он не думал уже о «Компас роуз». Он думал о том, что увидит на палубе заброшенного корабля. И волосы его при этом вставали дыбом.

«Я вовсе не гоюсь для подобных экспедиций, — думал он, пока шлюпка пересекала узкое пространство воды, отделявшее «Компас роуз» от потерпевшего корабля. — Не гоюсь я осматривать оставленные, окровавленные корабли и другие жестокие следы разрушений...» Но Торнбридж уже прыгнул с концом в руке на косую палубу и быстро привязал шлюпку. Морелю оставалось лишь последовать за ним.

Морель поднялся на палубу и остановился. Затем сказал кочегару Ивенсу:

— Ступайте вниз, посмотрите, много ли воды в трюме. — Затем обратился к Торнбриджу: — Оставайтесь у лодки, — а сигнальщику Роузу приказал: — Пойдете со мной.

И они пошли, оставляя на палубе цепочку следов, свежую и аккуратную. Вокруг мертвая тишина. Увидели мостик, принявший на себя страшную силу прямого попадания бомбы. Там, видимо, начался небольшой пожар. Следы еще одного пожара виднелись между баком и полубаком. Трудно было определить, сколько человек находилось на мостике во время взрыва. Скорее всего там было человек шесть. Теперь от них остались одни разорванные куски, перемешанные с кровью и обрывками ткани.

«Когда папаша красил стены, не думал вовсе о таком...» — про себя бормотал Морель слова глупой песенки. Рука рулевого все еще сжимала штурвал. Но только рука. Она вырастала из пустоты. Клочки одежды, волос и внутренностей были всю-

ду, куда ни повернись. На одной из переборок отпечатался силуэт головы.

— Ты умер с открытым ртом, — произнес Морель. — Надеюсь, ты говорил что-нибудь вежливое.

Он прошел на открытую сторону мостика, высоко торчащую над водой, и осмотрелся. Падал снег. Медленно, лениво, покрывая поверхность моря холодной пылью, перед тем как растаять. Предвечерний свет постепенно мерк. На секунду появился «Компас роуз». И тут же исчез. Морель повернулся к Роузу, стоявшему в ожидании приказаний с сигнальным фонарем в руке. Они посмотрели друг на друга. Лица обоих выражали одинаковую сосредоточенность.

— Пойдем послушаем, что сообщит Ивенс, а потом пошлем сигнал.

Корабль нужно тащить на буксире. Хотя машинное отделение и трюмы затоплены, корабль еще долго мог держаться на плаву. Примерно такой сигнал Роуз и передал на «Компас роуз».

Эриксон решал: сразу брать корабль на буксир или сначала поискать шлюпку с командой. После таких двух холодных ночей оставалось мало надежды, что команда уцелела. Но если корабль был на плаву, то еще один день поисков не имел значения. Морелю лучше остаться на месте. Он присмотрит за кораблем, да и прибрать там нужно...

— Оставайтесь на борту, — просигналил Эриксон Морелю. — Отправляюсь искать шлюпку. Вернусь утром.

Надвигалась ночь. Пробыть на этом плавающем гробу более двенадцати часов, глазеть на снег, слушать море в компании духов... Морель позвал Торнбриджа, Ивенса и отправился с ними на мостик.

Морелю никогда не забыть той ночи. Они убрали мостик. Работали молча, сдерживая дыхание и стараясь не глядеть на свою работу. Все, что они выбрасывали за борт, исчезало в милосердной пучине. Только однажды молчание нарушил Торнбридж.

— Жаль, что нет шланга, сэр...

Они состряпали ужин из неприкосновенного запаса, взятого в лодке, вскипятили чай на спиртовой плитке, найденной на камбузе. Затем устроились на ночь в тесной штурманской рубке позади мостика. Там были матрацы, одеяла и лампа, которая давала немного тепла.

Морель не мог уснуть и вышел на верхнюю палубу. Вид спящих матросов не приносил успокоения. Сон не давал облегчения, а Морель вынужден бодрствовать. Он чувствовал, что если не заснет, то наверняка найдет предлог разбудить их. Он тихонько спустился по трапу, сдерживая дыхание. Пересек полубак и рукой конспиратора отодвинул брезент, которым они завесили вход в кубрик. Шагнул вперед. Почувствовал перед собой пустоту. Зажег спичку. При ее свете увидел, что находится в кубрике, полном теней и тишины. Увидел длинный стол, уставленный тарелками с недоеденными порциями тушенки, надкусанные куски хлеба, разбросанные ножи и вилки. Люди, которые побросали ножи и вилки, теперь наверняка мертвы. «Я мыслю банально», — подумал он, когда догорела

спичка, и вышел. Но эти стандартные мысли производили не меньше впечатления, чем мысли оригинальные. Действительность давила фактами.

Преследуемый призраками, Морель пошел по верхней палубе на корму. Ветер жалобно выл в снастях. Очень близко, почти под ногами, плескалась вода. Под открытым небом Морелю тоже не было успокоения. А вдруг корабль вовсе не покинут? Вдруг какой-нибудь помешанный бросится на него с топором из темного угла? Или он увидит свежие отпечатки следов на снегу, где не ступал никто из них?

Неожиданно возле мачты метнулась тень. Руки Мореля в карманах куртки нервно сжались в кулаки. Тень ускользала от него.

— Стой! — рявкнул Морель.

Кот мяукнул и скрылся.

Пришло утро, а с ним и «Компас роуз». Эриксон не сообщил ничего утешительного. Корвет не нашел ни шлюпки, ни команды. Да и Морелю нечего было докладывать. С корвета бросили легкий линь, а потом и тяжелый буксирный трос. На борту разбомбленного корабля не оказалось брашпиля, который помог бы поднять этот трос. Морелю со своей командой пришлось вытягивать его вручную, фут за футом. Им казалось, что они его никогда не втянут. Наконец трос закрепили. Дали сигнал. Буксировка началась.

Они делали менее трех миль в час и ползли целых десять дней. Утром, едва рассветало, Морель приветственно махал Локкарту. Каждый вечер, когда Локкарт проверял затемнение корабля, он махал Морелю на прощание. День за днем, ночь за ночью корабли ползли по морю. Связанные пуповиной буксира, оба являлись легкой мишенью для любой подлодки. В самом устье Мерсу они наконец расстались. Морель поднялся на борт, словно пробудился от кошмарного сна.

— Жалко было расставаться? — иронически спросил Локкарт Мореля, едва тот поднялся на мостик.

— Нет, — ответил тот, потирая выросшую за десять дней щетину. — Нет, не жалко, — он обернулся и поглядел на корабль, с которым возились портовые бункера. — Я скажу, что каторжник, скучающий по цепям, является плодом больной фантазии писателей.

Был и такой случай, которому не дали определенного названия. Моряки говорили о нем как о «Встрече Капитана». В тот раз они шли с конвоем в Гибралтар, и конвой этот следовал скверной традиции всех гибралтарских конвоев: по пути на юг они постоянно теряли корабли. Стая подлодок следовала по пятам. Эриксон проявлял большой интерес к кораблю, шедшему во главе конвоя. Он частенько направлял туда бинокль и подолгу смотрел на него.

На рассвете последнего дня с «Вайпероса» пришел сигнал: «Прошлой ночью потоплены следующие корабли: «Форт Джеймс», «Эрискей», «Буллет Мейнер», «Глен Маккуртон». Соответственно измените список конвоя».

Когда Эриксон прочитал сигнал, то остался на мостике еще

час, молча глядя на поредевший конвой. Потом вдруг сказал Уэлльсу:

— Передайте: «Кораблям сопровождения от «Компас роуз», Прошу сообщить о потерпевших с «Глен Маккуртон», находящихся у вас на борту».

Ответные сигналы поступали очень медленно, но капитан ничем не выдавал своего нетерпения. «Вайперос» и два других корабля сообщили: «Ноль». Замыкающий корвет просигналил: «Два матроса и кочегар-китаец». Корабль, который занимался спасательными работами, прислал ответ: «Старпом, два матроса, один кочегар и пять матросов-индейцев». Это все. «Глен Маккуртон», должно быть, затонул очень быстро. Стоявший на вахте Ферраби робко произнес:

— Немногих спасли, сэр.

— Да, немногих, — отозвался Эриксон, посмотрел на горизонт за кормой, потом подошел к стулу и тяжело опустился на него.

Вскоре шедшее в самом хвосте каравана торговое судно стало передавать им сигнал. Уэлльс записывал, нетерпеливо бормоча себе под нос: очевидно, мастерство его коллеги сильно отличалось от привычных военно-морских стандартов.

— Сигнал с польского судна, сэр, — доложил он Эриксону. — Немножко сумбурный... «Мы видели ваш сигнал. У нас имеется один человек с того корабля».

— Спросите кто, — приказал Эриксон спокойным голосом, но с таким напряжением, что присутствующие на мостике с удивлением уставились на капитана.

Уэлльс замигал прожектором, передавая сигнал. Делал он это очень медленно, с частыми паузами и повторениями. Потом шло длительное ожидание. Уэлльс читал ответ поляка слово за словом.

— «Этот человек, — начал он, — четвертый помощник, — и стал произносить букву за буквой Э р и к с о н». — Уэлльс оторвал взгляд от сигнального прожектора: — Эриксон. Фамилия как у вас, сэр.

— Да, — сказал Эриксон, — спасибо, Уэлльс.

Был еще случай со скелетами. Это произошло под вечер, когда «Компас роуз» возвращался с поиска упавшего в море самолета. Они не нашли ни самолета, ни его следа. «Вайперос» передал по радио приказ: «По получении присоединиться к конвою». И корвет спешил догнать конвой до наступления темноты. Море было гладким, как стекло. Небо совершенно чистое, голубого цвета. Обнаженные по пояс матросы болтались на палубе, наслаждаясь последними часами жаркого солнца. Так иногда бывало в походе. Вдруг оператор радара доложил, что за несколько миль в стороне от курса обнаружена «подозрительная цель». Корвету пришлось повернуть к ней.

— Цель очень маленькая, — словно оправдываясь, сказал оператор. — Расплывчатая.

— Посмотрим, — обратился Эриксон с улыбкой к Морелю, когда тот вызвал его на мостик. — Кто знает значение слов «небольшая» и «расплывчатая»?

— Быть может, это просто обломки, сэр. Или только что всплывшая подлодка, как тогда? — ответил он.

— Или морская свинья, — добавил Эриксон, который сегодня был в хорошем настроении. — А может быть, и морская капуста, по которой прыгают блохи. Какая досада, однако, черт побери! Не хочется терять время.

Но находка задержала их ненадолго. Уэлльс — лучшая пара глаз на их корабле — первым разглядел черные штришки на поверхности, постепенно выросшие в человеческие плечи и головы.

— Никак потерпевшие?! — воскликнул Эриксон. — Бог мой, сколько же они проторчали в море?

Эриксон приказал сбавить ход. Ему показалось странным, что ни один из бедствующих не попытался плыть навстречу. Но вскоре разглядел в бинокль, что это были скелеты, высоко поднятые над водой спасательными жилетами, словно сбившиеся в кучу люди, ожидающие автобуса, который уже ушел двадцать лет назад. Их было девять. «Компас роуз» сделал круг, подняв пенный бурун. Трупы стали подпрыгивать и кланяться друг другу в каком-то дьявольском танце.

Все заметили, что трупы связаны веревкой. Потертая скользкая веревка соединяла их. Волна от винта корвета догнала мертвецов и отделила от кружка два трупа. Веревка с плеском дернулась и натянулась. Остальные закачались, закивали, словно одобряя такое проявление товарищества... «Такое и присниться-то не может», — подумал Эриксон.

— Но почему они связаны веревкой? — ошеломленно спросил Морель, когда корвет развернулся и оставил трупы за кормой. — В этом нет никакого смысла.

— А может быть, и был, — задумчиво ответил Эриксон вполголоса. — Если они находились в тонущей лодке, то могли связаться веревкой, чтобы не потерять друг друга ночью. Это давало надежду, что их найдут всех сразу.

— И не нашли, — произнес Морель после паузы.

— Не нашли. Сколько времени... — Эриксон не закончил фразы. Он подумал о том, что чувствовали оставшиеся, когда умер первый из них. И как чувствовали себя живые, когда их осталось меньше половины. И что чувствовал единственный оставшийся в живых, привязанный к восьми мертвецам...

Человек, все еще на что-то надевавшийся и понимавший, что обречен.

«Возможно, — думал Эриксон, — этот единственный сошел с ума и поплыл, таща остальных на буксире, пока не потерял силы, после чего сдался и присоединился к большинству».

И был случай, который они считали худшим из всех. Случай с «Горящим Танкером».

На борту корвета, как и любого корабля сопровождения, ходившего с конвоями через Атлантику, особым уважением пользовались моряки танкеров. Все недели похода моряки танкеров жили как на бочонке с порохом. Они возили на своих кораблях кровь войны — самый опасный из грузов. Единственная тор-

педа, единственная бомба или снаряд, даже единственная шальная пуля могли превратить танкер в пылающий факел. Это случалось много раз и в конвоях, с которыми ходил «Компас роуз». Они не раз видели, как умирают эти люди, не раз подбирали жалкие останки команды танкеров.

Такой вот нефтяной танкер и принес команде корвета самый кошмарный час за всю войну. Единственный танкер из пятидесяти судов конвоя, который шел к берегам Англии. Танкер завоевал любовь моряков с корвета за то, что был мишенью номер один всех атакующих подлодок. За три ночи немцы потопили идущий впереди него корабль, один корабль сзади и корабль, шедший за тем же номером в следующей колонне. Для корвета стало личным делом довести танкер до гавани в целостности и сохранности. Но в самый последний день похода, когда горы Шотландии уже виднелись на горизонте, танкер получил смертельный удар.

Его торпедировали средь бела дня, солнечного и прекрасного. Обычный грохот подводного взрыва, и над кораблем, который они так старательно охраняли, поднялся столб пламени и дыма. Через минуту длинный стройный корпус был охвачен пламенем.

Шедшие рядом корабли веером разбежались подальше от места катастрофы. «Компас роуз» бросился на помощь. Горящая нефть, взметенная к небу взрывом, окатила танкер языками пламени. Новые и новые тонны нефти, растекаясь по воде, поступали из разодранного торпедой корпуса. Танкер оказался в центре огромного пылающего озера. И все же в этой стене огня был просвет: огонь еще не добрался на нос и на бак. Там собралась вся команда. Маленькие фигурки, спотыкающиеся, бегущие. Видно было, как они машут руками, кричат и медлят перед тем, как прыгнуть за борт. «Компас роуз» подполз поближе. Жара стала опасной на таком расстоянии. Крики людей, ревуший огонь, пелена дыма, горящая нефть. На полубаке танкера было около двадцати человек. По одному, по двое, медленно и нерешительно, они прыгали за борт. Всплески воды, белые на темно-сером фоне корпуса корабля, показали, что все двадцать уже в воде и плывут к корвету. С «Компас роуз» неслись подбадривающие крики.

Неожиданно на корвете заметили, что растекающаяся нефть воспламеняется и движется быстрее, чем плывущие моряки. Вскоре и пловцы узнали об этом страшном открытии. Они стали кричать, предупреждая остальных, заматались в воде, словно все сразу сошли с ума.

Пламя догоняло и пожирало их поодиночке. Первыми попались те, что постарше, и те, кто не мог плыть быстро в спасательных жилетах. А уж потом — сильные пловцы без жилетов. Ни один не оказался сильнее кипящего пламенем потока. Одного за другим настигал их огонь. Облизывая, поджаривал и оставлял позади.

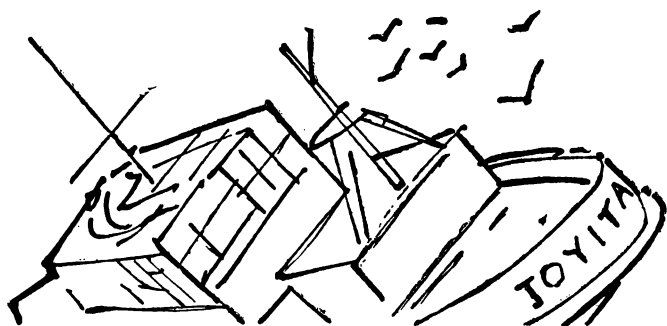
«Компас роуз» не мог подойти даже к тем, которые были почти рядом. Черные вонючие облака неслись над пловцами, затемняя солнце. Люди на верхней палубе корвета обливались потом. С грузом боеприпасов и топлива корвет не пытался спасти этих людей, взывающих о помощи. Вскоре пришлось от-

ступить еще дальше от натиска страшного жара и покинуть еще остающихся в живых.

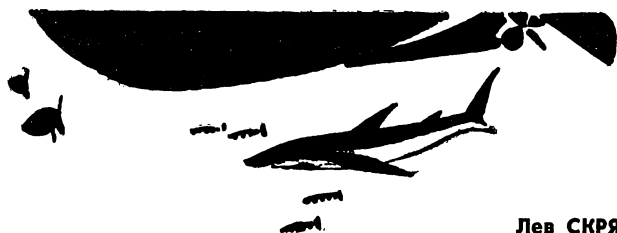
Они были бессильны что-либо предпринять. Один из впередсмотрящих, молодой матросик лет семнадцати, беззвучно плакал, глядя на огонь. Крупные слезы катились и катились по его лицу.

Когда уже спустилась ночь, на горизонте, за полсотню миль позади корвета, все еще стоял огромный столб черного дыма, по которому изредка пробегали кровавые вспышки.

(Продолжение следует)

ПИРАТЫ XX ВЕКА

Лев СКРЯГИН

«МАРИЯ ЦЕЛЕСТА» ТИХОГО ОКЕАНА

СРОЧНЫЙ ФРАХТ

Томас Миллер смело мог считать себя неудачником. И действительно — сын адмирала королевского флота ее величества, начавший службу во время войны в двадцать три года старшиной рулевых на корвете и быстро дослужившийся до капитан-лейтенанта, осенью 1955 года оказался без единого пенса в кармане, и это за тридевять земель от родного Альбиона, в далеких южных морях...

Да, денег не было. Судя по всему, он опять был вынужден телеграфировать Эллен с просьбой о помощи.

Эллен была возлюбленной Миллера, и никто на островах Южных морей точно бы не сказал, кто кому вскружил голову:

Яростные abordажные схватки... Фрегаты и галеоны, пущенные ко дну... Несметные сокровища, награбленные и зарытые в землю на дальних, затерянных островах...

Казалось бы, сегодня все это оживает лишь на страницах старинных хроник да приключенческих романов, ушли в далекое прошлое подобные эпизоды бурной морской истории человечества. Но этого нет больше лишь потому, что современные морские разбойники мало похожи на своих коллег из XVI и XVII веков. Что же касается самого пиратского промысла, он благополучно дожил и до сего дня.

Основная арена действия современных пиратов — теплые моря, омывающие берега Юго-Восточной Азии. К этим местам и относится «география» публикуемой сегодня на страницах «Искателя» подборки документальных очерков Л. Скрыгина и С. Милина.

она ему или он ей. На Фиджи поговаривали, что якобы он ей... Огромного роста, отлично сложенный, голубоглазый, он нравился многим женщинам. Загорелый, в капитанской фуражке, он вполне мог бы сниматься в фильмах в ролях морского волка и затмить самого Эрла Флина или даже Кларка Гэйбла.

Она — Эллен Кристина Лаулала из Финляндии — тоже была недурна собой: тридцать четыре года, отличная спортсменка, к тому же доктор наук, антрополог, приглашенная Гавайским университетом читать в Гонолулу лекции.

Они познакомились года три назад, когда Эллен с группой студентов-практикантов попала на борт теплохода, который вел Миллер (тогда дела у него еще шли неплохо) из Гонолулу на острова Гилберта. Они полюбили друг друга с первого взгляда. Решив соединить свои судьбы в браке, оба ждали, когда из далекого Кардиффа придет официальное извещение на расторжение брака Томаса и его жены Джейн.

Несмотря на убедительные письма Миллера, уже несколько лет назад бросившего семью, жена развод не давала. Томас ждал.

Осенью 1952 года Эллен на аукционе купила старый тунцелов «Джоиту» и сдала его своему возлюбленному в аренду. Ободранное, запущенное судно стояло до этого на приколе почти два года. Цена была умеренная, и Миллер, понимавший толк в кораблях, сумел убедить Эллен, что это настоящая находка. Вложив в это свои последние сбережения, Миллер провел капитальный ремонт «Джоиты». Он сам перебрал двигатель, привел в порядок все вспомогательные механизмы — электромоторы, насосы и приводы, отремонтировал корпус, переоборудовал трюмы и заново покрасил борта. В октябре 1952 года он подписал контракт с промысловой фирмой «Рыболовство островов Феникс», и тут началась полоса его неудач. Сначала неприятности с администрацией компании из-за не совсем верно оформленных документов...

Наконец он вышел на «Джоите» в море. Но неудачи продолжались. Когда он привозил в Гонолулу богатый улов отличной макрели, скупщики фирмы требовали тунца. Когда же ему везло на тунца и он радостный возвращался в порт, то оказывалось, что туземные рыбаки уже заполнили тунцом все рыбные рынки...

Попытки Миллера наладить деловой контакт с конторами фирмы «Ван кэмп тыюна компани» на островах Рождества, на Самоа тоже ни к чему не привели... Итак, осенью 1955 года Миллер сидел без работы, как говорится, «на биче». «Джоита» стояла в порту Апия на острове Саваи... Деньги кончились, и Миллер вынужден был распустить свою команду. Ему даже нечем было заплатить за аренду причала. Частные кредиторы толпой осаждали капитана-неудачника. Чтобы рассчитаться с долгами, он брался за любую работу на берегу: заправлял и мыл машины, составлял финансовые расчеты, обучал туземных рыбаков обращению с дизелем. Вечерами он крепко пил, но к ночи всегда возвращался на «Джоиту», опасаясь, что туземцы в его отсутствие разграбят судно.

В порту ходили слухи, что власти вот-вот конфискуют корабль за неуплату долгов. Но в тот день, когда Миллер уже снова собирался послать телеграмму Эллен, его ожидала наконец удача — у сходней на причале, прижатый кокосовым орехом, лежал белый конверт. В нем была записка: «Капитан Миллер! Вас просят зайти в правление порта для переговоров. Администрация».

В правлении Миллер с радостью услышал:

— Капитан, мы решили предложить вам срочный фрахт. Вам надлежит доставить на острова Токелау груз медикаментов, провизии и пассажиров. На обратном пути вы примете там семьдесят тонн копры. Третьего октября вы должны выйти в море. Аванс для найма команды и бункеровки получите у господина Аппазу.

Конечно, Томас Миллер был на седьмом небе. Из конторы порта Миллер отправился к своему бывшему стармеху Чуку Симсону. Американский индеец по происхождению, бог весть какими ветрами занесенный на Самоа, Симсон был необходим Миллеру — нужно было быстро набрать команду.

Первого октября 1955 года «Джоита» стала под погрузку. В ее трюмы уложили несколько ящиков медикаментов, пятьдесят мешков сахара, десять мешков риса и сорок бочек газолина. Помимо экипажа в пятнадцать человек, в плавание отправлялись врач госпиталя в Апия, два чиновника компании «Фиджи кокос», которая решила закупить на островах Токелау копру, и шесть туземцев с островов Гилберта и Токелау.

С рассветом третьего октября 1955 года, в понедельник, «Джоита» вышла в рейс.

ТРИДЦАТЬ СУТОК ПОИСКОВ

На острова Токелау «Джоита» не прибыла. Не вернулась она и в Апия...

Сначала решили, что Миллер, перед тем как доставить пас-

сажиров и груз на Токелау, взял курс на Гонолулу. «Захотелось этому бродяге навестить свою ученую красотку», — сетовали грузоотправители.

Прошло трое суток, и с Гавайских островов пришла радиogramма: «Джоита» здесь не появлялась». Узнав, что Миллер исчез, Эллен Лаулала обратилась к командованию базы новозеландских военно-воздушных сил на островах Фиджи с просьбой приступить к поискам ее возлюбленного. Через несколько часов с глади залива острова Вануа-Леву в воздух поднялись три военных гидросамолета. Новозеландские летчики тщательно обследовали восемьдесят шесть тысяч квадратных миль океана в районе островов Самоа, Токелау, Гильберта, Эллис и атолла Суворова.

«Джоиту» искали также несколько частных спортивных самолетов и вертолетов, а на пятые сутки по ее маршруту на Токелау вышел американский грузовой теплоход «Мэнузель». Ничего не найдя, он обследовал побережье островов Футуна, Боскауэн, Ниуо-Фуо и острова Роз. Но и на этот раз поиски ни к чему не привели. По поводу загадочного исчезновения «Джоиты» радио и пресса Гавайских островов высказали немало всякого рода догадок и предположений. Моряки и рыбаки, знавшие капитана Миллера и его прекрасное судно, считали, что «Джоита» затонуть не могла. Им хорошо было известно, что корабль не раз попадал в самые свирепые ураганы и всегда возвращался в порт. К тому же, по сведениям всех гидрометеорологических станций, в районе Самоа — Токелау ни ураганов, ни штормов в те дни не отмечалось. Более вероятной причиной гибели судна мог быть тропический смерч или подводное землетрясение. У всех в памяти было свежо происшествие с небольшим грузовым теплоходом «Хифафа», который за шесть месяцев до выхода «Джоиты» в роковое плавание на Токелау, в тех же водах оказался в зоне действия сильного подводного землетрясения. Оно, как и бывает в открытом океане, вызвало так называемое «моретрясение». Небольшое судно было подброшено вверх. При этом «Хифафа» едва не перевернулся, а трое из сорока туземцев, находившихся на его палубе, оказались за бортом в страшной сумятице волн, которая продолжалась несколько минут. Подобные случаи в тех водах — далеко не редкое явление.

Не найдено было никаких следов «Джоиты». Но ведь если бы она погибла на прибрежных рифах, то волны наверняка выбросили бы на один из многочисленных островов или атоллов деревянные обломки, металлические бочки с газOLIном, спасательные пояса или трупы людей. И, наконец, если бы судно оказалось в бедственном положении и ему грозила неминуемая гибель, то Миллер наверняка передал бы в эфир SOS. Ведь на борту «Джоиты» имелась мощная рация военного образца. Но в те дни ни одна радиостанция островов и ни одно находившееся в том районе океана судно сигнал бедствия не получали. И лишь рыбаки атолла Батани нашли спасательный круг «Джоиты». Как он мог оказаться на этом атолле, расположенном на много миль к западу от пути, по которому должна была пройти «Джоита»? Ведь сильное течение наверняка отнесло бы его на восток. Но тем не менее находка была доставлена

в Апия. Пробковый спасательный круг с надписью «Джоита. Гонолулу» — вероятно, единственный немой свидетель разыгравшейся драмы — был повешен на стену в конторе морского управления островов Фиджи.

После тридцати дней тщетных поисков «Джоиты» и находившихся на ее борту людей на островах Фиджи, в порту Сува, чиновники морского управления составили акт о том, что грузовой теплоход «Джоита» под командованием капитана Миллера, имея на борту двадцать пять человек и груз, вышел 3 октября 1955 года из порта Апия на острова Токелау и пропал без вести.

На этом печальная история «Джоиты» могла бы и закончиться. Но судьбе было угодно распорядиться иначе...

НАХОДКА КАПИТАНА ДУГЛАСА

Погода явно портилась. С утра тяжелые темно-серые тучи затянули небо, и море приобрело мрачный свинцовый оттенок. Шестибалльный норд-вест разводил сильную пологую волну, срывая с гребней белую пену барашков. Со стороны островов Эллис надвигался туман. Он ограничивал видимость до ста метров. С каждым часом капитану Дугласу становилось все труднее удерживать судно на курсе. Мощные валы с дьявольской последовательностью разбивались о тупой нос теплохода «Тувалу», каждые полминуты застилая серо-зеленоватой пеленой иллюминаторы ходового мостика.

Перестал работать стеклоочиститель. Теперь Гарольду Дугласу каждые три-четыре минуты приходилось выходить на крыло ходового мостика и смотреть за горизонтом, всякий раз принимая холодный душ соленых брызг. До атолла Фунафути оставалось еще около шести часов трудного плавания, барометр продолжал падать, и капитан понял, что при таком волнении и тумане войти в лагуну атолла почти невозможно. Будь видимость нормальной, он мог бы войти в атолл по створу знакомых пальм. Проклятый туман скрыл пальмы из поля зрения. «Придется отстояться на якоре до рассвета, — подумал Дуглас, — рисковать нет смысла, ведь из-за погоды эти лентия все равно не успеют подготовить груз». Со злостью толкнув окованную медью дверь рубки, капитан снова вышел на крыло мостика. Сквозь серую пелену тумана, прижатую низкими рваными тучами, он неожиданно увидел на фоне темных волн белую точку. Открыв дверь рубки, Дуглас крикнул матросу, чтобы тот дал ему бинокль. Сквозь сине-фиолетовые стекла прибора он ясно различил небольшое судно. Оно сильно кренилось на правый борт, и его заливали трехметровые волны. С каждым надвигающимся валом прибой судно поднималось, раскачивалось и снова плавно опускалось. При этом крен его не менялся. Судно терпело бедствие: капитан Дуглас тут же передал вниз машинным телеграфом команду: «Стоп. Малый вперед!»

«Тувалу», сбавив ход, осторожно, как бы крадучись, начал с наветренной стороны подходить к неизвестному бедствующему судну. И вдруг Дугласу стало ясно, что накренившееся судно — это... «Джоита»... Дуглас не мог ошибиться, ему стоило

только взглянуть на ходовой мостик (он помнил, как помогал Миллеру сооружать верхнюю надстройку).

Подойдя еще ближе, Дуглас без бинокля прочитал на корме судна слова: «Джоита. Гонулулу». Да, это была «Джоита», которую так упорно искали на всех островах и атоллах целый месяц!

— Эй! На «Джоите»! Откликнитесь. Что у вас случилось? — крикнул капитан «Тувалу» в мегафон. Ответа не последовало. В вантах и антенне по-прежнему свистел ветер, шлепались на палубу брызги, за бортом монотонно плескался океан.

— Э-эй! Миллер! Что у тебя случилось? Отзовись! — продолжал взывать Дуглас. Но ответа по-прежнему не было. Поняв, что на борту «Джоиты» никого нет, Дуглас приказал радисту выйти на радиотелефонную связь по второму каналу с управлением порта Сува. Не прошло и десяти минут, как в порту было принято официальное сообщение капитана Дугласа. В нем говорилось: «10 ноября, в 18 часов 17 минут, следуя очередным рейсом из Сувы на атолл Фунафути, во время надвигающегося шторма в 187 милях к северу от Фиджи я обнаружил «Джоиту». Судно наполовину залито водой, с креном более 45 градусов, дрейфует под ветер. Людей на палубе не видно. Мои попытки вызвать их с помощью мегафона ни к чему не привели. Полагаю, что капитан Миллер, его команда и пассажиры покинули судно. Жду ваших указаний. Прием».

Через минуту-другую моряки теплохода «Тувалу» услышали сквозь потрескивание грозových разрядов ответ из порта Самоа:

«Капитан Дуглас, спасибо за сообщение. Наконец-то «Джоита» нашлась! Через полчаса к ней выходит спасатель «Деджей». Желаем счастливого плавания».

Через тридцать шесть часов, когда шторм утих, океанский буксир «Деджей» привел полузатопленную «Джоиту» в Суву. С этого дня летопись мирового мореплавания пополнилась еще одной тайной. Так началось дело второй «Марии Целесты» — «Целесты Тихого океана»*.

СЛЕДСТВИЕ НАЧИНАЕТСЯ

Когда моряки буксира «Деджей» подошли на вельботе к «Джоите», они увидели, что судно почти лежит на левом борту с креном уже более пятидесяти градусов, почти затопленное. На «Джоите» не было ни одной живой души.

Поняв, что судно благодаря пробковой изоляции трюмов и множеству пустых бочек будет держаться на плаву, капитан «Деджея» решил буксировать найденное судно в Суву. Шторм уже стих, и операция завершилась вполне успешно.

В день прихода «Деджея» морское управление островов Фиджи назначило комиссию, которой предстояло расследовать обстоятельства исчезновения людей и выяснить причины бедствия. В нее вошло портовое начальство, представители британского «Ллойда», главный шериф острова Вити-Леву, один инженер и два механика судоремонтного завода Сувы. Тщательно об-

* Очерк Л. Скрыгина «Мария Целеста» публиковался в «Искателе» № 6 за 1967 год.

следовав судно, комиссия в своем протоколе записала следующее:

«1. «Джоита» была замечена капитаном теплохода «Тувалу» Г. Дугласом близ островов Эллис, в 187 милях к северу от островов Фиджи. Судно было найдено полузатопленным, с креном на левый борт более 50 градусов, без людей.

2. При осмотре трюмов судна выяснилось: сорок бочек с газOLIном оказались пустыми. Из пятидесяти 156-фунтовых мешков сахара в трюмах обнаружено шесть. Исчезло 10 мешков риса. Пустые мешки для копры оказались на месте — в кормовом трюме.

3. Деньги — 960 фунтов стерлингов в банкнотах и 50 фунтов в монете, — принадлежавшие представителю компании «Фиджи кокос» господину Вильямсу, исчезли.

4. На борту судна не оказалось ни вахтенного журнала, ни каких-либо других судовых документов, ни штурманских карт, а также каких-либо навигационных приборов и инструментов.

5. Как радиопередатчик, так и приемник «Джоиты» находятся в рабочем состоянии. Первый из них в момент осмотра судна командой «Деджея» был настроен на международную частоту бедствия.

6. Личные вещи (исключая оружие), принадлежавшие капитану Миллеру, команде и пассажирам, целы.

7. На борту судна отсутствуют все спасательные средства — два деревянных плота и 40 спасательных нагрудников.

8. По данным заправочной станции фирмы «Сакони ойл», в Суве перед выходом в рейс из Апия на острова Токелау «Джоита» приняла 2640 галлонов дизельного топлива. После буксировки в Суву из ее топливных танков откачали 2332 галлона газOLIна. Из этого можно заключить: дизель «Джоиты» остановился, когда она достигла точки координат где-то в 30 милях от Фукаофо. По нашему мнению, это произошло (при непрерывной работе дизеля судна) около полуночи 4 октября 1955 года.

9. Корпус судна не имеет ни пробоин, ни трещин. Причины затопления — лопнувший трубопровод системы водяного охлаждения вспомогательного двигателя. По нашему подсчету, через него внутрь судна могло поступать 2000 галлонов воды в час.

10. Тщательное обследование верхней палубы, машинного отделения, капитанской каюты и всех жилых и грузовых помещений судна дают основания считать, что какие-либо следы борьбы, насилия или кровопролития отсутствуют. Остатки пищи позволяют сделать вывод: после 4 октября, когда дизель остановился, люди не покидали судна в течение еще нескольких дней».

...Таково было заключение комиссии, сделанное после осмотра судна, когда из него откачали воду. Как только эти десять пунктов протокола сделались достоянием репортеров газет и корреспондентов радио, о загадочной судьбе капитана Миллера и его двадцати четырех спутников заговорили на всех островах южной части Тихого океана. Для телевидения Гонолулу это происшествие явилось сенсацией № 1 1955 года. Капитану Миллеру и его любви к Эллен Луалале комментаторы уделяли время, которое владельцам торговых фирм показалось бы королевской роскошью. Ведь им приходилось платить тысячи долларов за

считанные минуты телерекламы. Комиссия же по разбору дела, не обращая внимания на газетную шумиху, продолжала свою работу. Эксперты приступили к делу, как говорится, «с азов».

Прежде всего ими было отмечено одно обстоятельство: «Джоита» была единственным частным судном, имевшим право свободной торговли между островами южной части Тихого океана.

Используя свои многочисленные деловые знакомства, а также благодаря кое-какой помощи своей возлюбленной, Миллеру удалось добиться у таможенных властей Новой Зеландии, США, Англии разрешения на право свободного плавания между островами южной части Тихого океана.

ЭКСПЕРТЫ ЗАХОДЯТ В ТУПИК

Следственной комиссии экспертов, которая разбирала дело «Джоиты», Томас Миллер был хорошо известен как с положительной, так и с отрицательной стороны.

Прежде всего это был независимый, отзывчивый и очень добрый человек. Более знающего навигатора, пожалуй, вряд ли можно было сыскать в Южных морях. Помимо английского диплома капитана дальнего плавания, Миллер имел еще два: механика-дизелиста и радиста. На самых отдаленных архипелагах и атоллах у Миллера имелись друзья. Его везде принимали как родного брата, будь то белые или туземцы Океании.

В то же время многочисленные записи и протоколы со штрафами в журналах различных таможенных управлений красноречиво говорили, что капитан Миллер был склонен ко всякого рода авантюрам — контрабандной торговле огнестрельным оружием, наркотиками, спиртом, сигаретами. Многие знали, что если «Джоита» вышла в море на тунца, то это еще не значит, что она вернется с уловом рыбы. Бывало, что, уйдя на промысел, Миллер возвращался в порт с грузом кокосовых орехов или копры, которую ему якобы «подарили».

Нередко в трюмах «Джоиты» таможенные власти обнаруживали неизвестных лиц, которые числились в судовом журнале Миллера под рубрикой «мои друзья»... Иногда трюмы были заняты отличным льдом, пивом в ящиках или кока-колой. На вопрос таможенных чиновников: «Откуда вы все это взяли?» — Миллер отвечал: «Это подарок моих друзей». А доставал он все это весьма просто. Сначала приводил «Джоиту» на один из заброшенных и отдаленных атоллов, у знакомых рыбаков выменивал на крючки и леску тысячи кокосовых орехов, загружал ими судно и брал курс на судоходную трассу. Придя в нужное место, он поднимал на фалах мачты два флага международного свода сигналов, обозначавших «терплю бедствие, нужна немедленная помощь», и... ложился в каюте спать. Если капитан лайнера, остановленного столь внушительным сигналом, грозился подать на Миллера в суд, последний, извиняясь, говорил: «Простите, сэр, я только что ликвидировал аварию дизеля и не успел убрать сигнал». Ежели капитан оказывался более миролюбивым, то с «Джоиты» предлагали выгодный для любого туристского судна обмен: за один кокосовый орех — три бутылки кока-колы

или одну бутылку пива. Перегрузка занимала чуть более часа, и капитаны расставались, вполне довольные друг другом.

Одним словом, подобные незаконные деяния Миллера были известны членам работавшей комиссии.

Множество неоплаченных счетов и долги капитана «Джоиты» навели экспертов на мысль о преднамеренном бегстве Миллера в Англию, к старой жене. Они пытались себе представить, что лопнувший трубопровод, исчезновение документов, денег не что иное, как инсценировка ограбления судна туземцами островов Токелау. Но это вряд ли могло иметь место в действительности. Ведь для этого Миллеру нужно было убить двадцать четыре человека и каким-то образом добраться через океан до Англии!

Многие эксперты комиссии, именно те, кто хорошо лично знал Миллера как опытейшего и знающего моряка, не хотели верить, что он и находившиеся на борту его судна люди погибли в борьбе со стихией. Почему исчезли сразу все? Почему никто не пытался спастись на судне? Ведь команда знала, что с такими трюмами и грузом газаolina, который легче воды (кстати, куда он делся потом?), «Джоита» фактически непотопляема. К тому же выписки из метеосводок ясно свидетельствовали, что во время перехода «Джоиты» с Самоа на Токелау «непреодолимые силы стихии» себя не проявили, во всяком случае, ни урагана, ни шторма не отмечалось.

Что касается так называемых, говоря языком страховщиков, «непредвиденных на море случайностей», то они могли иметь место.

«Предположим, лопнул трубопровод, и вода стала заливать судно, — рассуждали эксперты. — Неужели Миллер или Симсон, оба классные механики, не сумели устранить эту неисправность? Ведь, в конце концов, это же трубопровод не главного дизеля, а вспомогательного — дизель-генератора. Наконец, спасательные принадлежности... Куда делись два плота? Два деревянных спасательных плота, на которых могло разместиться сорок человек? Где сорок спасательных нагрудников? Если волны выкатили на берег один из спасательных кругов «Джоиты», то почему к берегу не прибило ни один из оставшихся (если они были использованы по назначению) пятнадцати нагрудников? Почему их не оказалось на борту? Где второй спасательный круг «Джоиты»? — недоумевали члены следственной комиссии.

Факт исчезновения почти всего груза, навигационных приборов, карт, оружия и денег логически наводил экспертов на мысль о мятеже, вспыхнувшем на борту «Джоиты». Мятеж со стороны экипажа отпадал, так как команду, подобранную Миллером, никак нельзя было назвать случайным сбродом: англичанин в этом вопросе всегда отличался особой щепетильностью и принимал на службу людей, достойных доверия, лично им проверенных. Если даже предположить, что бунт подняли шесть туземцев-аборигенов с Токелау и островов Эллис, то это тоже исключено! Слишком неравными были силы...

Более реальной казалась версия о нападении на «Джоиту» туземцев с Соломоновых островов, о которых в тех широтах гуляла дурная слава грабителей мирных рыбаков других архипелагов. Да, действительно, они могли подойти к «Джоите» на своих легких суденышках, забросать ядовитыми стрелами перепу-

ганных, ничего не ожидавших моряков и пассажиров судна Миллера, взять «Джоиту» на abordаж, перерезать всех, бросить их за борт на съедение акулам и разграбить судно, не успев по каким-либо причинам пустить его ко дну. Эту весьма вероятную на первый взгляд версию эксперты публично не высказывали; так, в составленном ими же акте по обследованию «Джоиты» был записан под № 10 пункт, в котором говорилось: «Тщательное обследование верхней палубы, машинного отделения, капитанской каюты и всех жилых и грузовых помещений судна дают основание считать, что какие-либо следы борьбы, насилия и кровопролития отсутствуют...» К тому же зачем туземцам Соломоновых островов сорок бочек газolina? Почему они не тронули личные вещи команды и пассажиров: перочинные ножи, часы, зажигалки и пр.?

Пока шло следствие, газеты и радио выдвигали самостоятельную о судьбе «Джоиты» все новые и новые версии. Так, например, газета «Фиджи таймс энд геральд», ссылаясь на «авторитетные источники», опубликовала «разгадку тайны «Джоиты». Газета писала, что во время плавания капитан Миллер заметил флотилию японских сейнеров, которые вели лов тунца в запретных для них водах. Когда он подошел ближе, японцы, стараясь остаться незамеченными, захватили «Джоиту», убили или захватили в плен всех находившихся на ее борту людей и разграбили судно. Заметая следы преступления, японские рыбаки разъединили трубопровод, чтобы отправить судно на дно.

В ответ на эту версию японские газеты поместили официальное опровержение, убедительно доказавшее ее явную несостоятельность.

Прошел почти год... Эксперты следственной комиссии, возглавляемой министром островных территорий Фиджи Т. Мак-Дональдом, так и не смогли дать вразумительный ответ на вопрос: куда исчезли люди с «Джоиты»? Следствие было прекращено.

Что касается самой «Джоиты», то можно сказать, что в октябре 1956 года она была куплена с аукциона компанией «Продюсерс шиппинг компани лимитед» и зарегистрирована в Управлении морского ведомства островов Фиджи. Ходили слухи, что новому владельцу это несчастливое судно тоже ничего хорошего не принесет. И действительно, 8 января 1957 года во время шторма, следуя из залива Бака в Суву, она села на риф Хорашу. Команда и пассажиры, по счастью, были сняты подошедшим на помощь буксиром. И странное дело! С рассветом без чьей-либо помощи «Джоита» сошла с мели и, несмотря на две пробоины, осталась на плаву. После этого владельцы сменили у этого полного тайн судна название. Но рассказывают, что оно плавает и поныне и в том районе Тихого океана все продолжают ее называть «Джоитой»...

СЛЕДОВ НЕ ОСТАЕТСЯ

«Джоита» — не единственное из исчезнувших судов Южных морей. Пропадают рыбацкие суда, моторные сейнеры и даже быстроходные, хорошо оснащенные техникой прогулочные катера богатых американских туристов... Не зря солидный английский

ский журнал «Нотикл мэгэзин» в своем мартовском выпуске за 1959 год писал: «За последнее время океан в районе островов Фиджи снискал дурную славу таинственных и необъяснимых происшествий. Так, например, в сентябре 1958 года из Апия в плавание вышла крейсерская яхта «Аннет». 28 октября того же года ее нашли на рифе Дибблес, в 12 милях от Вана-Балаву. Спасательные принадлежности оказались на месте, но владелец судна — гражданин США господин Тэннер с супругой исчезли бесследно».

А вот другой случай. Рыбопромысловое судно «Тейко» водоизмещением более 100 тонн, принадлежавшее принцу острова Тонга, 17 марта 1960 года вышло из гавани Нукуалофа (острова Самоа) на остров Паго-Паго за льдом для промысла. С тех пор «Тейко» не видели. Последняя радиосвязь с ним была зарегистрирована 18 марта 1960 года, когда оно проходило траверз острова Вавау. Это прекрасное, построенное по особому заказу в Японии судно было оснащено, как говорится, по последнему слову техники. Но тем не менее его, так же как и «Джоиту», записали в графу «Считаются пропавшими без вести». На борту «Тейко» находилось двадцать два человека... Куда они делись — осталось тайной, так же как и судьба двадцати пяти человек с «Джоиты».

Но подобные тайны легко объясняются, если вспомнить, что Южные моря давно уже приобрели печальную славу арены пиратского промысла. Может быть, в этом кроется и разгадка одного из самых таинственных происшествий в Южных морях — судьбы экипажа «Джоиты»...

Друзья бесследно исчезнувшего Томаса Миллера и по сей день не верят, что этот опытный «морской волк» стал жертвой стихии в связи с пустяковой аварией в машинном отделении. Не таков был Томас Миллер! Он бы смог проплыть и десять миль, если б оказался за бортом! Во всяком случае, это без труда мог бы сделать любой из шестерых туземцев с Токелау, которые были на «Джоите». Ведь не зря говорят, что они в воде чувствуют себя лучше, нежели на суше...

Однако, если связать таинственное исчезновение команды «Джоиты» с пиратами, многое действительно становится на свои места. Например, легко объяснить то непонятное, что связано с личностью самого капитана Миллера. Возможно, до своего исчезновения капитан... и сам был тесно связан с пиратами. Откуда, в самом деле, Миллер доставал оружие, наркотики, спирт и сигареты? Приятели Миллера не могли не заметить и другое: случалось, он целыми неделями держал «Джоиту» на приколе, когда шла путина. Часто им владел непонятный страх и волнение. Так, может быть, время от времени он утрачивал «расположение» пиратов?

И в конце концов утратил его окончательно: пираты расправились с ним и со всем экипажем «Джоиты»... И может быть, прав репортер газеты островов Фиджи «Фиджи таймс энд геральд», написавший по поводу исчезновения «Джоиты»:

«Причину этой трагедии следует искать не в «непреодолимых силах морской стихии», а в пиратстве, в морском гангстеризме на «Семи морях», которое имеет место в этих далеких от больших морских дорог районах южной части Тихого океана...»

И у самых романтичных на первый взгляд морских загадок может быть, как показывает очерк Л. Скрыгина, весьма прозаическое объяснение. Впрочем, показалось ли бы особенно таинственным исчезновение «Джоиты» уже через несколько лет после описанных событий? Ведь размах действий пиратов XX века не только не уменьшается, но все время растет, становятся известными все новые и новые факты их деятельности, пираты стали грозной опасностью Южных морей.

И пусть на смену бронзовым орудиям, палившим тяжелыми чугунными ядрами, пришли скорострельные пушки и крупнокалиберные пулеметы, пусть вместо неповоротливых парусных кораблей — быстроходные катера, оснащенные радиостанциями и совершенными навигационными приборами, а награбленные деньги прячут теперь не на «островах сокровищ», а на текущих банковских счетах... Изменились лишь методы и средства — цели современных «джентльменов удачи» те же, что и столетия назад. Да и так ли уж удивителен факт существования пиратства в XX веке? Ведь грабеж и насилие во все времена неминуче соседствуют с частной собственностью и частным предпринимательством...

О новых фактах деятельности пиратов XX века, ставших известными не так давно, о борьбе с ними подробно рассказывает документальный очерк С. Милина.

С. МИЛИН

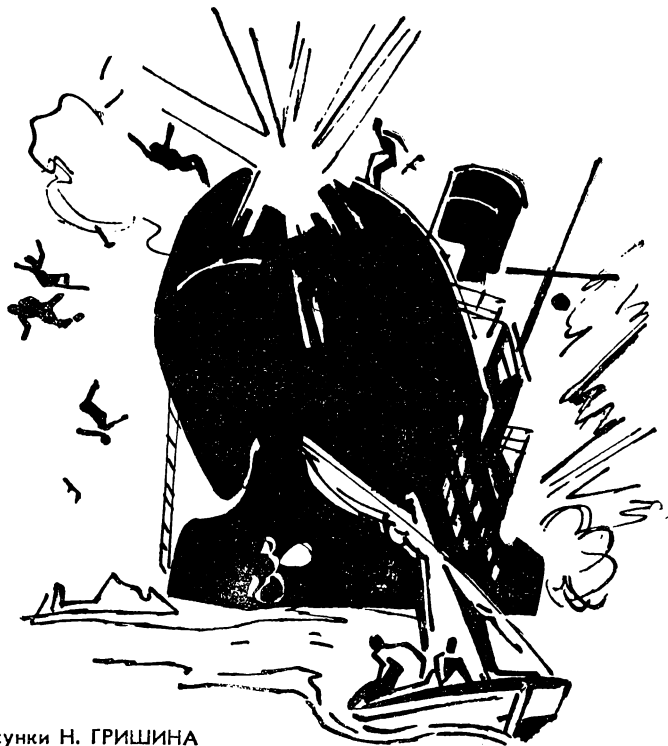
НАСЛЕДНИКИ МАДАМ ВОНГ

СЮРПРИЗ РЫЖЕБОРОДОГО

Во второй половине дня ветер стих. Воцарилась гнетущая тишина: природа, казалось, окончательно обессилела, истомленная тропическим зноем. Несмотря на близость суши — всего в ста милях к югу, скрываемые легкой дымкой, простирались влажные джунгли Борнео, — не было видно ни одной птицы. Лишь стайки летающих рыб время от времени взвивались над водой и стремительно неслись на своих радужных крылышках, вычерчивая хвостами на зеркальной глади тонкие дрожащие штришки. На спокойной поверхности моря играли розовые и серебристые блики, переходя вдали в яркую синеву. В этом пространстве, полном тишины, света и прозрачных красок, даже обычный грубый трехмачтовый сампан с черными просмоленными бортами казался словно перенесенным сюда из сказок о Синдбаде Мореходе.

Впрочем, стоило приглядеться внимательнее, и иллюзия тут же рассеивалась: стоявший рядом с рулевым в крошечной рубке сампана капитан-китаец не отрывал глаз от черных растрескивавшихся линз сильного морского бинокля. Обшаривая горизонт, он бросал краткие команды матросу у руля. Повинуясь им, суденышко шло короткими галсами, напоминая рыскающую по лесу охотничью собаку. Но вот где-то у самой линии горизонта капитан увидел маленькую черную точку. Он опустил бинокль и протянул руку за микрофоном портативной радиации, выглядевшей инопланетным телом на ободранной рыбацкой фелюге. В эфир полетели условные фразы на кантонском диалекте: «Рыба сто шестьдесят. Косяк десять корзин. Брать неводом на старой отмели». В переводе на обычный язык это означало, что, как и донесли агенты капитана Ченг И, на рифы Коннел в ста милях от саравакского порта Мири сел греческий пароход «Аэкос» грузоподъемностью 10 тысяч тонн.

Вскоре сампан подошел к прочно застрявшему на камнях «Аэкосу» и ярдах в ста от него приглушил дизель. «Груз наверняка потянет тысяч на двести, если не больше», — мысленно прикинул Ченг И, наметанным глазом цепко осматривая ржавую стальную громаду греческого парохода.

Рисунки Н. ГРИШИНА

— Эй, на «Аэкосе»! — сложив рупором ладони, громко окликнул он по-английски, затем повторил то же самое по-китайски. Палуба по-прежнему оставалась пустой. Китаец терпеливо продолжал кричать, хотя было ясно, что потерпевшее аварию судно оставлено командой.

Тем временем к другому борту «Аэкоса» подошли еще два сампана — такие же, как и первый и как тысячи других провозивших рыбой, некрашенных посуды, бороздящих Южно-Китайское море. Их команды — невысокие смуглые люди с обмотанными для защиты от солнца грязными тряпками головами — озабоченно возились на палубах среди разбросанных в беспорядке каких-то бочек, тросов, жестянок, словно готовясь к рыбной ловле. Даже при самом пристальном изучении никто не обнаружил бы в них чего-либо необычного. А между тем это были отнюдь не мирные рыболовы. В неприглядных ободранных корпусах жалких сампанов стояли мощные дизели, перекочевавшие туда с военных кораблей. Стоило до предела увеличить обороты, и неуклюжие на первый взгляд суденышки сразу же превращались чуть ли не в гоночные катера. Высоко задрав нос и поднимая пенистые буруны, они развивали скорость до двадцати узлов и могли дать фору любому полицейскому или патрульному судну, будь оно из Сингапура или из Гонконга. Напрасно было бы искать в их трюмах лед, соль, бочки для рыбы, сети. Зато стоило открыть палубные люки, и через минуту вся довольно многочисленная для сампанов команда оказывалась вооруженной автоматами, специальными боевыми топориками, длинными ножами и ручными гранатами. Оттуда же в мгновение ока появлялись свернутые штурмтрапы с пятилапыми кошками, абордажные багры, крючья и прочее снаряжение пиратского промысла.

Пока капитан Ченг И ради предосторожности отвлекал внимание людей, возможно оставшихся на «Аэкосе», два подошедших сампана с ходу приткнулись к носу и корме по другую сторону судна. Быстро были подняты штурмтрапы, и вверх по ним бросилось десятка два полуголых людей. Но едва только первый из них перепрыгнул через фальшборт на палубу грека, раздался оглушительный взрыв. Поднялся столб огня, в воздухе завизжали куски палубной обшивки. Почти одновременно еще один взрыв прогремел на носу судна. Оставшиеся в живых пираты горохом посыпались в воду и на палубы сампанов, которые, взревев дизелями, стали отваливать в сторону от столь негостеприимно встретившей их добычи.

— Идиоты! — в ярости потрясая кулаками, надрывался на палубе своего судна Ченг И. — Назад! Там же никого нет! Назад, безмозглые дураки! Это же просто мины!

Однако первые два сампана явно не собирались выполнять его приказ и вместо того, чтобы вернуться, быстро удалялись от «Аэкоса», даже не подобрав плававших в воде людей. Дым от взрывов рассеялся, но палуба грека была, как и прежде, пуста. Ченг И окончательно потерял самообладание. Бросившись в рубку, он свирепо ткнул кулаком рулевого, который, отлетев в сторону, едва удержался на ногах. Капитан впился руками в штурвал, и в это мгновение в лицо ему, словно осы, впились несколько мелких осколков стекла от разлетевшегося под пу-

леметной очередью переднего иллюминатора ходовой рубки. В следующее мгновение Ченг И уже сидел на корточках и лихорадочно крутил штурвал, направляя свой сампан в открытое море. Несмотря на жару, на лбу его выступили капли холодного пота. Он резко бросил судно из стороны в сторону, ожидая сухого треска пулемета. Но второй очереди не последовало. Ченг И осторожно выпрямился и оглянулся назад. На палубе греческого судна было полно невесть откуда появившихся людей в белой форме, среди которых выделялся оглушительно хохочущий здоровяк в зеленом берете с рыжей шкиперской бородкой.

— Проклятая рыжая собака, — прошипел Ченг И в бессильной злобе.

Сампан уходил все дальше от засевшего на рифах Коннел «Азкоса».

«ЧЕРНЫЙ ДЖЕК» НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ

В морях, расположенных между Тихим и Индийским океанами, — Яванском, Южно-Китайском, Целебесском, Сулу — пиратство процветает уже не одну сотню лет. Лишь во время второй мировой войны, когда все суда конвоировались военными кораблями, а оккупировавшие этот район японцы без долгих разбирательств рубили головы команде любой джонки или сампана, имевшего несчастье смахивать на пиратский, флибустьерам пришлось свернуть свой промысел. И все же один пират преспокойно продолжал заниматься прибыльным ремеслом даже в это трудное для малопочтенной корпорации время. Это был Вонг Кунгкит, чиновник чанкайшистского правительства, а позднее «король пиратов» на Янцзы и по совместительству — резидент японской разведки в Китае. После войны он в буквальном смысле вышел в открытое море и принялся грабить торговые суда от Сингапура до Гонконга. В конце 1946 года через своих доверенных людей Вонг узнал, что в Макао должны прийти три джонки с большой партией контрабандного опиума. Добыча обещала быть настолько богатой, что он не удержался от соблазна лично руководить ее захватом. Пираты вышли в море на больших катерах, выследили джонки и пошли на abordаж. Здесь-то Вонгу и пришлось пережить последнее удивление в своей жизни — безобидные суденышки оказались ловушками, встретившими «рыцарей удачи» шквалом пулеметного огня. Через двадцать минут все было кончено. И хотя сам Вонг сумел на маленькой моторной лодке доплыть до берега, это лишь ненадолго отсрочило его гибель: выданный полиции Макао, через два дня он был смертельно ранен при попытке к бегству.

«Смерть Вонга была большой сенсацией. Все полагали, что теперь его «пиратская империя» прекратит свое существование. Но через несколько дней распространился слух, что дело взяла в свои руки мадам Вонг, — писал английский журналист Джон Лаффин. — Два главных приспешника покойного решили, что они, а не мадам Вонг являются истинными наследниками пиратской фирмы. Они пришли к ней, чтобы предложить

мадам убратся. Реакция мадам Вонг была достаточно быстрой и решительной — она пристрелила обоих. После этого охотников толковать с быстрой на руку мадам на столь щекотливую тему не нашлось».

Бывшая танцовщица вскоре доказала, что она является достойной наследницей своего покойного мужа и не зря носит титул «королевы пиратов». От джонок, сампанов и прочей «мелочи» она перешла к ограблениям крупных торговых судов. Список ее жертв пополнился голландским пароходом «Ван Хойц», португальским сухогрузом «Опорто», английским судном «Мэллори», пассажирским теплоходом «Конг Фейт», курсировавшим на линии Кантон — Гонконг, который один принес мадам Вонг 280 тысяч долларов. Во время войны в Корее «королева пиратов» настолько обнаглела, что начала нападать на суда с военными грузами, предназначавшимися для американских экспедиционных войск. Эти «шалости» привлекли к мадам Вонг внимание ЦРУ. Тогдашний шеф американской разведки генерал Уолтер Беделл Смит отправил в Гонконг специального эмиссара с заданием выяснить, кто стоит за участвовавшими случаями морского разбоя, и немедленно положить им конец.

Не прошло и двух месяцев, как в руках ЦРУ оказались исчерпывающие данные о «таинственной королеве пиратов», с которой не один год тщетно боролись полицейские власти Гонконга, Макао, Филиппин, Таиланда. Казалось бы, песенка мадам Вонг спета. Однако Аллен Даллес, занимавший в то время пост заместителя директора ЦРУ, счел, что «королева пиратов» с ее москитной флотилией может пригодиться для выполнения не-

которых «деликатных» заданий, в частности для заброски американских агентов в социалистические страны Азии. Поэтому, используя соответствующие каналы, мадам Вонг дали понять, чтобы во избежание нежелательных последствий она прекратила нападения на торговые суда США и их союзников, порекомендовав переключиться на «помощь свободному миру в борьбе с коммунистической опасностью на Дальнем Востоке».

Весной 1952 года «королева пиратов» на какое-то время оказалась не у дел. «Крупная дичь» была под запретом, грабеж китайских джонок и сампанов в прибрежных водах не сулил большой прибыли, а «экскурсии» к побережью ДРВ, Китая и КНДР, как скоро убедилась мадам Вонг, потеряв несколько судов, были слишком опасными и грозили в короткий срок вообще лишить ее всей пиратской флотилии. Правда, изворотливая «королева» сумела быстро найти себе новое поприще, сулившее верные и относительно безопасные доходы: контрабандную перевозку золота. А знакомство с доктором Педро Хосе Лобо, занимавшим пост директора департамента экономики при португальском губернаторе Макао и являвшимся не только финансовым диктатором этой колонии, но и «королем золотого бизнеса» на Дальнем Востоке, окончательно определило ее дальнейшую судьбу. Мадам Вонг не потребовалось много времени, чтобы понять: действовать в качестве агента всесильного доктора Лобо куда выгоднее, чем грабить суда...

Мадам Вонг добровольно отказалась от престола в «империи пиратов», сменив свой громкий титул на более прозаическое амплу крупной контрабандистки.

АЗИАТСКИЙ ФЕНОМЕН

«Гонконгский залив — самый очаровательный в мире», — утверждают проспекты туристских агентств, приводя в качестве доказательств красочные цветные снимки. Иностранец, приземлившись в великолепном аэропорту Гонконга Кай-Так, проезжает по Натан-роуд — местным Елисейским полям, — пересаживается на паром, который через пять минут доставляет его в Викторию, и буквально немеет от восторга: сверхсовременные здания, ослепительные витрины, пышные дворцы, красивые, элегантные женщины, огромные неоновые вывески рекламы, заменяющие дневной свет, если дело происходит ночью. Таков Гонконг — английская колония. Однако иностранец не знает главного, тем более что местные власти предпочитают не распространяться об этом: подлинным хозяином Гонконга являются отнюдь не англичане, а «Триада», гигантский гангстерский концерн, своего рода «китайская мафия».

Тайное общество «Триада», по-китайски называющееся «Сань-хэхой», существует уже триста лет. За это время оно пустило такие глубокие корни и превратилось в настолько влиятельную силу на Дальнем Востоке, что во время второй мировой войны даже японцы на захваченных территориях были вынуждены считаться с ним. Во всяком случае, после оккупации Южного Китая они официально разрешили членам «Триады» — конеч-

но, в обмен на шпионские услуги — содержать игорные и публичные дома и торговать наркотиками.

Но особенно широко деятельность преступного синдиката развернулась после второй мировой войны. «Вот уже много лет «Триада» терроризирует население Гонконга, Макао, Сингапура, Малайзии, Таиланда, Филиппин, то есть тех стран, где существуют китайские землячества, — писал в своей книге «Города-гангстеры» английский писатель Ян Флемминг. — Все, что она делает, окутывает глубокая тайна. Ее членов связывает обет молчания более суровый, чем даже у сицилийских мафиози. У «Триады» собственные законы, свой суд, свои убийцы, которые выполняют вынесенные приговоры». Этот гангстерский синдикат имеет четкую организацию. Во главе стоит совет «старшин», представляющих ее отдельные организации под различными номерами: «Триада-14К», «Триада-108», «Триада-36» и так далее.

Там, где действует «Триада», все отрасли преступного бизнеса находятся в ее руках: и рэкет, и наркотики, и торговля «живым товаром», и игорные дома, и контрабанда золота. «Король золотого бизнеса» на Дальнем Востоке Педро Хосе Лобо, упоминавшийся в предыдущей главе, занимает далеко не последнее место в иерархии «Триады». Что же касается местной полиции, то она просто бессильна перед этой дальневосточной «Коза ностра». Власти Гонконга, например, попытались бороться с «Триадой» с помощью специальных бригад агентов-доносчиков. «Таких доносчиков много, — рассказывает французский журналист Ив Нуши, изучавший преступный мир этой английской колонии. — Но видимых результатов нет, если не считать, что редкий день проходит без того, чтобы здесь не находили одного из них с ножом в спине».

...После того как «королева пиратов» мадам Вонг нашла более прибыльное применение своей москитной флотилии, флибустьерство в Южных морях на какое-то время оказалось, что называется, «пущенным на самотек». Главари небольших шаек не столько занимались своим основным промыслом, сколько грызлись между собой, то и дело устраивая целые баталии для выяснения отношений. И хотя их автоматные очереди отдавались эффектным эхом на страницах газет, торговцы Гонконга, Сингапура, Макао, перепродававшие награбленные товары, стали жаловаться на резкое падение выручки из-за «перебоев в снабжении». Естественно, что подобное недопустимое положение не могло не привлечь внимания главарей «Триады».

...В нескольких десятках километров к юго-западу от Гонконга на полуострове Аомынь расположена карликовая португальская колония Макао — небольшой сонный городок с вымощенными булыжником кривыми улочками, на которых зачастую нет даже тротуаров, белеными известью домами с узкими стрельчатыми окнами, словно по мановению волшебной палочки перенесенными сюда откуда-нибудь из Кордовы или Коимбры, с католическими монахинями в белых наколках, спешащими к мессе в старинных церквах. Кажется, что течение времени остановилось в Макао где-то в начале прошлого века. Эта португальская колония — один из главных центров могущественной «Триады».

На центральной улице Макао, авенида Алмейдо Рибейро, — неподалеку от резиденции португальского губернатора, среди старинных зданий бросается в глаза фешенебельный особняк в стиле модерн. Он принадлежит одному из самых уважаемых людей Макао, Чен И-миню, главе местной «Триады», в прошлом видному гоминдановскому разведчику и генерал-майору чанкайшистской армии. В этом особняке в один из осенних дней 1953 года и состоялось «историческое» совещание Чен И-миня с двумя коллегами по преступному бизнесу — владельцем «Тай-Фунг-бэнк» доктором Лобо и представителем гонконгской «Триады» директором «Хан-Син-бэнк» Лиангом, которое определило судьбу пиратского промысла на Дальнем Востоке на многие годы. «Большая тройка» решила, что необходимо срочно взять под контроль эту выгодную отрасль преступного бизнеса, пока она окончательно не захирела из-за начавшихся междоусобиц. Лобо и Лианг обязались предоставить деньги для приобретения через американские военные склады списанного вооружения, мощных дизелей, раций и даже быстроходных торпедных катеров. Чен И-минь же, в свою очередь, должен был набрать опытные экипажи для пиратских судов и поставить во главе гангстерской флотилии своего человека, способного воссоздать «империю пиратов». Его выбор пал на отставного чанкайшистского капитана Ченг И, который уже в течение ряда лет состоял на службе «Триады».

Через несколько месяцев к морским властям Сингапура, Гонконга, Манилы посыпались заявления капитанов пароходов, курсировавших в Южно-Китайском море, с жалобами на вновь появившихся пиратов. От них просто не стало спасения. И в открытом море, и у самого побережья они останавливали проходящие суда, под дулами автоматов укладывали команду ничком на палубе и производили собственный «таможенный досмотр» грузов. Все, что представляло ценность, тут же перегружалось на сампаны и катера, которые с поразительной быстротой исчезали за горизонтом. «Начиная с 1954 года в Южно-Китайском море и море Сулу, а также в водах, прилегающих к этому району, снова участились случаи морского разбоя, — с тревогой отмечала сингапурская газета «Стрейтс таймс». — Как филиппинские, китайские и японские моряки, так и англичане и американцы, часто плавающие в этих водах, вынуждены признать, что пиратство не только не уничтожено, но даже растет».

Действительно, налеты корсаров Ченг И становились все более дерзкими, постепенно охватив огромный район от Малаккского пролива на западе до островов Гилберта и Самоа на востоке. «Эти бандиты так осмелели, что нападают на кого угодно, — жаловалась «Малайя мейл». — Величина судна для них ничего не значит. Наоборот, как это ни парадоксально, но часто оказывается, что чем больше оно, тем легче его обчистить. Подобно флибустьерам прошлого, с пистолетами и ножами они берут на бордаж свои жертвы. Иногда же пираты предпочитают действовать «втихую» и делают это настолько быстро и умело, что команда и пассажиры узнают о морских налетчиках, когда их уже и след простыл». Особенно много шума наделало ограбление роскошного пассажирского теплохода в Малаккском проливе, к северу от Суматры. Посреди ночи его капитан был

разбужен взволнованным стюардом. По его словам, одна из пассажирок, занимавшая каюту «люкс», утверждала, что буквально сию минуту была ограблена несколькими вооруженными китайцами, которые забрали все ее драгоценности и деньги, и требовала капитана. Когда он пришел в ее каюту, бившаяся в истерике женщина упорно настаивала на этой мифической истории.

— Куда же девались грабители? — недоверчиво спросил капитан, будучи уверен, что пассажирка просто слишком долго просидела вечером в баре и теперь страдает от приснившегося ей кошмара.

— Туда, — отвечала та сквозь слезы, махнув в сторону борта.

Капитан, как мог, постарался успокоить ее и, вызвав судового врача, направился к себе в каюту, посмеиваясь над слишком нервными и впечатлительными дамочками, помешавшимися на приключениях. Каково же было его изумление, когда обнаружилось, что и у него побывали непрощенные гости: сейф оказался открытым, корабельная документация валялась на полу, а хранившиеся в сейфе деньги и навигационные приборы бесследно исчезли. Самое же удивительное, что ночные налетчики, кроме капитана и нескольких пассажиров, как выяснилось позднее, не постеснялись обчистить штурмана и вахтенных, находившихся на мостике.

Впрочем, далеко не всегда дело оканчивалось столь мирно. В частности, страницы газет обошла трагическая история английского судна «Хелла», собравшего копру на мелких островах в Тихом океане. Оно бесследно исчезло вместе со всем экипажем. Долгое время его судьба оставалась загадкой, причем многие полагали, что оно погибло во время тайфуна. Но вот японская полиция случайно арестовала двух пиратов из шайки Ченг И. Во время допросов они между прочим рассказали, что «Хелла» была захвачена морскими гангстерами, все члены экипажа, за исключением двух женщин — Кристины Мортон и Анны Макнорман, — убиты, а эти две англичанки превращены в рабынь и находятся на одном из пустынных островов, который служит пиратской базой. Однако властям так и не удалось разыскать этот остров и освободить пленниц.

ЧАСТНАЯ ВОЙНА ЛИНФИЛДА УИЛСОНА

Одним из самых красивых архитектурных сооружений Сингапура по праву считается двенадцатиэтажное здание, принадлежащее страховой компании «Америкэн интернэшнл иншуарэнс»: для декоративной облицовки этого алюминиевого гиганта был использован шведский красный гранит, итальянский белый мрамор, японская строительная керамика. В здании разместились «штаб-квартиры» десятков фирм, занимающихся различными операциями в Юго-Восточной Азии; среди них, на одном из верхних этажей этого «билдинга», есть и офис, на двери которого прикреплена черная пластинка с золотыми буквами: «Секьюритас». И чуть ниже: «Линфилд Уилсон, генеральный директор».

Долгий путь проделал этот предприимчивый англичанин преж-

де чем обосновался в роскошно обставленной конторе по соседству с китами местного делового мира. Впрочем, Уилсона трудно отнести к разряду обычных предпринимателей, хотя он и занимается весьма прибыльным бизнесом. Фактически этот человек — главнокомандующий хорошо вооруженной частной армии, одетой в сшитую по его эскизам форму, армии, которая подчиняется лишь его приказам. Подобно настоящему главнокомандующему, Уилсон без долгих разговоров посылает своих подчиненных на опаснейшие задания, раздает собственные награды и присваивает звания по своему усмотрению. Друзья и доброжелатели прозвали его «Линфилд-пулемет» — за поразительное мастерство в стрельбе из всего, что имеет дуло и заряд. Среди же дальневосточных пиратов Уилсон носит кличку «Рыжебородый», или «Рыжий дьявол». Его основное занятие — охота на флибустьеров, а история его пятнадцатилетней карьеры в этой уникальной профессии не уложится и в пухлый приключенческий роман.

Во время второй мировой войны Уилсон был офицером английской разведки, а позднее служил в штабе командующего британскими вооруженными силами на Дальнем Востоке, который находился в Сингапуре. Именно тогда он по достоинству оценил, какие огромные перспективы открываются перед достаточно предприимчивым, решительным и не слишком разборчивым при этом человеком в овеванных романтикой Южных морях. Поэтому, когда в 1951 году его переводят в Англию, а затем вскоре увольняют в отставку, бывший разведчик весьма спокойно воспринимает перемены в своей судьбе. Через полтора года, когда от выданного при демобилизации пособия ничего не осталось, Уилсон отправляется в Сингапур с двумя сотнями долларов в кармане и грандиозным планом, как превратить их в миллионы.

Отставной английский разведчик обращается к нескольким сингапурским судовладельцам с предложением: те дают деньги, Уилсон набирает и вооружает людей и обеспечивает судам охрану от нападений пиратов. Однако местные дельцы отнеслись к плану рыжебородого англичанина скептически: куда ему тягаться со всемогущей «Триадой», покровительствующей пиратскому бизнесу, с которой не может справиться даже полиция. К тому же план Уилсона слишком отдавал обыкновенным рэкетом, чтобы стоило вкладывать в него деньги. Но осечка не обескуражила Рыжебородого. «Раз не удалось сразу выйти на оперативный простор Южных морей, придется начинать с малого», — решил он.

...С моря Сингапур с устремившимися ввысь причудливыми зубцами небоскребов банков и торговых компаний выглядит величественно и строго: город словно стремится оправдать свое название — ведь на санскрите «синга пура» значит «львиный город». Тысячи судов ежегодно приходят к этому морскому перекрестку со всех концов земного шара; их так много, что даже оснащенное самым современным оборудованием портовое хозяйство не в состоянии обслужить все корабли. Поэтому большинство из судов бросает якорь на рейде, а разгрузка и погрузка производятся с помощью бесчисленных лихтеров, сампанов и катеров. И нужно ли удивляться, если в этой не

затихающей ни на час портовой сутолоке сотня-другая тонн груза вместо складов на Клиффорд-пирсе попадает на приткнувшиеся поблизости островки Пулау-Самбу, Пулау-Брани, Пулау-Буком или же бесследно исчезает в лабиринте джонок из «Чайна-тауна» — китайского города.

Рождение «Секьюритас» было более чем скромным: три обшарпанные моторные лодки и полтора десятка англичан, австралийцев, индусов, раньше служивших в британской армии, которых Уилсон сумел соблазнить будущими сказочными доходами. Пока же они довольствовались тем, что круглосуточно шныряли по сингапурской гавани, украдкой выслеживая, куда направляются неторопливые сампаны с громоздкими ящиками и тюками. Сам же Уилсон целыми днями пропадал в «Чайна-таун», заводя знакомства, вербуя за гроши нищих-осведомителей, с риском получить нож в спину в одном из бесчисленных закоулков, которые, собственно, и образуют китайский город. Этот район Сингапура совершенно не похож на другие кварталы. Дома здесь стоят, тесно прижавшись друг к другу, образуя сплошную стену лавочек, парикмахерских, рестораничков, и посторонний даже не заметит узенькой щели или невзрачной лестницы, которые ведут в прячущиеся позади подозрительные конторы, мастерские и склады. Между тем именно сюда попадает львиная доля украденных в порту товаров, прежде чем оказаться на прилавках фешенебельных магазинов на Орчард-стрит или Робинсон-роуд.

Постепенно маскировавшийся под мелкого коммерсанта-посредника рыжебородый англичанин стал своим человеком среди таких же грошовых дельцов «Чайна-тауна». Теперь для него не составляло секрета, где можно найти партию шелка, исчезнувшую во время разгрузки, или калифорнийские апельсины, таинственно «усохшие» при доставке с рейда. Уилсон начал действовать. Стоило ему засечь более или менее крупную партию коаденного товара, как он отправлялся к его законным владельцам и за умеренное вознаграждение — каких-то пять процентов стоимости! — под большим секретом сообщал, где он припрятан, предоставляя им самим с помощью полиции вырвать свою собственность.

Данные Уилсона, как правило, оказывались точными, и при были «Секьюритас» месяц от месяца росли. Теперь уже сингапурские коммерсанты сами обращались к отставному разведчику, когда требовалось распутать какое-нибудь щекотливое дело. Но Уилсон вовсе не собирался до конца дней быть лишь частным сыщиком в сингапурском порту, тем более что таможенная полиция стала косо поглядывать на предпримчивого англичанина, частенько перебивавшего ее законный хлеб. Его главной целью по-прежнему оставались кишевшие пиратами дальневосточные моря, обещавшие баснословные барыши. На заработанные первые деньги он фрахтует несколько быстроходных катеров, вооружает их крупнокалиберными пулеметами, подбирает команды из бывших военных моряков и только после этого вновь обращается с прежним предложением в конторы местных пароходных компаний: за соответствующую оплату Уилсон готов взять на себя охрану их судов в наиболее опасных местах Малаккского пролива. На сей раз судовладель-

цы охотно подписывают контракты с «генеральным директором «Секьюритас».

После двух-трех успешно отбитых нападений пиратов акции Уилсона среди деловых кругов Сингапура неизмеримо поднимаются. Масштабы его операций непрерывно растут, постепенно охватывая весь район Южных морей. Он набирает в ряды своей частной армии бывших военных аквалангистов и экспертов-подводников, демобилизованных английских командос и побывавших во Вьетнаме американцев из морской пехоты. Однако настоящую известность сорвиголовам «Линфилда-пулемета» принесли два случая: штурм захваченного пиратами панамского судна «Помпадур» с грузом пряностей, севшего на мель в море Сулу неподалеку от Филиппин, а еще больше — изгнание с Дальнего Востока экс-лейтенанта американского флота по фамилии Брешер.

Этот янки, обладавший богатой фантазией, создал в конце 50-х годов флотилию моторных судов, «загримированных» под старинные пиратские парусники: черный флаг на грот-мачте, статуя святого на носу, высокие резные надстройки на корме, бронзовые пушки — словом, настоящие фрегаты корсаров, какими их изображали на старинных гравюрах. Именно внешний вид этих «опереточных флибустьеров» служил Брешеру главным козырем во время его дерзких нападений. Пока команда какого-нибудь парохода с удивлением рассматривала необычные суда, те успевали подойти к кораблю вплотную, и на палубу жертвы врывались повязанные яркими косынками «рыцари удачи» с новенькими автоматами в руках. Спектакль заканчивался ограблением, а то и потоплением захваченного судна.

Чтобы покончить с дерзкими налетами американца, Уилсон пустился на хитрость. Через подставных лиц он тайно зафрахтовал десяток небольших яхт, на которых богатые туристы обычно совершают вояжи по экзотическим островкам и атоллам, и направил их в омывающие филиппинские и индонезийские острова воды, где чаще всего появлялся Брешер. Каждая из яхт Рыжебородого имела скорострельную пушку, а вооруженные пулеметами члены команды получили приказ при приближении «корсарских фрегатов» открывать по ним огонь без всякого предупреждения. После того как люди Брешера парутройку раз попались на приманку и получили чувствительный урок, американец пришел к выводу, что игра не стоит свеч. После битвы осталось за Уилсоном.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

«Когда я сформировал мою «Секьюритас», скептики предсказывали, что я не продержусь и шести месяцев. С тех пор минуло уже шестнадцать лет», — заявил Линфилд Уилсон в беседе с английским журналистом Гарольдом Стефенсом. И все эти шестнадцать лет не прекращается война между частной армией рыжебородого англичанина и опекаемой «Триадой» пиратской империей. Сражающиеся стороны не публикуют официальных сводок о ходе военных действий; о победах и поражениях, которые одерживают и терпят они, можно судить лишь по косвен-

ным признакам. Так, если за десятилетие с 1953 по 1963 год только японцы потеряли в результате пиратских налетов не менее 120 различных судов, то это говорит о том, что в лице капитана Ченг И Уилсон имеет достойного противника.

«В последнее время, — пишет одна из газет, — пираты стали все чаще устраивать налеты на небольшие острова и прибрежные городки. Они заранее засылают своих разведчиков, чтобы выяснить, есть ли там какие-нибудь ценности или «стоящие женщины», а потом, обычно в сумерках, совершают молниеносное нападение». Так, в апреле 1967 года пираты совершили набег на прибрежный город Фернандо на юге Филиппин. Опустошив магазины и прихватив с собой добычу на сумму в 50 тысяч песо, они успели скрыться под покровом наступившей темноты, прежде чем полицейские корабли и суда Уилсона прибыли на место. А в 1968 году только в Малаккском проливе было зарегистрировано свыше 30 пиратских нападений.

Причем все это происходит буквально под носом «Секьюритас», превратившейся в весьма внушительную военную силу. Сейчас под началом Уилсона состоит свыше 400 наемников, услугами которых пользуются такие крупные пароходные компании, как британская «Блю фаннел» или американская «Амэрикен Эссо». По свидетельству журнала «Аргоси», ежемесячно в Сингапур под охраной «Секьюритас» приходит не менее 160 различных судов. Два собственных самолета Уилсона регулярно совершают патрульные полеты над наиболее опасными районами, куда по первому требованию немедленно устремляются его быстроходные катера. «Рано или поздно я вздерну Ченг И на рее, — поклялся рыжебородый англичанин, но, когда это произойдет, никто не может предсказать, пишет тот же Стефенс. — Пока же, как сообщил мне Ли Ви Чен, пресс-секретарь здешнего премьер-министра, в Сингапур ежегодно заходят 30 тысяч судов... и, хотя это может показаться невероятным, но, по оценке надежных источников, чуть ли не 80 процентов из них подвергаются опасности нападения пиратов».

Банды пиратов настолько хорошо организованы, что борьба с ними ведется десятилетия. Как, смеясь, сказал Стефенсу сам Уилсон, ему не грозит опасность стать безработным. «Впрочем, — философски заканчивает Стефенс, — и сам Уилсон прекрасно понимает, что палка о двух концах: если он будет действовать слишком эффективно, не останется пиратов, чтобы за ними охотиться...»

Станислав ЛЕМ

СЛОЕНЫЙ ПИРОГ

Киносценарий

Кабинет адвоката Харвея.

Голос. К вам, клиент, сэр.

Адвокат. Кто такой?

Голос. Он у нас еще не был. Мистер Джонс.

Адвокат. Хорошо, пусть войдет.

Входит Джонс.

Адвокат. Добрый день. Садитесь, пожалуйста.

Джонс. Спасибо. Я хотел бы, чтобы вы занялись моими делами. У меня на это не хватает ни мозгов, ни времени.

Адвокат. Естественно. Для того я здесь и сижу. Ваше лицо мне кажется знакомым. Мы уже где-нибудь встречались?

Джонс. Может, вы меня видели по телевизору. Я автогонщик.

Адвокат. Ну конечно! Команда «Джон и Джонс» — «братья в жизни — братья за баранкой»! Как это я сразу не сообразил!

Джонс. Нет больше команды. *(Показывает траурную повязку на рукаве.)*

Адвокат. Ваш брат умер? Примите мои соболезнования.

Джонс. Что делать, надо продолжать гонку. Классный был парень, да вот — катастрофа. Только позавчера мне сняли швы. Нужно срочно приниматься за тренировки. Я совсем потерял форму.

Адвокат. Вероятно. Итак, чем могу служить?

Джонс. Тут такая штука. Я холостяк, а брат был женат. Мы застраховались крест-накрест. Если я погибаю, он получает страховку, а если он, то половину я, а половину его жена. То есть его вдова. Понимаете?

Адвокат. Да, да.

Джонс. Ну а теперь страховая компания устраивает какие-то фокусы.

Адвокат. Они отказываются платить страховку?

Джонс. Отказываться не отказываются, но чего-то крутят. Хотят выплатить только часть.

Адвокат. Только часть? По страхованию жизни?

Джонс. Так выходит.

Адвокат. А чем они это мотивируют?

Джонс. Я толком не понял... В общем, получается, что брат не совсем умер.

Адвокат. Не совсем умер? Значит, он жив?

Джонс. Что вы. Труп.

Адвокат. Его похоронили?

Джонс. Ну, особенно хоронить там было нечего, но похороны были. Невестка ходила. Я-то не мог. Лежал в клинике.

Адвокат. А как произошла катастрофа?

Джонс. Обыкновенно. Я вел. Помпарони старался пропихнуться слева, и я срезал впрытик.

Адвокат. Что вы срезали?

Джонс. Виражи. Пока не выскочил на этот чертов, за холмом.

Старт гонки.

Том Джонс — жгучий брюнет, брат Ричарда Джонса, — среди журналистов и болельщиков. Блеск фотовспышек. Том смеется оглушительным, трубным смехом. Ричард уже за рулем. Том садится. Машина движется. Старт. Отрезок трассы. Поворот, бугор, из-за бугра высывается раскидистое дерево. Проносится машина, исчезает за бугром. Грохот. Дерево медленно наклоняется и падает. Дым. Из дыма выкатывается одно автомобильное колесо. Сирены подъезжающих карет «скорой помощи». Санитары выносят на носилках два тела. Ка-

реты «скорой помощи» с воем уезжают. Дверь операционной. Два покрытых белым тела въезжают на двух каталках в операционную. Часы. Через час выезжает только одна каталка, так же укрытая белым.

Кабинет адвоката.

Джонс. Доктор сказал, что брата не удалось вытащить. Делал что мог, но не вышло. Он говорит, его долг спасать жизнь любой ценой. Вот он взял и спас.

Адвокат. Доктор Бартон? Это тот хирург?

Джонс. Да. В общем, получилось как-то так (*показывает на себя, проделывая сложные движения*) — где-то до сих пор я, а дальше уже Том.

Адвокат. Том?

Джонс. Брат. Его звали Томас, а я — Ричард.

Адвокат. Выходит, из вас двоих?..

Джонс (*проявляя признаки нетерпения*). Ну да, да.

Адвокат. Трансплантация? Понимаю. Ну хорошо, а почему страховая компания не хочет платить?

Джонс. Вот и я спрашиваю. Вы должны их заставить. Пусть платят. Есть я, есть вдова, дети остались. Из-за всего этого я влез в долги, а тут на носу новый старт. Мне нужно подыскать штурмана. Ведь я выступаю не в обычных гонках, а в ралли. Вы понимаете?

Адвокат. Да, да, конечно... У вас случайно нет фотографии брата?

Джонс. Есть. (*Дает фото.*)

Адвокат. Действительно, я не вижу никакого сходства.

Джонс. Правда? Он был брюнет, а я блондин.

Адвокат. Скажите, пожалуйста, а каково положение вашей невестки?

Джонс. Положение? Идет денег. Нужно же ей на что-то жить, верно?

Адвокат. Да, разумеется. Я имею в виду, хм, считает ли она себя вдовой?

Джонс. А кем же она должна себя считать? Известно, муж умер, значит, жена вдова. Верно?

Адвокат. Безусловно, мистер Джонс. Вне всякого сомнения. Я думаю, что вы отдали это дело в хорошие руки. Вскоре вы получите от меня приятное известие.

Джонс. Рад слышать! (*Смеется точно так же оглушительно и трубно, как его брат во вставке.*)

Адвокат (*в котором пробуждается сомнение*). Мистер Джонс, а вы...

Джонс. Что — я?

Адвокат. Вы совершенно уверены, что вы именно Ричард Джонс, а не Томас?

Джонс. Как же я могу быть Томасом? Каждый может быть только собой, верно? Брат был штурманом, а не водителем. Водитель — это я. А потом есть же доказательство.

Адвокат. Доказательство? Какое доказательство?

Джонс. Вдова с детьми. Они ведь остались сиротами, верно?

Адвокат. Конечно! И так, мы во всем тщательно разбираемся, и я надеюсь, что дело примет оборот, который вас вполне удовлетворит. Всего хорошего, до свидания.

Джонс. Пока.

Адвокат звонит в страховую компанию.

Огромный зал бюро «Консолидэйтид». Между рядами столов на маленьких колясках, похожих на столики в баре, стоят пластиковые торсы с вынимающимися органами: сердцами, почками, печенками, легкими и т. д.

Голос (из репродуктора). Внимание, сообщение из клиники штата. Номер 366/9 и номер 179/Б переквалифицированы на 45Д и 51Д.

Служащая встает и начинает переносить сердце и легкие из одного торса в другой. На этом фоне происходит телефонный разговор представителя страховой компании с адвокатом.

Представитель. Вы представляете Джонса? Не советую направлять дело в суд. Наверняка проиграете. Почему? Потому что оба брата Джонс застраховались не от несчастного случая. Они страховали жизнь. А кто из них жив? Жив тот, чьи жизненно необходимые органы живы. Где именно они живут, не имеет никакого значения. Здесь или там — для нас это безразлично. Важно, что они живут. А раз живут они, значит живет и сам застрахованный — в определенном процентном отношении. Вот так! Я могу сообщить вам сальдо. Мисс Ленд! Дайте, пожалуйста, телесные активы Томаса и Ричарда Джонсов.

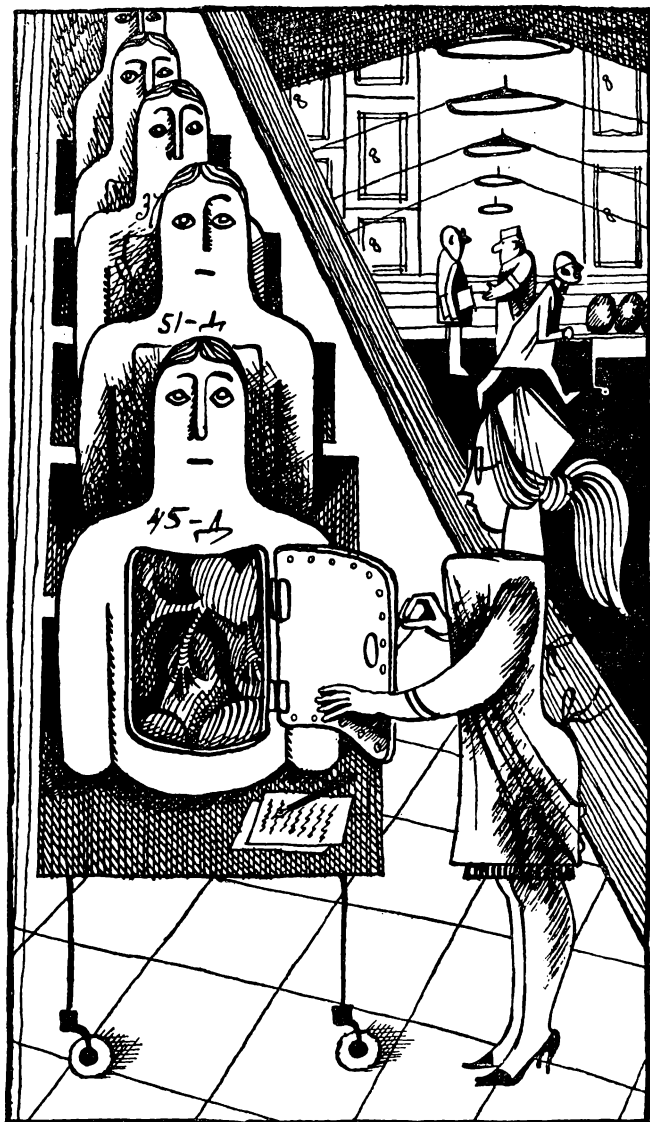
Служащая подкатывает две тележки с торсами и подает представителю две папки.

Представитель (в телефон). Баланс Томаса Джонса выглядит следующим образом: 48,5 процента его телесных движимостей в виде ряда личных органов инвестированы в его брата Ричарда как вклад, имеющий характер безвозвратного дара. 21,5 процента телесных движимостей упомянутого Томаса инвестированы в третьих лицах, а в семейный склеп уложены оставшиеся 30 процентов, списанные в убыток. Таким образом, баланс чистых убытков Томаса Джонса составляет около тридцати процентов, и в этом размере компания согласна признать страховой договор правомочным. Что, как вы сказали? Ричард? Но ведь вы сами утверждаете, что Ричард жив, как же мы можем выплатить его страховку по смерти? Что? Томас? Да, Томас мертв на 30 процентов. Это все. Остальное инвестировано и чувствует себя прекрасно. До свидания.

Подъезд клиники. Адвокат выходит из автомобиля. Мимо него проходят спекулянты.

Первый спекулянт. Уважаемый, вы берете или предлагаете? Даю самые высокие пены.

Второй спекулянт. Вы на операцию? Что-нибудь серьезное? Нужны запасные части? Печеночки? Почечка? Прима, высший класс. Все как повенькое.

Рисунки В. ЧИЖИКОВА

Адвокат. Прошу оставить меня в покое.

Адвокат быстро шагает по коридору клиники. Дверь с надписью «Рекламации». Он заглядывает внутрь. Что-то вроде приемной. У человека, который сидит с краю, две левых руки. Адвокат быстро захлопывает дверь и идет дальше. Входит в большой зал. Огромные шкафы-холодильники. Оживленное движение. Кладовщик в белом халате и маске выдает обтянутые марлей свертки, похожие на головы сыра. Сестры увозят эти свертки на больничных тележках. Посреди зала стоит главный хирург, окруженный врачами. Адвокат подходит к нему.

Доктор. Вы ко мне? Слушаю.

Адвокат. Доктор, я адвокат Ричарда Джонса. Вы оперировали мистера Джонса и его брата. Дело в том, что страховая компания...

Доктор. Ага. Минутку. Сестра! Пожалуйста, истории болезни Джонса и Джонса!

Вторая сестра (*подходя к доктору*). Прошу прощения, седьмая операционная. Звонят, что не подходит.

Доктор. Ну так пусть кладовщик выдаст больший размер. Я говорил, что этот будет мал.

Первая сестра приносит доктору истории болезни.

Доктор. Ага. Припоминаю. Да, да.

Адвокат. Как мне сообщили в страховой компании, не все из того, что... э... оставил умерший брат, унаследовал тот, который остался в живых.

Доктор. Что ж. Был некоторый избыток. Просто кое-что осталось, а в связи с огромным количеством нуждающихся мы не можем разбрасываться подобными излишками. Надеюсь, вы понимаете? Гуманность требует делиться. Это одна из тех сложных ситуаций, которые несет с собой прогресс.

Адвокат. Значит, кроме живущего брата, еще и кто-то третий?..

Доктор. Ну да! Да! Что же касается возникших последствий, то я, выполняя свой долг, спасал человека, не заботясь о его семейном положении, о том, холост он или женат. И я не могу вам в настоящее время сказать, является ли миссис Джонс вдовой или нет. Это должен решить суд. Разве что будет достигнуто какое-нибудь соглашение. Но меня это не касается.

Адвокат. Доктор, что вы говорите?! Я, собственно, не по этому поводу, но... Выходит, вы считаете, что вдова может не быть вдовой? Ведь она заявила, что в живых остался ее шурин. Была на похоронах мужа! Какие же могут возникнуть сомнения?!

Доктор. Увы, есть сомнения. И даже очень серьезные. Предположим, что, подчиняясь безотлагательной необходимости, я делаю такую операцию... (*Показывает рукой, как будто разрезает себя по талии на две половины.*) Кто, по-вашему, в этом случае остается в живых? Кто заключает брак — этот? (*Показывает от пояса вверх.*) Или этот? (*Показывает от пояса вниз.*) Мы здесь занимаемся только телом. А то, какая часть

является решающей с матримониальной точки зрения, должен установить закон.

Адвокат. Ах, вот как было! И чей же верх?

Доктор. О нет! Я только привел вам наглядный пример. Реальная операция выглядела гораздо сложнее. Мы создали новое органическое целое, приспособленное к жизни. Ведь с тем же успехом может быть и так... *(Показывает рукой, как будто разрезает себя вертикально и горизонтально — на четвертушки.)*

Третья сестра. Извините, пациент из восемнадцатой умер.

Доктор. Что, опять? Пусть доктор Фингер немедленно его воскресит. *(Адвокату.)* По-разному бывает, понимаете? Это наша задача. Мы не имеем влияния на возможные последствия правового характера.

Адвокат. Такого казуса у меня еще не было. Что вы посоветуете мне делать, доктор?

Доктор. Бывают случаи сложнее, уверяю вас. На прошлой неделе к доктору Креггу из Цинциннати доставили сразу восемнадцать пациентов. Автобус, в котором ехали эти люди, свалился с моста. В автобус садилось восемнадцать человек, а после операции их оказалось девятнадцать. И теперь подумайте сами! Проблема идентификации этой девятнадцатой особы! Документы для нее. Где ее отец? Где мать?

Адвокат. Неужели такое возможно?

Доктор. Да я же говорю вам — именно это и случилось с доктором Креггом. Исполняя клятву Гиппократата, мы обязаны спасти как можно больше жизней. Все пациенты, вероятно, были очень полные, очень высокие. У хорошего портного обрезков не остается. Что там еще?

Шум. Появляется пастор, уже издали говорит сопрано, бурно жестикулируя.

Пастор. Я этого не перепесу! Это погубит мою духовную карьеру! Не могу же я читать проповеди таким голосом!

Доктор. Но послушайте! Я ведь уже объяснил, что исправить ничего нельзя! *(Доктору, стоящему рядом.)* Коллега, займитесь им...

Пастора уводят.

Адвокат. И вы мне ничего не посоветуете?

Доктор. В браке в равной мере важны как духовная, так и плотская сферы. Что же касается психической стороны, можете обратиться к психоаналитику, у которого лечился ваш клиент. Вам следует привыкать. С подобными случаями мы сталкиваемся все чаще. При большем количестве доверов возраст клиента зачастую приходится определять как среднее арифметическое их суммарного возраста.

Третья сестра. Прошу прощения, доктор. Звонят из седьмой, пациент готов.

Доктор. Иду. Извините. Мне пора... *(Уходит.)*

Адвокат, глубоко задумавшись, идет за санитаром, который катит перед собой тележку, покрытую белым. Входит за санитаром в стеклянные матовые двери. Через секунду выскакивает оттуда, словно за ним гонится дьявол.

Кабинет адвоката. Входит вдова.

Адвокат. Здравствуйте. Миссис Джонс, не так ли?

Вдова. Да. А вы его адвокат? Я пришла только для того, чтобы сказать вам: так легко он не отделается.

Адвокат. Кто он? Ричард?

Вдова. Это еще вопрос, Ричард ли он?

Адвокат. У вас есть сомнения?

Вдова. А, да что там сомнения! Мне все равно. Но если это Ричард, пусть он мне отдаст страховку за то, что ему досталось после моего мужа, а если Томас, так нечего ему сидеть в отеле и выбрасывать деньги на адвокатов, пусть возвращается к жене и детям.

Адвокат. Погодите минутку! Либо вы считаете себя вдовой, либо замужней женщиной. Если...

Вдова. Знаю, знаю! Вы хотите меня запутать. Я с вами спорить не собираюсь. У меня есть свой адвокат. Жду до субботы, а уж потом поговорим, но только в суде. *(Уходит.)*

Джонс *(входит осторожно)*. Я ее видел. Она у вас была, да?

Адвокат. Ваша невестка? Да. Вы знаете ее требования?

Джонс. Как не знать. Хочет либо только деньги, либо еще и меня в придачу. Если по-другому не выйдет, я, пожалуй, рискну. Во всяком случае, как муж я буду поближе к этим деньгам, верно? А что вы мне посоветуете?

Адвокат. Дорогой мистер Джонс, я должен вас огорчить. Это не так просто. Я был в клинике, разговаривал с экспертами. К сожалению, не удалось установить, являетесь ли вы живым или же скончались.

Джонс. Что такое?

Адвокат. Вы только не волнуйтесь! Речь идет не о субъективном состоянии, а о правовом! Брак заключается как в духовном смысле, так и в плотском. С духовной точки зрения вы, несомненно, Ричард Джонс. Но с точки зрения плотской... *(Разводит руками.)*

Джонс. Что вы мне рассказываете? Так кто же я все-таки?

Адвокат. На суде обязательно возникнет вопрос о том, кто же отец оставшихся детей, дорогой мистер Джонс. Так вот, с духовной точки зрения вы, безусловно, им не отец, поскольку не имели намерения заводить детей со своей невесткой, а также не планировали мысленно шагов, результатом которых является отцовство. Не правда ли?

Джонс. Ясно, не хотел. В жизни у меня с ней ничего не было! Вот идиотизм, это же невестка!

Адвокат. Именно! Но прошу вас слушать внимательно. Если брать за исходный пункт вашу духовную жизнь, вы не отец этих детей, так же и в правовом смысле. Это ведь не вы отвечали «да» на вопрос пастора: «Хочешь ли ты взять в жены эту женщину?» Однако, к сожалению, с вами произошел несчастный случай, и пришлось проделывать целый ряд трансплантаций. Возникает опасение и даже уверенность, что с точки зрения плотской вы являетесь отцом. Ибо в настоящий момент вы оказались владельцем таких зон того тела, которые в силу их предназначения и функций заведуют отцовством.

Джонс. Ничего не понимаю, но это неправда. Никакой я не отец. Я к невестке даже не прикоснулся. Ладно, если нельзя иначе, могу их усыновить, но ничего больше.

Адвокат. Мистер Джонс! Вы еще не охватываете всей сложности этого дела! Отец не может усыновить собственных детей, а поскольку, будучи телесным отцом, вы не являетесь им духовно, на основании брачных отношений, ибо с матерью этих детей венчались не вы, а ваш брат, из этого следует, что вы являетесь *частично* шурином, *частично* же мужем, то же самое относится к отцовству! Но ни частичный брак, ни частичная адаптация, ни развод на тридцать процентов по закону невозможны!! Поэтому вы не можете ни развестись с невесткой, ни вступить с ней в брак, разве что признаете перед судом, что эти дети вообще никогда не были детьми вашего брата, но что вы, совершив прелюбодеяние, произвели их на свет с невесткой до катастрофы!

Джонс. И тогда я был бы их отцом? Спасибо.

Адвокат. Ничего подобного! Именно тогда вы были бы только их дядей! А это, учитывая, что ваш скончавшийся брат является обладателем... Хотя нет! Ведь в этом участвовали третьи лица! Возможно, отец этих детей находится где-нибудь совершенно в другом месте и даже ничего об этом не знает. Какой случай! Какой неслыханный юридический казус! Исторический прецедент!

Джонс. Оставьте меня в покое! Чему вы так радуетесь? Мне-то что делать, черт побери?

Адвокат. Прошу вас, сохраняйте спокойствие. Выше голову!

Джонс. Ясно, я не могу себе позволить нервничать. В пятницу у меня ралли. Я приду к вам в субботу. Тогда мы с этим покончим. Голова у меня будет посвободней...

Адвокат. Отлично, дорогой мой, но остается еще один вопрос. Издержки растут, знаете ли. Было бы желательно получить аванс.

Джонс. После ралли. Если выиграю, заплачу, пятьдесят тысяч, наверно, хватит на все, верно? Влез в долги, кредиторы мне житья не дают. Все время за мной таскаются. Я здесь — они здесь. Я там — они там. Чертовски мне со всем этим не повезло!

На улице Джонса, вышедшего из ворот, окружает несколько человек разного возраста.

Джонс. Отвяжитесь! Оставьте меня в покое! Ну пошли Пошли! Нет никаких денег. В субботу поговорим. Да, в субботу. До субботы ничего! *(Садится в автомобиль и уезжает.)*

Кредиторы разочарованно смотрят ему вслед.

Кабинет адвоката. Входит Джонс. Он слегка прихрамывает. В руках у него дамская сумочка, он украдкой откладывает ее куда-то в сторону.

Адвокат. Рад вас видеть, мой дорогой. Мы давно не встречались!

Джонс *(осторожно садясь)*. А, да. Почти три месяца. Чертовское невезенье.

Адвокат. Горячо вам сочувствую. Одновременно хочу выразить вам мое искреннее соболезнование. Я слышал, что в результате трагического происшествия вы потеряли свою... То есть жену. Впрочем, теперь это уже несущественно. Во всяком случае, вы потеряли близкого человека, и я от всей души разделяю вашу горе! Вы пришли по поводу вашей тяжбы со страховой компанией? Видите ли, дело еще не сдвинулось с места, но...

Джонс. Нет. У меня новые заботы. Я попал в такие тиски, прямо не знаю, что делать.

Адвокат. О? Я читал об этой катастрофе...

Джонс. В газетах всего не напечатали. Врачебная тайна. Н-да, если бы не доктор Бартон, меня бы уже не было в живых. Но когда он снял мне позавчера швы, мне вручили судебные повестки. Шесть штук! Вот с этим я к вам и пришел. Вы должны меня спасти!

Адвокат. Я сделаю все, что смогу. А о чем речь?

Джонс (*вынимает из кармана лист бумаги*). Мне бы всего не запомнить, пришлось записать. Значит, так. Меня обвиняют в присвоении драгоценностей, в профанации или осквернении могил... дальше не могу разобрать. Может, у вас есть лупа?

Адвокат подает лупу.

Джонс. Угу, так. В пренебрежении обязанностями матери.

Адвокат. Вероятно, отца.

Джонс. Нет, матери.

Адвокат. Вы женщина?

Джонс. Еще чего!!

Адвокат. Вы изменили пол?

Джонс. Ничего я не изменял. То есть... (*Массирует себе колени.*) Собственно, нет, это не я изменил, это она. Хотя тоже нет, ведь она умерла.

Адвокат. Ничего не понимаю. Кто «она»?

Джонс. Саломея Тайнелл.

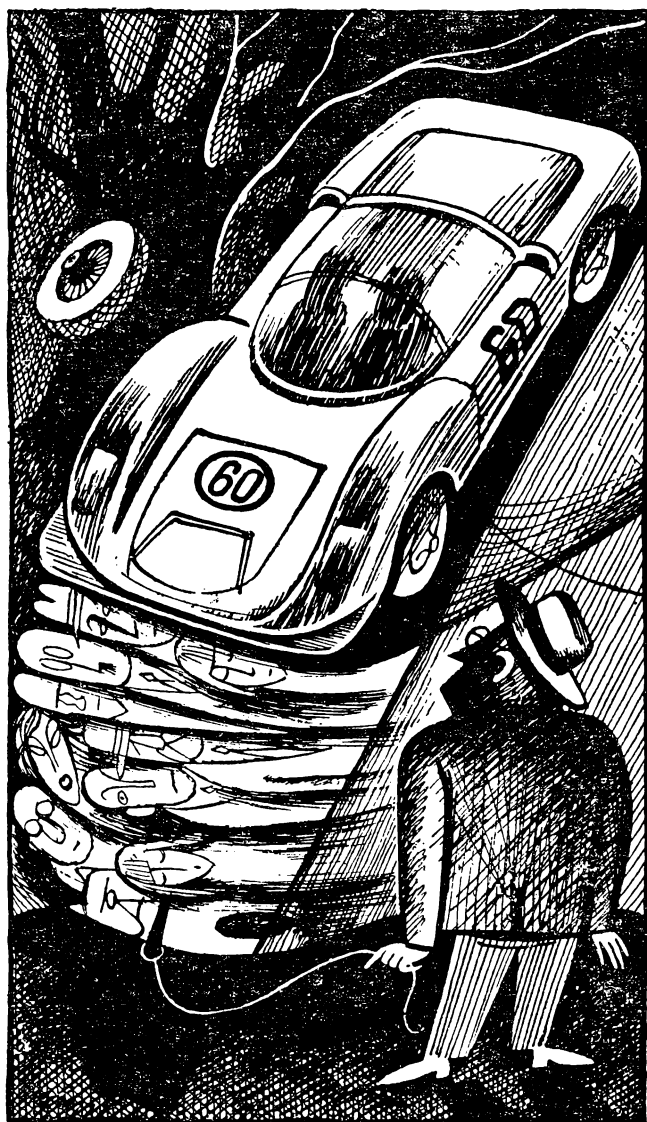
Адвокат. Кто она такая?

Джонс. Это ралли должно было поставить меня в смысле финансов на ноги. Я нашел себе нового штурмана. Френк Смит. Может, слышали? Правильный был парень! Но, черт, это мое невезенье.

Адвокат. Что, опять, опять из вас двоих?..

Джонс. Нет. На этот раз было еще хуже. Все моз кредиторы и разные другие люди пришли посмотреть на ралли. Лучше всего видно на вираже. Даже невестка пришла, хотя она имела ко мне претензии. Короче говоря, вместе с ней там стояло восемь человек. (*Вынимает второй листок.*) Кредиторов моих вы знаете, так что их я пропущу. Кроме них, Саломея Тайнелл, тридцати пяти лет, Нэнси Куин, двадцати трех лет, о невестке я уже говорил. Тут вот что случилось: я вошел в поворот на ста восьмидесяти и прошел бы его как надо, но у меня занесло зад. Как меня потащило, закрутило...

Вираз. Группа зрителей: невестка - вдова, кредиторы, две женщины, сбоку мужчина с собакой боксером на поводке. Автомобиль приближается

с бешеной скоростью, его заносит, он выскакивает с шоссе. Там, где стояла группа людей, падает дерево, столб дыма, из дыма выкатывается одно автомобильное колесо, за ним остальные. Вой сирен карет «скорой помощи». Уже известная нам дверь операционной. В нее гуськом въезжает длинная вереница каталок, покрытых белым. Выезжает только одна.

Джонс, жестикулируя, разглагольствует в кабинете адвоката.

Джонс. Ну, я потерял сознание. Доктор говорит, что он делал все, что мог. Теперь я ему должен кучу денег. От кредиторов я вроде отделался, но все равно у меня долгов выше головы.

Адвокат. И невестка тоже... Как вам сочувствую!

Джонс (*время от времени он трогает колени, бедра, массирует себе суставы*). Тоже.

Адвокат. Так кто же, собственно, теперь обвиняет вас и в чем?

Джонс. Во-первых, жених этой Нэнси Куин. Он требует возращения платины и золота.

Адвокат. Какого золота?

Джонс. Вот этого... (*Открывает рот и показывает золотые коронки*). Жених — дантист. Они должны были обвенчаться. Ну, он ей как невесте и повставлял кое-что. Все на золоте, а мостик платиновый. Теперь он требует, чтобы я ему все отдал.

Адвокат. Вы? Ему?

Джонс. Да. Он говорит, что это был подарок невесте, а я вовсе не его невеста. Вроде он и прав, но разве я все это забрал? Я никого не просил ни о каких коронках. Никаких золотых коронок я не заказывал, так почему я должен их отдавать?

Адвокат. Ну... э... конечно... мистер Джонс. Редкостное дело! Это все претензии к вам?

Джонс. Если бы! Та, вторая женщина, Саломея Тайнелл, я ее не знал. В глаза не видел, а теперь ее дядя требует, чтобы я выплачивал на содержание детей.

Адвокат. Ее детей?

Джонс. Ну да.

Адвокат. Понимаю. Поскольку катастрофа на трассе произошла по вашей вине, хотя в ваших действиях и не было злого умысла, так?..

Джонс. Ничего вы не понимаете. Комиссия установила, что я не виноват в катастрофе, так как там было разлито масло. Я должен платить не из-за катастрофы, а... Ну, одним словом, в качестве матери или продолжения матери.

Адвокат. Продолжения матери? Кто придумал эту формулировку?

Джонс. Адвокат ее дядюшки. Он говорит, что я мать на одну четверть.

Адвокат. О какой матери идет речь?

Джонс. Ну, с вами разговаривать! Послушайте, эта женщина, Тайнелл, имела троих детей. Так? Она была страшно

больна — ревматизмом. Теперь, как только дела к дождю, у меня так колени ломит, что я не чувствую ни сцепления, ни газа. Для меня это гроб, вы должны понимать!

Адвокат. Значит, что миссис Тайнелл... что ее ноги...

Джонс. Ну да. Где-то до сих пор. (*Неопределенные жесты в области бедер.*) Такой ревматизм, все это такое большое, а дядя, прохвост, требует, чтобы я заботился о малышах, присылает мне письма с угрозами, вот как он пишет (*вынимает из кармана письмо*): «Или ты будешь давать на детей, или я требую, чтобы ты немедленно уложил незабвенные останки моей племянницы в семейный склеп. Я не допущу, чтобы кто-нибудь крутил остатками моей дорогой покойницы!» Что вы на это скажете? Люди такие бессовестные!

Адвокат. Гм! Многовато. Позвольте, я запишу? (*Пишет, бормоча.*) Мм... Профанация, золотые коронки, мост, трое детей, обязанности матери, ревматизм... Итак, дорогой мистер Джонс, поскольку вы мне уже все объяснили...

Джонс. Какое там все. Есть еще долг доктору Миллеру, и вдобавок — пес.

Адвокат. А чего хочет этот доктор?

Джонс. Чтобы я заплатил за лечение ревматизма. Миссис Тайнелл лечилась у него, но платила сразу за год. Сейчас как раз подошел срок выплаты. Доктор говорит, что лечил ноги, и ноги существуют, значит, платить должен тот, кто на них ходит, кто ими владеет. Угрожает, что подаст на меня жалобу и продаст меня с торгов! Но, во-первых, суставы у меня ноют дьявольски...

Адвокат. Нет! Не так, мистер Джонс. Это неверная линия. В этом я прошу вас не признаваться!

Джонс. Что? Я же говорю вам, как только собирается дождь...

Адвокат. Это не имеет значения. Если вы хоть раз признаетесь, что это не ваши ноги...

Джонс. Мои! Я ведь хожу на них, верно?

Адвокат. Во всяком случае, я вам запрещаю вдаваться с истцами в какие-либо споры или беседы. С этого момента только я буду представлять ваши интересы.

Джонс. Замечательно.

Адвокат. Э, вы еще упоминали о каком-то псе?

Джонс. Да. Там стоял сбоку один тип. Он не пострадал, но его пес, боксер, исчез. Этот тип утверждает, что я его присвоил.

Адвокат. Вы?

Джонс. Да. Но это чушь. Он выссал это из пальца. Я ничего не знаю ни о каком псе. Доктор Бартон тоже его не упоминает.

Адвокат. Постойте. На всякий случай запишем. Пес породы боксер. Хорошо. Теперь все?

Джонс. Пока да. (*Встает.*) Где же она? Я мог бы поклясться, что положил ее где-то здесь. Вы не видели?

Адвокат. Чего?

Джонс. Сумочки.

Адвокат. Вот лежит какая-то сумочка. (*Показывает на дамскую сумочку, которую Джонс положил сбоку на стул.*)

Джонс. Действительно. Спасибо. *(Берет сумочку, достает из нее платок, вытирает лоб.)*

Адвокат. Вы пользуетесь сумочкой?..

Джонс. Да. Это удобнее. Верно ведь? Карманы не отягиваются...

Адвокат. А можно узнать, как давно?

Джонс. Не помню. С некоторого времени. Итак...

Адвокат. Минуточку, мистер Джонс. Расходы опять начнут расти. Сами понимаете — столько дел! Я вынужден просить вас об авансе.

Джонс. Я ждал этого. Пока я могу вам дать только сто долларов, но на следующей неделе я стартую в среднеамериканском ралли. Первая награда восемьдесят тысяч — это покрывает все расходы, верно? Теперь я должен солидно тренироваться. Я набит аспирином, как аптека... Ох, эти ноги, эти ноги! Ну да куда же денешься. Ага, я собираюсь застраховаться перед ралли, но так, чтобы потом в случае чего компания не смогла как-нибудь словчить. Вы мне поможете?

Адвокат. Охотно. Я позабочусь об этом. Мистер Джонс, вы посещаете всегда одного и того же психоаналитика?

Джонс. Да. Доктора Банглосса. А что?

Адвокат. Ничего. Я просто хотел знать. До свидания... и ни пуха ни пера!

Джонс. К черту.

Адвокат в кабинете психоаналитика, доктора Банглосса.

Адвокат. Итак, я адвокат Ричарда Джонса. Впрочем, я уже объяснил цель моего визита по телефону.

Банглосс. Да, да. Прошу. Вы хотите узнать духовную подоплеку. Хорошо. Джонс... необычный случай!

Адвокат. Именно. Он вовлечен одновременно в несколько тяжб. Суд может вызвать экспертов, вы понимаете, чтобы они дали свое заключение. Как его защитник я должен быть подготовлен к этому.

Банглосс. Да. Вы говорили мне, помню. Здесь у меня его материалы... Но в принципе это же врачебная тайна...

Адвокат. Я действую от имени Джонса. Для его пользы. Меня также обязывает профессиональная тайна.

Банглосс. Ну хорошо. В течение последнего года в его поведении наметились некоторые изменения...

Адвокат. Изменения? Какие?

Банглосс *(показывая на магнитофон)*. У меня тут зарегистрированы некоторые фрагменты курса лечения Джонса. Я использую метод свободных ассоциаций. Вам известно, на чем он основан? Я произношу какое-нибудь слово, а пациент отвечает первое, которое приходит ему в голову.

Адвокат. Ну конечно, мне это известно.

Банглосс. Первый фрагмент — двухлетней давности. Пожалуйста, включайте магнитофон.)

Слышны голоса Джонса и Банглосса.

Банглосс. Ночь.

Джонс. Фары.

Банглосс. Темнота.

Джонс. Предохранитель.

Банглосс. Почему «предохранитель»?

Джонс. Раз темно, значит авария со светом, верно?

Банглосс. Внимание, идем дальше. Шляпа.

Джонс. Клапан.

Банглосс. Как вы связываете шляпу с клапаном?

Джонс. Обыкновенно. Шляпа — это цилиндр, а в цилиндре есть клапаны.

Банглосс. Ага. Внимание! Кровь.

Джонс. Стоп.

Банглосс. Почему «стоп»?

Джонс. Ну, красный свет.

Банглосс. Святая троица.

Джонс. Двойка.

Банглосс. Что это «двойка»?

Джонс. Вторая скорость.

Банглосс. Каламбур.

Джонс. Карбюратор.

Банглосс выключает магнитофон.

Банглосс. Вот так было два года назад. Вся фрейдовская символика сводилась у него к автомобилю. Если я говорил «икры», он отвечал «шасси», и даже палка, обратите внимание, была для него рычагом переключения скоростей. А вот фрагмент записи, сделанной после несчастных случаев.

Банглосс. Цветок.

Джонс. Фата.

Банглосс. Процессия.

Джонс. Свечи.

Банглосс. Почему свечи?

Джонс. Понятия не имею. Просто так мне сказалось.

Банглосс. Автомобильные свечи?

Джонс. Да нет. Обыкновенные, которые горят.

Банглосс. Поршень.

Джонс. Колечко.

Банглосс. Шоссе.

Джонс. Путешествие.

Банглосс. Бензин.

Джонс. Перчатки.

Психоаналитик выключает магнитофон.

Банглосс. Как видите, тут не может быть никаких сомнений. Цветок напоминает ему о флердоранже, а отсюда — фата. Естественно, подвенечная. Процессия — свечи. Речь идет о свадебной процессии и соответственно венчальных свечах. Поршень через поршневое кольцо ассоциируется у него с обручальным колечком. Шоссе вызывает у него мысль не о гонках, а о путешествии, само собой разумеется, свадебном. Так же как бензин ассоциируется с перчатками. Такая ассоциация может возникнуть только у женщин. Мужчины не развлекаются чисткой перчаток.

Адвокат. О господи! Значит, его действительно нет?

Банглосс. Ну что вы говорите! Как это его нет!

Адвокат. Так ведь все ясно — он Нэнси Куин! Та девушка, которая...

Банглосс. Нет. Это не так просто. Она бы вообще не связала поршень с колечком. Поршень наверняка не ассоциировался бы у нее с кольцами. В крайнем случае с давлением. Я бы сказал так: на поверхности мы имеем Джонса, а в глубине — девушку. Как масло на хлебе!

Адвокат. Масло на хлебе? Вы шутите...

Банглосс. Нисколько. Вы знаете, как работает сегодня хирург? Кусочек кожи, кусочек пластика, кусочек еще чего-нибудь, что оказалось под рукой. Он спил из того, что подвернулось. Ему пришлось штопать. По стежкам.

Адвокат. По стежкам?

Банглосс. Это совершенно очевидно. То есть о самой операции мне ничего не известно...

Адвокат. Так что же он, собственно, такое?

Банглосс. А что такое бутерброд?

Адвокат. Но я не могу представлять в суде бутерброд!

Банглосс. Почему? Новые времена — новые нравы. Привыкнете!

Адвокат. Однако что-то должно превалировать! Все-таки он Джонс или не Джонс?

Банглосс. Трудно сказать. В какие-то моменты он стал вести себя агрессивно. На последнем сеансе, когда я вводил его в гипнотический транс, он меня укусил. *(Показывает перевязанный палец.)*

Адвокат. Укусил вас? Боже мой, пес!

Банглосс. Какой пес?

Адвокат. Боксер. Он там тоже крутился.

Банглосс. Где?

Адвокат. На месте катастрофы. Потом исчез. Вы знаете, как все произошло?

Банглосс. Нет. А это имеет какое-нибудь значение?

Адвокат. Постольку поскольку. Все стояли у ограждения. Самая обычная сетка. Ну и автомобиль налетел на них... А пес там тоже был. Был и пропал. Есть свидетели.

Банглосс. Вы считаете?.. Хм. Пес. В связи с этим что-то... того... может, мне нужно сделать прививку?

Адвокат. По-вашему, Джонс бешеный?

Банглосс. Не Джонс. Пес.

Адвокат. Вы полагаете, что...

Банглосс. Почему бы нет? Его организм, возможно, отторгнет трансплантат, но я тем временем могу взбеситься. Лучше сделать. На всякий случай. Благодарю за информацию.

Адвокат. Не за что. Но как же мне быть со всем этим?

Банглосс. События происходят с такой быстротой. Советую вам пока воздержаться от каких бы то ни было действий до следующего ралли.

Адвокат. Вы думаете? Пожалуй... *(Встает, чтобы попрощаться.)*

Кабинет адвоката. Голос секретарши.

Голос. Сэр, пришел мистер Джонс.

Адвокат. А, появился?!! Великолепно! Пусть войдет.

Входит Джонс.

Джонс. Мое почтение. Я пришел к вам, так как...

Адвокат. Я прекрасно знаю, с чем вы пришли. Я ждал вас.

Джонс. Вы меня ждали? Странно.

Адвокат. Почему странно?

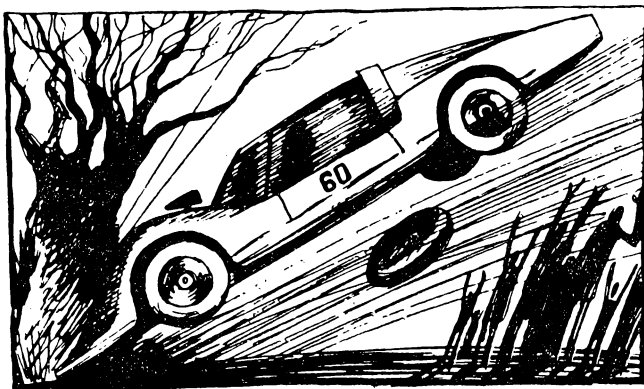
Джонс. Потому что до вчерашнего дня я еще колебался, какого адвоката нанять. Но в конце концов решил обратиться к вам, мне о вас так много хорошего рассказывал Джонс.

Адвокат. Джонс? Какой Джонс?

Джонс. Ну, Ричард Джонс, мой водитель на последнем ралли, этот бедняга... Ах да. Я забыл представиться. Мое имя Джон Фокс. Я штурман. Мы с Джонсом были старые приятели. Когда он предложил мне вместе с ним участвовать в этом ралли, я охотно согласился. Именно тогда он рассказал мне, как вы защищаете его интересы! Ну а то, что ралли закончилось для него трагически, — уж такая это рискованная профессия, верно? Первые двести миль мы шли в головке, просто блеск; Ричард вел отлично, как в лучшие свои дни, и только на этом проклятом вираже...

Трасса. Автомобиль. Вираж. Одинокое дерево. Грохот. Дерево клонится и падает. Вой сирен. Дверь операционной.

Перевел с польского Дм. БРУСКИН

На 1-й и 4-й стр. обложки — рисунки А. ГУСЕВА.

**На 2-й стр. обложки рис. Н. ГРИШИНА к очеркам
Л. СКРЯГИНА и С. МИЛИНА «Пираты XX века».**

**На 3-й стр. обложки рис. В. ЧИЖИКОВА к киносценарию
Станислава ЛЕМА «Слоеный пирог».**

**Редакционная коллегия: А. Г. АДАМОВ, А. П. ДНЕПРОВ,
А. П. КАЗАНЦЕВ, А. В. НИКОНОВ, А. А. НОДИЯ, Н. В. ТОМАН,
В. М. ЧИЧКОВ**

**Редакторы выпуска: О. СОКОЛОВ, В. МАЛОВ
Художественный редактор Т. ПРОКУДИНА
Технический редактор А. БУГРОВА**

**Рукописи не возвращаются.
Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Адрес редакции: Москва, А-30, Суцеская, 21. Тел. 251-15-00,
доб. 4-10.**

**Сдано в набор 5/VI 1972 г. Подп. к печ. 24/VII 1972 г. А01249.
Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 5 (усл. 8,4). Уч.-изд. л. 10,5.
Тираж 150 000 экз. Цена 20 коп. Заказ 1195.**

**Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»,
Москва, А-30, Суцеская, 21.**

Александр КАЗАНЦЕВ — Фаэты
Николас МОНСАРРАТ — Жестокое море
Л. СКРЯГИН, С. МИЛИН — Пираты XX века
Станислав ЛЕМ — Слоеный пирог

Цена 20 коп.

